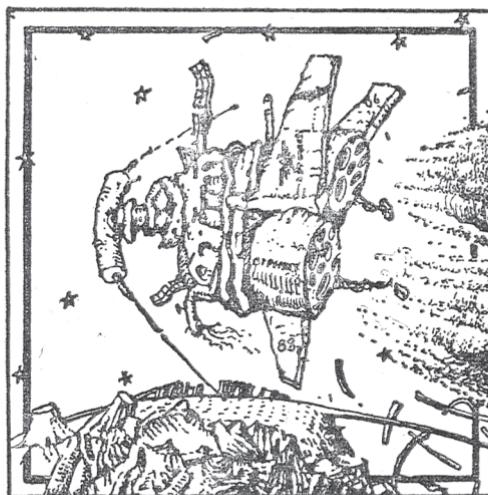

Анатолий Шалин

ВАКАНСИЯ

Повести и рассказы

НОВОСИБИРСК
1988

ББК 84 Р7
Ш 14

Рецензент М. П. Михеев

Шалин Е. В.

Ш 14 Вакансия. —Фантастические повести и рассказы. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988.— ил., 200 с.

Мягкий юмор, ирония, сатирические нотки и вместе с тем размышления о достаточно серьезных проблемах — вот характерный почерк автора в новой книге.

Сборник включает повести: «Вакансия», «Путешествие Тимофея Авоськина за пределы Солнечной системы» и рассказы.

От автора

Очевидно, смысл любого предисловия заключается в том, чтобы подготовить читателя к восприятию книги, дать если не ключ к пониманию авторской философии, то показать, что можно найти на страницах книги, а чего лучше не искать. Иными словами, задача предисловия придать читательскому воображению нужное направление, создать у читателя определенное настроение. Скажем, если книжка иронична, можно легонько намекнуть, что слезу пустить над текстом, скорее всего, не удастся. Если же, напротив, под обложкой сосредоточены все скорби мировые, то полезно подвести читающего к мысли: смех, товарищи, неуместен.

Итак, вооружившись этими принципами, приступим.

Сразу вынужден разочаровать тех, кто надеется отыскать на страницах этой книги высококачественные и идеально полноценные образы людей будущего – нету таковых, под рукой не оказалось, пришлось заселить книжку образами современников, причем далеко не идеальными. Кстати, с описанием светлого будущего тоже не все благополучно, не вытанцовывается у автора этот монументальный образ, хотя соблазн описать, как наконец-то все хорошо и разумно будет, скажем, в каком-нибудь тридцать девятом веке, такой соблазн был. И конечно, самое печальное, в тексте отсутствуют подробные технические описания тех фантастических аппаратов, которые используются героями. Так, например, нет монтажной схемы генератора глупости, отсутствуют чертежи двигателей нуль-пространственного звездолёта и куда-то затерялся принцип действия машины времени. Да, этого нет, но попадается кое-что другое.

Наверное, самым простым (и кстати, самым глупым) делом было бы объяснить основные идеи того или иного рассказа, наклеить ярлычок на тот или иной образ, персонаж. К примеру: в аллегорическом образе огнедышащего дракона, разбившего себе морду о могучий дуб, автор изобразил, скажем, международный империализм, и что важно, загнивающий, В образе Суперперфектума изображен мировой бюрократизм. В

образе генерала Нивса – милитаризм. В образе кота Василия изображен, как это ни странно, сам кот Василий. В образе дуба, естественно, тоже что-то изображено... И так далее, и все заинтересованные лица довольны, и даже смеются. Увы, глубоко уважая своих читателей, автор от подобных разъяснений решил воздержаться. Что изобразил, то изобразил, а чего нет, того нет. Каждый понимает по-своему, так сказать, индивидуально, особенно это касается фантастики, которая, пожалуй, в большей мере, чем другие литературные жанры, опирается на индивидуальность читателя, на его воображение. Вот этому-то свободному полету читательского воображения автор мешать не намерен.

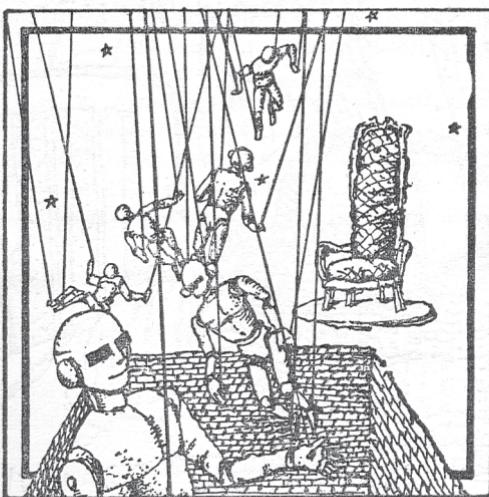
Больше того, если честно, автору даже не очень важно, как понимают читатели его героев, автор не кроссворды составлял, подстановки слов из пяти или семи букв здесь не нужны. Важно другое, какое настроение создается после прочтения повести, рассказа, какие чувства рождаются у читателя.

Литература, об этом у нас как-то принято забывать, – вид искусства. Всякое же произведение искусства, как об этом размышляли еще древние греки, воспринимается в первую очередь сердцем, органами чувств, и в последнюю очередь – разумом.

Эта картина мне нравится, – говорит зритель, – а эта нет. Это прекрасно, а это отвратительно. И только уже позднее, когда его, зрителя, припрут к стенке назойливыми вопросами, он начинает соображать, придумывать, а почему же, собственно, от этого он в восторге, а этот шедевр, простите, бяка. И начинается – гармонию поверяют алгеброй, раздирают на части, подгоняют под жесткие, сухие схемы теоретических построений. Случается, что от гармонии после такого пристрастного анализа ничего уже не остается. Однако, как в этом убедился еще пушкинский Сальери, это тупиковый путь.

А поэтому, уважаемый читатель, воспринимайте содержимое этой книжки таким, каким оно вам представляется. Если есть над чем пофантазировать – фантазируйте. Если есть над чем посмеяться – смейтесь. Если что-то вызывает грусть – грустите. Если что-то заставляет задуматься – думайте. И если прочитанное доставит вам хотя бы каплю удовольствия и не покажется безнадежно скучным, автор будет, поверьте, вполне удовлетворен.

ВАКАНСИЯ

На поляне под большим тенистым деревом стояла деревянная скамейка, обычная садовая скамейка с высокой спинкой и витыми ножками. А на скамейке сидела длинноволосая, худенькая девушка...

Глава 1

— Нет, Финдельфебеля я тоже не читал, — ответил Василий, ничуть не смущаясь.

— Как, и Финдельфебеля не читал? — изумился Геннадий. — Ну, знаешь! Дремучий же ты, Огурцов! Финдельфебеля не читать! А ты хоть слышал о нем раньше?

— Нет.

— Как? И не слышал? Вот она слава! Это же самый могучий ум двадцать пятого столетия. Самый модный ныне философ! Чего стоят такие его монографии, как: «О сущности насущного» или «К вопросу о мироздании» — шедевры глубокомыслия! Половина галактики от этих произведений в восторге!

— Значит, я пребываю на другой половине, — спокойно заключил Василий, продолжая следить за приборами на пульте управления.

В рубке на минуту наступило молчание.

Штурман «Стремительного» Геннадий Куц переваривал услышанное. Конечно, за три года совместных полетов с Огурцовым Куц успел изучить характер своего напарника, но все же невежество пилота в некоторых вопросах было потрясающим.

— Нет, все же не понимаю, — вздохнул Геннадий, — чем ты в свободное от вахт время занимаешься? До Земли еще недели полета в гиперпространстве. Не захочешь, а половину корабельной библиотеки прочитаешь.

— Так я и читаю, — Василий кивнул на полку слева от себя, — повышаю уровень эрудиции.

Геннадий скользнул взглядом по корешкам стоявших на полке книг и сморщился, точно от зубной боли.

— «Грузовые звездолеты», «Основы звездоплавания», «Учебник пилота первого класса», «Гиперпространственные двигатели» — вот скучища-то, — прорыдал штурман, — от одних названий скучу сводит и в анабиоз залечь хочется.

Василий усмехнулся:

— Твой любимый Финдельфебель не легче. Лучше скажи, когда последний раз траекторию корректировал?

— Вчера. Отклонение небольшое намечалось, пришлось устраниТЬ, а что?

— Внимательнее надо бы работать, — ехидно заметил Василий, — а то капитан пропишет нам философию. Проверь курс еще раз.

Геннадий фыркнул и сердито защелкал вычислителем.

Василий снисходительно наблюдал за другом, удивлялся, очень уж легко и просто все у штурмана получалось. Кузь был натурой пылкой, увлекающейся, не-поседливой, даже легкомысленной. На досуге, для самообразования, как он выражался, изучал философию, искусства и еще сотню различных экзотических дисциплин, о которых подавляющее большинство нормальных людей даже и не слышало. При этом он оставался неплохим специалистом, в космофлоте был на хорошем счету, и капитан «Стремительного» Федор Левушкин ежегодно отмечал его отличную работу в приказе по звездолету. Правда, иногда штурману доставалось от капитана по мелочам, но такие единичные просчеты бывали у любого члена экипажа.

Проделав вычисления, Геннадий тоскливо осмотрел рубку и остановил взгляд на Василии.

— Ерунда получается, — упавшим голосом сооб-

щил он, — вчера выправил курс, а сегодня опять на два градуса сносит. Причина внешняя... Кажется, не приятности будут. Что-то я не припомню подобного... В гиперпространстве на два градуса за сутки полета... Чудеса!

— В гиперпространстве всякое бывает, — спокойно заметил Василий. — Надо капитану сообщить. От не приятностей все равно никуда не уйдешь, и то сказать, какой рейс без неприятностей? Зови шефа.

— А может, сами разберемся?

— С этим не шути! Параграф третий, пункт восьмой: неизвестная опасность! Немедленно сообщить командиру!

— Опасность... — недовольно промычал Геннадий. Параграф... Бюрократы...

Какую-то секунду штурман размышлял, затем нажал кнопку вызова капитана.

Через две минуты Левушкин уже сидел в рубке.

Капитан «Стремительного» не любил быстрых, не обдуманных решений. Он долго, придирчиво проверял показания приборов, расчеты штурмана, затем, настынивая себе под нос популярную песенку: «Я жизни не мыслю без звезд и планет...», задумался. Чувствовалось, что и ему явление, с которым они столкнулись, незнакомо.

— Гравитационная бутылка — есть такая легенда у стариков космофлота, — после длительного раздумья сообщил он. — Слышали?

— Слышали, — ответил Василий. — Корабль попадает в мешанину гравитационных полей, этакую замкнутую область, из которой невозможно выбраться.

— Так это сказки! — проворчал Геннадий.

— Сказки, — согласился Левушкин, — а то, что у нас топлива только-только до Солнечной системы, это

уже реальность. Еще две-три таких корректировки — и застрянем среди звезд. Кстати, напряженность полей растет, заметили?

— Заметили, — уныло подтвердил Геннадий, — я же говорю — затягивает.

— Одно непонятно, — сказал Василий. — Трасса известная. В этом районе не должно быть крупных тел. Откуда такие поля?

— Крупных тел! — Левушкин поежился. — А вы прикиньте массу источника гравитации! Вычислитель под боком. Скорость известна, градиент кривизны по счетчику.

Геннадий быстрыми движениями пальцев прошелся по клавиатуре вычислителя, вывел результат на табло и побледнел.

Василий заглянул на экран через плечо друга и присвистнул:

— Ого! — сказал он. — Сравнимо с массой галактики...

— И напряженность растет, — добавил Геннадий.
— Еще немного и...

Левушкину не хотелось думать, что будет за этим «и».

— Рассчитай-ка переход в обычное пространство!
— сказал он Василию. — А ты, Геннадий, прикинь: хватит ли нам топлива на все маневры.

— Топлива пока хватает, — ответил Куц. — Я уже посчитал, но, если масса источника полей действительно так велика, переход из одного режима в другой ничего не даст. Разве что выигрыш во времени.

— И это уже немало! — бодро заметил Левушкин.
— Главное, не паниковать! Как-нибудь выкрутимся.

— Легко сказать, — пробормотал Геннадий, масса галактики... Вычислитель...

— Вычислитель? А головы у вас зачем? Вы же изу-

чали трассу. У вас карты, атласы перед глазами. Где вы там видели такие объекты? Покажите хоть один. Себе надо больше доверять, своим знаниям.

— А поля?

— А что — поля! Поля как поля! — раздраженно ответил Левушкин. — Непонятные поля, что и говорить. По тому, как нас крутит, думаю, гравитация искусственного происхождения, других объяснений пока просто не вижу. Очень уж это возрастание напряженности полей напоминает элементарный перехват!

— Перехват? Не может быть! — сказал Василий.
— Какой же мощности должна быть установка, чтобы менять траекторию движения звездолета в гиперпространстве?

— Выходит, мы вошли в контакт со сверхцивилизацией? — спросил Геннадий.

— С чем мы вошли в контакт, об этом гадать не будем, — устало ответил Левушкин, — выполняйте маневр. Цивилизации от вас не убегут. Я пойду остальных подготовлю.

Дверь за капитаном закрылась.

Геннадий с Василием переглянулись.

— Не было печали, — проворчал Василий, — интересно, что в таком положении мог бы нам посоветовать уважаемый Финдельфельбель?

Штурман игнорировал провокационный вопрос, передернул плечами и, словно ничего особенного не произошло, вернулся к своим расчетам.

Приборы зафиксировали переход в обычное пространство. На вспыхнувших экранах внешнего обзора возникло сияние неизвестных созвездий. Затем сразу же звезды на трех экранах стали гаснуть, заслоняемые какими-то гигантскими телами.

Всмогревшись внимательнее, астролетчики поняли, что тела напоминают огромные диски. Причем каж-

дый диск плоскостью стремился повернуться в сторону звездолета. Расстояние между дисками и кораблем с каждой секундой уменьшалось.

— Вот они, источники загадочных полей и флюктуаций! — сказал Василий.

— Внушительные сооружения, — подтвердил Геннадий. — Интересно посчитать их размеры. Посмотри, сколько до ближайшего...

Договорить штурману не удалось. В экранах что-то щелкнуло, скачком увеличилась на какие-то доли сила тяготения. Экраны осветились мягким рассеянным светом. На них возникли очертания типичного степного ландшафта с отдаленной цепочкой холмов вдали у горизонта.

И друзьям стало ясно, что они уже вместе со звездолетом на планете неизвестной цивилизации.

— Однако! Несколько бесцеремонно с их стороны, — заметил Геннадий. — Может, мы не желаем. Раз сверхцивилизация, так все уже и дозволено? Мы же не матрешки! Ну, никакого уважения к достижениям человеческого разума...

— Не ворчи! — перебил штурмана Василий. — Протесты мы еще успеем заявить. Лучше взгляни на приборы.

— А что приборы? — пожал плечами штурман. — Приборы в норме.

— Двигатели блокированы. Система подачи топлива перекрыта. Ясно? Ведь я сам ни один двигатель не выключал...

— Вот и говорю — хамство, — вздохнул Геннадий, — сверхцивилизованное, но хамство... Выходит, мы уже и на своем корабле не хозяева. Да... Техника у них, надо отметить, великолепная. Похоже, нас посадили на какой-то заштатный космодром. Ты продолжай на-

блюдение за местностью, а я позову капитана и парней.
Надо бы подготовиться...

К чему надо подготовиться, штурман не стал уточнять, а быстро выскользнул из рубки и побежал по коридору в кают-компанию, где рассчитывал найти Левушкина и остальных членов экипажа «Стремительного».

Глава 2

Кают-компания была самым просторным жилым помещением звездолета. В центре ее находился длинный стол, вокруг него десяток кресел для членов экипажа и гостей. В пластиковые стены от пола до потолка встроены многочисленные секции с книгами, звездными и планетными картами, видеокристаллами, кассетами с видеопленкой и различными сувенирами с Земли и других планет. Помещение использовалось в качестве столовой, библиотеки, кинозала и клуба. Словом, излюбленное место работы и отдыха членов экипажа.

Ожидания штурмана оправдались, к его приходу вокруг стола уже собралась почти вся команда: капитан, кибернетик Виталий и планетолог Роман Птицын.

Два корабельных робота гремели подносами и разливали по чашкам знаменитый на всю галактику грюзянский чай. На столе возвышались тарелки с пирожками и пирожными. Однако чувствовалось, экипажу не до развлечений.

Левушкин из своего командирского кресла у дальней стены несколько осевшим голосом вещал о необходимости сохранять спокойствие и уверенность в конечной победе человеческого разума над всеми стихийными силами мироздания.

— Контакт, — говорил он, устремляя взгляд на от-

ливающие голубизной и позолотой корешки Большой Космической Энциклопедии — верхние две полки справа от двери, — это серьезно. Контакт, — приблизительно секунду капитан пристально рассматривал установленное над входом чучело страхиноптериуса с планеты Большая Бзида, потом, заметив застывшего в дверном проеме Геннадия, указал ему на пустующее слева от себя кресло, дождался, когда штурман усядет-ся, пододвинул ему чашку с горячим чаем и тарелку с пирожными и со вздохом повторил: — контакт — это не развлечение на базовой планете. Нужна максимальная осторожность! Расхлябанности, разболтанности не потерплю! Мы на планете неизвестной цивилизации! Всякое возможно, ко всему нужно быть готовыми! Мы люди — представители, надо помнить, положение обязывает! Штурману стало скучно. Капитан еще долго цитировал параграфы космического устава, напоминал правила общения с инопланетянами, вспоминал разные случаи, когда из-за пустяка возникали чуть ли не межпланетные конфликты...

Чувствовалось, Левушкин растерялся, не знает, о чем говорить и что делать, и просто тянет время. По унылой физиономии капитана струился пот, а обычно бодрые расчесанные усы поникли и несколько увяли.

«Тут у кого угодно усы увянут, — размышлял Геннадий, — не захочешь — растеряешься...»

Не намного лучше выглядели и два других члена экипажа. Кибернетик Виталий, явно без аппетита, доедал очередной пирожок, тянул глотками чай из блюдечка и растерянно поглядывал по сторонам, вид у него был самый удрученный.

Планетолог Роман Птицын, внешне спокойный, деловито тасовал на столе многочисленные карты анализов.

Заметив, что планетолог с бумагами разобрался, Левушкин быстро свернул свое красноречие:

— Думаю, всем ясна сложность положения! А теперь, Роман, расскажите нам, что удалось узнать о мире, в который мы так неожиданно попали.

Роман был краток. Смущенно оглядев слушателей, он обернулся к двери: то ли в поисках моральной поддержки у чучела страхиноптериуса, то ли мысленно советуясь с Большой Космической Энциклопедией:

— Пока удалось установить следующее: планета земного типа. Условия для существования человека самые оптимальные. Климат в данной зоне умеренный. Болезнетворных бактерий пока не обнаружено. Температура за бортом: двадцать три по Цельсию. Воздух чистый, кислород в норме. Небо над кораблем безоблачно, ветра почти нет. У меня все.

— Не густо, — проворчал Левушкин, — почему не установлены координаты планеты? Индекс звездной системы? Удаленность от Земли?

— С индексом туго, — сказал Роман, — электроника пока безмолвствует. Ни одного знакомого созвездия найти не удалось. Боюсь, мы в чужой галактике.

Лица слушателей при этом известии вытянулись.

— Приятного мало, — подвел итог Левушкин.

— Что ж, топлива у нас и в своей галактике едва-едва до Солнечной системы хватало, а из чужой галактики нам самим не выбраться. Надо связаться со здешней цивилизацией! Просить о помощи! — сказал Геннадий.

— Выходит, нам навязывают прогулку по планете, — уточнил Виталий. — Посмотрим местные достопримечательности, что ж, кому-то это интересно.

— Нам навязывают большее, — сказал Геннадий. — Хотим того мы или нет. Нам навязывают контакт, причем довольно грубо! Фактически мы пленники. Двигатели звездолета блокированы!

— Гена... — укоризненно протянул Левушкин. — Пока об этой цивилизации мы ничего не знаем. Возможно, у них более гуманные намерения.

В это время включился экран видеофона, возникло изображение озабоченной физиономии Василия Огурцова.

Пилот кивнул собравшимся и, поглядывая на Левушкина, доложил:

— Со стороны холмов приближается летательный аппарат средних размеров. Какие будут указания, капитан?

Левушкин ожил, теперь от него требовались не теоретические построения о вреде контактов с инопланетянами, а вполне определенные действия.

— Продолжай наблюдения! — скомандовал он Василию. — Мы со штурманом сейчас подойдем. — Капитан посмотрел на собравшихся. — Корабль придется на время покинуть. Пять минут на сборы. Ничего лишнего с собой не брать! Собираемся у шлюзовой камеры. Вопросы есть?

— На корабле кто-нибудь останется? — спросил Виталий. Большой любитель комфорта — кибернетик с предубеждением относился к различным экскурсиям и межпланетному туризму. Лучшим местом работы он считал кибернетическую мастерскую звездолета, а лучшим местом отдыха кают-компанию. Все, что находилось вне стен корабля, воспринималось Виталием как враждебная и крайне неудобная для него среда обитания.

— И не мечтай! — сухо сказал Левушкин. — Тебя здесь никто не оставит. Роботы за собой и сами ухаживать умеют. Нас всего пять человек, и я не собираюсь разбрасываться людьми. Двигаться одной группой, все радости и неприятности встречать вместе. Ясно?

— Вполне, — вздохнул Виталий. — А что будет со

звездолетом, с роботами, со всей нашей кибернетикой?

— Думаю, за несколько дней или недель нашего отсутствия с ними ничего страшного не произойдет.

Виталий уныло кивнул. Чувствовалось, что доводы капитана его не совсем убедили.

— Пошли, — сказал Левушкин, и они с Геннадием направились в рубку к Огурцову.

Василий укладывал атласы, зачехлял приборы, на водил порядок в вахтенных журналах.

— Иди, собирай чемоданы, — сказал Геннадий, — а мы с капитаном понаблюдаем за объектом. Где твой летательный аппарат?

Василий кивнул на левый боковой экран.

— Смотрите. Только наблюдать здесь нечего. Явно за нами прилетел.

Левушкин и Геннадий посмотрели в указанном направлении.

На экране метрах в двухстах от звездолета торчала из травы сферическая конструкция, по форме напоминающая приземистый пузатый самовар, какие иногда попадаются в гостиницах космопортов Земли. По величине летательный аппарат не уступал среднему планетолету, но крыльев и рулей высоты видно не было, а в корпусе темнело отверстие, от которого в траву тянулись ступеньки.

— Занятная штуковина, — сказал Левушкин. — Интересно, как она передвигается?

— Летела тихо, на небольшой высоте, — пояснил Василий. — Шумов и помех при появлении не было. Наверное, антигравитация, но уверенно утверждать не берусь.

— Капитан, здесь и в самом деле наблюдать нечего, — сказал Геннадий. — Пора собираться, парни уже, наверное, ждут.

— Хорошо, — махнул рукой Левушкин, и они разошлись по каютам.

Федору Левушкину не хотелось верить, что звездолет они оставляют надолго. Сборы его были быстры.

Надел легкий защитный костюм, перекинул через плечо сумку с комплектом приборов и продуктов — стандартный набор космолетчика. Распихал по карманам записную книжку, ручку и передатчик для связи с членами экипажа и электронным мозгом звездолета и вышел.

Геннадий к обязательному набору добавил бритвенные принадлежности, расческу, ножницы — штурман следил за своей внешностью. Подумав, он взял с собой карманную аптечку звездолетчика и поспешил за капитаном к шлюзовой камере.

Василий никакой спешки не терпел. У себя в каюте пилот долго ворчал о инопланетных нахалах, тщательно подгонял все застежки комбинезона, ранцевые ремни — сумку он носил не через плечо, а за спиной. Затем достал из верхнего ящика стола тяжелый лучевой пистолет, проверил на полноту заряда и запихал в карман вместе с двумя запасными обоймами генерирующих кристаллов. Потом Василий бегло осмотрел свое жилье и, очевидно, не обнаружив больше ничего стоящего, спокойно закрыл за собой дверь. К месту сбора он подошел последним.

Глава 3

Воздух планеты был прозрачен и чист до одури. Пьянили запахи трав и порывы теплого ветра.

Астронавты неторопливо подошли к инопланетному летательному аппарату. Левушкин с Геннадием осмотрели «самовар» со всех сторон и, не обнаружив других входных отверстий, вернулись к своим товари-

щам, молчаливо стоявшим в траве перед стальными ступеньками.

Шли минуты, а из машины никто не выходил. И тогда Геннадий, проворчав: «Это уже даже и неприлично, заснули они там, что ли?» — быстро поднялся по ступенькам и нырнул в сумрак входного отверстия. Через минуту он высунулся из машины и сделал всем знак — следовать за ним.

— Здесь никого нет, видимо, все автоматизировано, — сказал он. — Эту карету, похоже, для нас подготовили.

В кабине «самовара» находилось восемь уютных кресел, увидев которые, Виталий облегченно вздохнул:

— Это все же лучше, чем трястись в вездеходе.

— Да, — подтвердил Левушкин, — вездеход выгружать не будем. Кажется, без него обойдемся.

Боковые стены и крыша салона изнутри оказались почти прозрачными, и поэтому легко было наблюдать за небом и степью вокруг. Каких-либо рычагов управления не было.

— Ну! Вот! — улыбнулся Левушкин, когда все расселись в креслах. — Хоть сейчас в дорогу.

Словно в ответ на эти слова ступеньки сложились гармошкой и втянулись внутрь. Створки дверцы захлопнулись. Машина бесшумно поднялась в воздух и быстро стала набирать скорость и высоту.

— Вроде летим, — проворчал Виталий. — Интересно, куда нас доставят? На встречу с руководством этой цивилизации? Или...

— Или в зоопарк в качестве очередных экспонатов! — вставил Геннадий, но никто не улыбнулся.

— Видно будет, — безмятежно ответил Левушкин. — Чем гадать, лучше внимательнее смотрите по сторонам. Запоминайте направление на звездолет, кто знает — вдруг пригодится.

Штурман в ответ молчаливо кивнул.

Все прильнули к прозрачным стеклам. Путешествие все больше начинало походить на экскурсию.

Они пролетали над степью и лесами, через горы и мимо высоких башен и строений непонятного назначения. Внизу мелькали зеркальные паутинки рек и голубые лепешки озер. Над большими городами со множеством храмов, дворцов и садов машина снижалась, замедляла скорость и делала один, два круга, как бы давая пассажирам возможность полюбоваться искусством неизвестных архитекторов, а затем продолжала полет дальше.

Часа через три такое порхание над планетой всем несколько наскучило.

— А по-моему, давно уже пора перекусить, — выразил общее мнение Виталий, растерянно заглядывая в свою сумку. — Надо же, в попыхах забыл провизию прихватить. Такие пирожные были на завтрак, сдобра! Вечно мне не везет...

— За фигурой следить надо, — ворчливо сказал Василий. — Правда, мне это кругосветное путешествие тоже начинает надоедать. Зачем нам показывают все эти пейзажи?

— Видимо, какой-то рекламный трюк, — вступил в разговор молчавший до того Роман. — Попытка очаровать своей планетой. Забавный способ завязывать знакомство. Они могут рассуждать так: если вам нравится наш мир, значит, у нас много общего с вами. Следовательно, возможно взаимопонимание.

В это мгновение машина вдруг резко стала опускаться.

— Взаимопонимание, кажется, начинает возникать, — сказал Геннадий. — Думаю, скоро у нас будет пища и все необходимое. Смотрите, в какой великолепный большой и древний город мы опускаемся.

— Наверное, это их столица, — заметил Роман.
— Какие плавные формы, а краски какие! Экзотика!
Штурман, вы, кажется, изучали архитектурные стили
Земли? Объясните нам, к каким земным эпохам близки
по форме здешние сооружения.

— Здесь смешение эпох и стилей, — невозмутимо
ответил Геннадий, — но архитектура, в основном, бли-
же к нашей восточной культуре. Храмы напоминают
культовые сооружения Древней Индии. Впрочем, как
видите, хватает и многоэтажных сооружений более
поздних времен.

— Странно только, что улицы пусты. Словно вы-
мерло все вокруг, — сказал Левушкин. — Город инте-
ресный, но очень неожиданно выглядит. Существ живых
нигде не видно.

— Верно, капитан, — согласился Роман. — Я все
пытался понять, что мне эта планета и все ее города
напоминают, а сейчас вдруг сообразил.

— И что же? — спросил Виталий.

— Дом... — ответил Роман. — Новый дом перед
новосельем. Все прибрано, отдохнуто, приведено в иде-
альный порядок, стены, потолок, полы сверкают све-
жими красками, а жильцы еще не въехали. Дом пуст!

— В этом еще надо убедиться! — возразил Василий.
— Пустота бывает обманчива, вы все это отлично зна-
ете. У этого мира должны быть хозяева. Кто они — это
другой вопрос.

Глава 4

Машина опустилась на одну из площадей города.
Астронавты вышли из нее и очутились перед входом
в белое каменное здание с высоким голубым куполом
и множеством узких овальных окон с разноцветными

стеклами. Окна светились, и все здание напоминало сверкающую елочную игрушку и выглядело весьма заманчиво, даже зазывно.

Слышалась тихая печальная музыка, в которой узывался то шелест листвы, то свист ветра в скалах, то плеск морских волн о прибрежные камни. За дымчатыми занавесками окон первого этажа кружились тени танцующих пар. Двери парадного входа были широко распахнуты, и до чутких носов проголодавшихся астронавтов доносились запахи кухни.

— Не знаю, как другие, капитан, — сказал Виталий, — а я не могу спокойно вдыхать подобные ароматы! Ведь это, определенно, бал в нашу честь. Слышите, как шелестят платья дам, как звенят бокалы и стучат каблучки по паркету? А музыка! Пусть мне попробует кто-нибудь еще сказать, что искусство чужой планеты не может быть понятно людям!

— Виталий прав, — поддержал кибернетика Геннадий. — Надо бы заглянуть в это заведение, — штурман щелкнул пальцами и выразительно втянул воздух носом. — Пахнет заманчиво. Я бы не отказался проглотить чего-нибудь этакого.

— Уговорили, — сказал Левушкин. — Самому интересно, как там, внутри. Правда... — добавил он, с беспокойством осматривая пустынную площадь и столь же пустынные улицы, — наш визит сюда не очень похож на торжественную встречу двух великих цивилизаций. Впрочем, кто их поймет, этих инопланетян.

Капитан оказался прав в своих сомнениях. Они попали в кафе. В огромном зале полукругом стояли празднично убранные, заставленные пищей столы.

В первую минуту астронавты решили, что встретили людей.

Вокруг столов сутились официанты и повара в розовых передниках и белоснежных шапочках.

Играл оркестр, а в центре зала кружилось восемь пар...

Когда же земляне немного освоились и более внимательно изучили обстановку, им стало не по себе...

И повара, и официанты, и танцоры, и музыканты, увы, были всего лишь человекоподобными куклами, роботами с бездушными пластиковыми лицами и заученными автоматическими движениями.

Виталий, вошедший в зал первым, даже охнул от изумления:

— Вот это встреча цивилизаций! Выходит, людей-то здесь нет!

— Да, — согласился Роман, — не очень вежливо со стороны хозяев планеты прятаться от нас, но, видимо, у них так принято встречать гостей.

— Пообедаем без них, — сказал Виталий, — не умирать же с голода из-за местных традиций.

К астронавтам уже устремился один из роботов-официантов. Минуты три он жадно ловил каждое сказанное людьми слово, затем повернулся к себе за правым ухом какой-то винт и вдруг заговорил на вполне сносном русском языке.

— Я — распорядитель кафе, приветствую храбрых героев космоса в лучшем кафе планеты Синкс. Не желаю ли пришельцы отдохнуть и откусить с дороги?

— Конечно, желаем! — немедленно откликнулся Виталий.

И робот повел всю компанию к столам с яствами, от одного вида которых у друзей зарябило в глазах, а у Виталия так даже чуть не случился голодный обморок, и он поспешил плюхнуться в ближайшее кресло и промычал:

— Меню! — Не держим, — проворковал робот. — У нас, — пояснил он, — другая система. Наш девиз — все, что пожелаете!

Виталий ухмыльнулся и мысленно пожелал обычные русские щи с большим куском разваристой говядины, а на второе гуся, зажаренного с картошкой и яблоками. Он уже собрался было высказать свои желания вслух, но тут, к его удивлению, робот-официант вкатил в зал тележку и поставил перед ним на стол тарелку с дымящимися щами, а рядом водрузил жаровню с гусем.

— Телепатия! — проворчал Василий, хорошо изучивший гастрономические пристрастия кибернетика.

— Теперь ясно, они читают наши вкусовые воспоминания и мгновенно создают их материальные подобия.

— Возможно, — согласился Виталий, быстро опустившая ложкой тарелку со щами, — но, следует признать, вкусовые качества пищи великолепны.

— А если это всего лишь иллюзия? — вставил Роман.

— Ну, нет! — возразил Геннадий. — Посмотрите на Виталия. Его иллюзиями не прокормить! Он сейчас и слона съест! — сказав последнюю фразу, штурман прикусил язык, но было поздно. Кто-то из астронавтов, очевидно, успел вообразить себе тушеного слона, нащипованного специями.

Медленно раздвинулись стены кухни, и десяток роботов-поваров вкатили в зал телегу со слоном.

Волосы на головах друзей слегка зашевелились.

— Между прочим, — сказал Роман. — Я уверен, что никто из нас никогда не вкушал слонятину! Что вы на это скажете, Василий? Каким образом, по вашему мнению, удалось создать эту вкусовую модель?

Василий не успел ответить, его опередил Виталий.

— Сейчас отведаем... — промычал он, затем привстал, отрезал небольшой кусочек хобота и с некоторым опасением запихал в рот.

Все затаили дыхание. Через минуту, после монотонной работы челюстями, Виталий заключил:

— Роман прав. Натуральный слон, вполне съедобный, чем угодно клянусь!

— Откуда такая уверенность? — поинтересовался Левушкин.

— Не знаю, просто чувствую, и все.

— Гм! — сказал Роман, обмахиваясь салфеткой, его вдруг бросило в жар. — Надо бы поосторожнее с желаниями, а то еще наглотаемся какой-нибудь гадости.

Иллюзии, ими, знаете, вполне можно отравиться. Не так ли, капитан?

— Это не иллюзии! Тут нечто другое, — сказал Левушкин. — Вы заметили, что происходит за соседними столиками?

Роман пожал плечами:

— За ними же никого нет.

— Вот именно, кроме нас, в зале нет других посетителей. А между тем, все столы уставлены пищей.

Многие блюда нам совсем не знакомы. И еще, пока мы ели слонов, я успел заметить, что официанты регулярно меняют блюда на столах. Остывшую пищу уносят вон в те двери. — Левушкин кивнул на полутемную боковую дверцу, к которой тянулась цепочка роботов с тележками и подносами.

Капитан поманил пальцем робота-распорядителя и, когда тот приблизился, обратился к нему:

— Скажи-ка нам, милейший, что у вас за той дверью?

— Мусоросборник-утилизатор.

— А часто вы его включаете?

Робот с минуту непонимающе глазел на Левушкина, затем изрек:

— Машина работает постоянно.

— Скажи, здесь у вас в кафе часто бывают люди?

— Вопроса не понял, поясните.

— Сюда приходят люди, хозяева планеты, какие-нибудь разумные живые существа, не знаю, как вы их называете? — терпеливо толковал Левушкин.

— Люди, хозяева, разумные, живые существа в кафе не приходят! — отбарабанил робот.

— Тогда ответь, для кого вы держите накрытыми столы и готовите пищу?

— Для посетителей.

— И часто у вас бывают посетители?

— Вы — первые посетители нашего кафе.

— На планете Синкс есть другие кафе?

— Да. На планете Синкс постоянно открыты для посетителей сто тысяч восемьсот пятьдесят четыре кафе.

— И в этих кафе бывают посетители?

— Нет! В тех кафе пока еще не было ни одного посетителя.

Астронавты переглянулись.

Больше вопросов капитан не задавал.

Глава 5

После обеда осматривали город.

Улицы были вымощены черными и белыми квадратными плитами. Огромные, с трехметровыми ребрами, плиты были безукоризненно подогнаны одна к другой и создавали идеально ровную шахматную поверхность. И на этой поверхности, рядом с высотными зданиями, циклопическими древними храмами, скульптурами гигантских сказочных чудовищ, у подножия непонятных конусообразных сооружений, вершины которых уходили в облака и оканчивались сверкающими огненными шарами, человек чувствовал себя гномом, игрушкой неведомых сил.

— Прямо царство заколдованное, — ворчал Василий.

— Королевство шахматное, — вторил ему Роман.

— А мы, что же, по-вашему, в роли пешек? — нахмурился Виталий, которому все меньше и меньше нравилось путешествие по планете Синкс.

— Несомненно! — бодро откликнулся Геннадий. — И наша задача — пройти в ферзи. Верно, капитан?

Левушкин промолчал. Он рассматривал невысокое длинное здание из зеленого камня. Двери здания были распахнуты, из них доносилось какое-то приглушенное гудение.

— А не заглянуть ли нам в этот зеленый домик? — предложил Виталий, упреждая желание командира.

— Почему именно в этот? — сварливо поинтересовался Василий.

— Двери!

— Двери? А что в них особенного? Двери как двери, из металла и пластика...

— Они открыты, Васенька, — тихо пояснил Роман. — Вспомни, двери кафе тоже были распахнуты. Во всех же остальных сооружениях, мимо которых мы прошли, двери плотно закрыты. Тебя это не наводит на размышления?

— В самом деле. А я как-то не обратил внимания. Теперь понимаю. Сюда нам разрешают войти.

— Скорее всего, — кивнул Геннадий. — И наверное, здание не таит для нас особых опасностей. Помните старую поговорку: зачем лезть в закрытые окна, когда рядом — открытые двери.

— Заглянуть, конечно, можно, — согласился Левушкин. — Хотя меня больше беспокоит то, что от нас скрывают, чем то, что выставляют напоказ.

В зеленом здании оказалось некое подобие склада вещей или универсального магазина, в котором вы мог-

ли выбрать или заказать любую воображаемую вещь. Достаточно было высказать свое желание, и через пять минут вам вручали заказанный предмет. Существовало только два ограничения: вещь не должна противоречить законам природы и таить в себе опасность для окружающих и самого владельца. Эти правила Левушкин сразу узнал от подбежавшего робота-распорядителя.

Впрочем, по мнению Виталия, посетители заведения могли особо не утруждать свое воображение.

Залы здания были заполнены готовыми вещами до отказа. На многочисленных полках и витринах лежали тюки сукна, тканей, сверкающие сосуды из самоцветов, серебра, золота, платины.

Груды различных предметов одежды и туалета лежали на прилавках и на полу, по углам комнат были навалены ювелирные украшения — целые горы переливающихся всеми цветами спектра драгоценных камней, браслетов, диадем, кольца, ожерелий и цепочек, словом, всего того, чем так любят украшать себя женщины.

Возвышались пирамиды различных приборов, баррикады из ящиков и коробок, содержащих неизвестные людям вещи. И с каждой минутой лента конвейера, гудение которого слышалось еще на улице, выбрасывала в залы новые партии коробок, приборов, одежды, различной посуды, украшений...

В залах сутились десятки роботов. Одни из них раскладывали и распихивали по полкам поступающие с конвейера предметы, другие собирали с полок вещи, расставленные часом раньше, чтобы выбросить их в мусоросборник-утилизатор. Удивительно было наблюдать, как гирлянды изумрудов и рубинов, гроздья бриллиантов, изумительные поделки из золота и других благородных металлов выгребаются из всех углов

совками и лопатами и наравне с обычным мусором сбрасываются в тележки утилизатора.

— Красиво работают! — сказал Геннадий. — Слаженно! Интересно, существует на этой планете проблема сырья?

Левушкин хмыкнул:

— Я все больше убеждаюсь, что на планете Синкс вообще никаких проблем не существует. Скажи, любезный, — обратился капитан к роботу-распорядителю. — Есть ли на планете Синкс проблемы, требующие решения?

— Не знаю, — ответил робот. — Ваш вопрос вне сферы моей деятельности.

— Кто живет на планете Синкс?

— Не знаю.

— Кто координирует производство вещей и энергии?

— Не знаю.

— Кто управляет работой заводов?

— Не знаю.

— Кому ты подчиняешься?

— Системе контроля.

— Что такое «система контроля»?

— Не знаю.

— Спрашивать дальше, капитан, бесполезно, — сказал Виталий. — У этого робота слишком узкая программа. Я думаю, мы здесь ничего нового не выясним.

Левушкин безнадежно махнул рукой:

— Пошли, ребята. От бесед с этими железными тумбочками у меня скоро голова вспухнет. Я все больше осознаю, что мы попали в довольно скверную историю.

— Одну минутку, капитан, — остановил друзей Роман. — У меня возникло желание. Не могли бы вы, — вежливо обратился он к роботу-распорядителю, — раздобыть нам по приборчику, которые бы перево-

дили с языками планеты Синкс на наши земные языки и, естественно, умели бы делать обратные переводы? Хотелось, чтобы приборы эти были достаточно миниатюрны и просты в употреблении.

— Заказ понятен! — ответил робот. — Вам нужны универсальные электронные переводчики индивидуального пользования, модель двести тринадцать тысяч шестьсот двадцать восемь, индекс пять, экспортное исполнение. У нас есть партия этих приборов. Не угодно ли взглянуть?

В ту же секунду к Роману подскочил другой робот с небольшой коробочкой в руках. Коробочка была наполнена маленькими черными шариками величиной с обычные горошины.

— Достаточно закрепить по одному шарику под каждым ухом и вы сможете говорить на любых звуковых языках, а также будете улавливать смысл любого языка жестов, любого цветового языка и языка запахов, — пояснил распорядитель.

— Я просил пять комплектов, — сказал Роман, — а в коробке их, кажется, несколько сотен. Не поможете ли вы нам выбрать приборы с наиболее благоприятными характеристиками? Так сказать, чтобы избежать брака в аппаратуре.

— Брака? — спросил робот. — Не понимаю. Этот термин мне неизвестен. Все приборы обладают самыми оптимальными характеристиками, в комплекте их четыреста штук. Лишние можно выбросить или использовать по мере надобности. Гарантия на каждый прибор две тысячи лет.

— А... — разочарованно протянул Геннадий. — Всего-то?

Астронавты улыбнулись.

— Если не устраивает гарантия, можем предложить другую модель... — засуетился робот.

— Спасибо, нам вполне подходят эти приборы, —
быстро ответил Роман.

И друзья поспешили к выходу из зала.

Глава 6

Первый день скитаний по планете Синкс прошел быстро. Желтое косматое светило, очень похожее на земное солнце, постепенно закатывалось за горизонт.

Левушкина интересовало, есть ли у планеты естественные спутники, или ночью над городами сверкают только бледные искры звезд.

Друзья бродили по темнеющим улицам и с каким-то затаенным нетерпением ожидали прихода ночи. Хотя они и не желали признаваться друг другу в своей мечте, каждый надеялся разглядеть на чужом небосклоне очертания знакомых созвездий.

И вот наступила ночь, но люди так и не увидели звезд. Едва желтое светило коснулось линии горизонта, все ярче и ярче стали разгораться огненные шары на конусных башнях. Высота и размеры башен поражали воображение путешественников еще в самом начале их прогулки по городу. Шары светились голубым, зеленым, красным, желтым, белым, оранжевым и фиолетовым светом. Они переливались всеми красками светового спектра, и вскоре весь город потонул в каком-то праздничном колдовском сиянии.

На улицах, площадях, казалось, стало еще светлее, чем днем. Постепенно ожили окна зданий, засветились мягким голубым светом их стекла. Зажглись фонари у входов в древние храмы и вокруг гигантских скульптур.

Одна за другой стали раскрываться двери, и улицы города заполнили его обитатели...

Пожалуй, астронавты были готовы встретить в этом городе чертей, чудовищ, толпы железных роботов, на конец, самых обычных людей, но только не то, с чем они столкнулись. Земляне увидели кукол, самых настоящих автоматических кукол в рост человека.

Мимо проплывали в блеске бриллиантов и жемчугов куклы-красавицы с сияющими пластмассовыми улыбками, навечно застывшими на их лицах. Шествовали куклы-кавалеры в темных костюмах и шляпах. Прогуливались важные толстые куклы-чиновники с пухлыми кожаными портфелями в руках.

По аллеям и мостовым города бродили куклы-автоматы. Разодетые в самые разные костюмы и платья, они вышагивали по шахматной поверхности города деревянной, механической походкой, раскланивались друг с другом и даже отпускали друг другу какие-то столь же механические реплики и приветствия, но взгляд их синтетических глаз был мертв, а во всех движениях не проскальзывало и тени мысли.

На людей куклы не обращали внимания и, очевидно, совсем не реагировали на внешние раздражители, поэтому у астронавтов появилось очень неприятное ощущение пустоты вокруг.

Левушкин и его товарищи чувствовали почти непреодолимый ужас и отвращение к толпе механических манекенов, среди которой очутились. Люди вдруг ощутили мучительно резко свое полное одиночество на чужой планете.

— Занятная история! — вздохнул Роман. Кукольный город! А где же люди планеты?

— Боюсь, что этот вопрос мы будем задавать себе еще не раз, — прошептал Геннадий. — Капитан, вы не находите, что для первого дня пребывания на этой пла-

нете нам приключений достаточно? Думаю, надо ис-
кать место, где мы сможем отдохнуть и выспаться.

Левушкин беспокойно осмотрелся:

— Ты, Геннадий, правильно оцениваешь положе-
ние, — сказал он. — Я уже и сам посматриваю, не по-
падется ли нам что-нибудь напоминающее гостиницу.
Согласитесь, ребята, что и в этом кукольном городке
должно существовать что-то такое для приезжих.

— Верно! — оживился Виталий. — Сейчас у кого-
нибудь спросим, как до нее добраться.

— У кого это ты собираешься спросить? — поинте-
ресовался Василий. — Уж не у этих ли разнарядженных
чучел?

— Зачем же, куклы, естественно, о гостиницах ни-
чего не знают. Спросим у какого-нибудь более эруди-
рованного робота. Вот, кажется, то, что нам нужно,
— добавил Виталий, указывая на подметавшего улицу
робота-дворника.

Вид робота, правда, не внушал особых надежд. Это
была довольно древняя модель. Никелированное туло-
вище порядком измято, места подвижных сочленений
кистей рук, часто соприкасающихся с влагой почвы
и соком растений, кое-где основательно проржавели,
хотя и обильно покрыты были густым слоем полу-
прозрачной смазки. Движения робота медлительные,
неуклюжие, но на фоне бессмысленной сути кукол-
автоматов робот, в общем, создавал благоприятное впе-
чатление своими целенаправленными действиями. Он
старателен собирая в кучу старые листья и мусор, по-
ливал зеленые газоны перед зданиями, гремел какими-
то металлическими инструментами и совершенно не
замечал ни людей, которые его пристально разгляды-
вали, ни кукол, склонившихся вокруг.

Левушкину три раза пришлось повторить свой во-
прос, прежде чем электронные глаза дворника как-то

отреагировали. И выяснилось, что робот совсем не умеет говорить. Капитану в общении с ним не помогли ни электронные переводчики, ни язык жестов, и вскоре стало ясно, что у дворника еще более узкая сфера знаний, чем у роботов из магазина.

После получасовых усилий астронавты оставили надежду выудить что-либо случайными расспросами на улицах города.

Решено было просто идти вперед и надеяться на обычное везение. К удивлению скептика Василия такая тактика быстро принесла плоды. Вскоре зоркий глаз истосковавшегося по комфорту Виталия заметил очередное здание с открытой дверью, оказавшееся разновидностью гостиницы.

Снаружи гостиница ничем особым не выделялась из тысяч других высотных зданий города кукол, стены розового камня, десятка четыре этажей, множество широких зеркальных окон. Внутри же — это был рай в миниатюре. Помимо кафе, десятка бассейнов с проточными и стоячими водами различной солености и сотен спальных комнат с регулируемой температурой, влажностью, концентрацией кислорода и огромными кроватями (если только эти сложнейшие приборы для поддержания самых благоприятных условий сна и отдыха можно было так назвать), в гостинице имелись комнаты для игр, музыкальные комнаты, кинозалы, библиотеки и кристаллотеки, различные помещения для развлечений и наслаждений, комнаты для вдыхания благовоний и ароматов, комнаты-курильни. Последние, по мнению Геннадия, предназначались для любителей наркотиков. И хотя робот, встретивший астронавтов в холле гостиницы, и уверял, что все маленькие радости и удовольствия, которые доставит утомленным путешественникам гостиница, совершенно безвредны и пойдут только на пользу посетителям, Роман с из-

вестным опасением воспринял перспективу поселиться в таком храме блаженства. Планетолог присоединил свой голос к ворчанию Василия Огурцова, который с самого начала пребывания на планете повсюду усматривал козни сверхцивилизации и за каждым поворотом улицы ожидал встретить врага.

— Знаете, ребята, — сказал Роман, — в этой коллекции наслаждений, в этом комфорте, доведенном до абсурда, есть что-то извращенное, это не для людей.

— Почему же, — возразил Геннадий, — гостиница и ее содержимое рассчитаны как раз на человека. Созданы самые благоприятные условия существования, не так ли, Виталий?

— Кто в этом сомневается? — вздохнул Виталий. — Садитесь ужинать! Потом обсудим эти вопросы.

— А вот я сомневаюсь, — не сдавался Огурцов. — Человеков-то мы пока не обнаружили!

— У нас для этого было мало времени, — сказал Виталий. — Может быть, завтра больше повезет.

— Хватит спорить! — вздохнул Левушкин. — Виталий прав. Философствовать будем утром, а сейчас ужинаем — и спать. Совершенство местного сервиса и мне, признаюсь, внушает известные опасения, но, как говорится, за неимением худшего, придется отсыпаться в этих супергробах, начиненных электроникой. У каждой планеты свои обычай, так не будем нарушать их в первый же день контакта. У кого-нибудь будут возражения?

Глава 7

Прошла неделя. Понемногу люди узнавали мир, в который их забросила судьба, или, что точнее, приехали из неизвестной цивилизации.

Планета Синкс выглядела весьма привлекательно. Тысячи сверкающих городов, утопающих в зелени садов и парков. Безукоризненно прямые линии дорог. Вечнозеленые леса, озера с чистейшей водой, бурные и спокойные реки с перекинутыми через них арками мостов. Загадочные сооружения, древние замки, дворцы, храмы с причудливой геометрией куполов и башен, стен и лестниц.

В городах встречались всевозможные средства передвижения: от аналогов обычных земных автомобилей и поездов до летательных аппаратов, непонятных дисков и прозрачных, порхающих шаров.

Правда, кроме машин и механизмов, сотен тысяч роботов и различных кукол-автоматов, другого населения астронавтам обнаружить все еще не удавалось.

— Эпоха абсолютной автоматизации — вот как это называется! — подвел итоги наблюдений Виталий.

— Меня так от всего увиденного оторопь берет! — ворчал Василий. — Где же люди? Как они до такого докатились?

— Правильнее спросить, куда они укатили? — заметил Геннадий, уныло созерцающий городской пейзаж за окном гостиницы.

Штурман с Романом только что возвратились из очередного полета над планетой и докладывали капитану о своих безуспешных попытках отыскать что-либо разумное и живое. Нет, они встречали во время полета огромные стада различных животных, видели кошмарных чудовищ, наблюдали гигантские стаи перелетных птиц, но пока не обнаружили ни одного гуманоида.

Было от чего прийти в уныние. В любом городе, в любом уголке планеты перед астронавтами возникала одна и та же картина.

Полностью автоматизированная промышленность, сельское хозяйство, строительство. Работы, убира-

ющие улицы городов и следящие за порядком в миллионах уютных, предназначенных явно для живых существ, но, увы, либо занятых куклами-автоматами, либо безнадежно пустых зданий и квартир.

Роботы перевозят грузы, продукты. В городах непрерывно работают автоматические магазины — все для людей, бери, что пожелаешь! Дымятся и источают ароматы удивительные кушанья в автоматических кафе, но... везде единственными посетителями оказывались сами астронавты. Они наблюдали, как залежалые, никому не нужные на этой планете наряды, ювелирные украшения, сложнейшие уникальные приборы и самые разные предметы домашнего обихода, по прошествии определенного срока, перекочевывали из «магазинов» в мусоропроводы и безжалостно уничтожались, переплавлялись, а на их место привозились новые вещи, наряды, приборы, одежда...

Остывали кушанья на столиках кафе и ресторанов, и невозмутимые роботы-официанты вываливали их в те же мусоропроводы-утилизаторы, а через минуту по ленте конвейера на столы попадали новые деликатесы, чтобы еще через десять минут их поглотил все тот же мусоросборник.

И в такой дикой, бессмысленной карусели производства и уничтожения корчилась и кружилась вся эта странная планета.

— Прямо кроссворд какой-то, — ворчал Левушкин.
— Должен же быть где-то центр, который руководит всей этой свистопляской? Что-то или кто-то должен координировать работу всех этих бесчисленных заводов по производству самих роботов и механизмов, производству машин, синтезу продуктов, вещей? Должно, наконец, существовать какое-то администрирование? Ведь кто-то отдал приказ: посадить наш звездолет на эту планету? Зачем-то нас сюда затащили?

— Не верю! — отвечал Роман. — Я, знаете ли, уже

не верю, что, кроме нас, здесь есть люди, очень уж все бессмысленно выглядит. Если и есть администрирование, то оно чисто автоматическое. Скорее всего, существует какая-нибудь кибернетическая система управления и координации и ничего другого.

— До этой системы нам обязательно нужно добраться! — оживился Василий, кровожадно сверкнув глазами. — А то как бы всю оставшуюся жизнь не проплыть в этих милых кибернетических дебрях.

— Василий прав, — сказал Виталий, — надо искать тех, кто программировал роботов и кукол. Должны существовать какие-то кибернетические системы, роботы высших классов, с более широкими, гибкими программами. Пока мы наблюдаем примитив-автоматы. Все эти куклы-грузчики, куклы-дворники, куклы-официанты, куклы-водители и, наконец, куклы-франты, куклы-отдыхающие — своеобразные аристократы здешних кибернетических джунглей, все они не делают здесь погоду. В любом из наблюдаемых случаев перед нами моделируется одна — две черты человеческой деятельности, так сказать, в чистом виде. В каждом случае схемы настолько упрощены, что ни о какой разумной, осмысленной работе этих кибернетических существ не может быть и речи.

— После твоих слов создается впечатление, — заметил Роман, — что на этой планете кто-то или что-то пытается моделировать по частям свойства человека. Разъяли, так сказать, алгеброй гармонию.

— Ты, Рома, ухватил прямо суть ситуации! — восхитился Геннадий. — Не удивлюсь, если узнаю, что и нас загнали на Синкс для отработки каких-либо параметров человеческих достоинств у всех этих куколок-автоматов. Экипаж «Стремительного» в роли подопытных белых мышек. Зтакая контрольная группа. Звучит?

— Смеяться пока не над чем, — сказал Виталий, — вполне допускаю, что твоя догадка верна. Не исключе-

но, что мы попали на планету, где какие-то существа или кибернетические системы пытаются искусственно создать разумное биологическое существо.

— Погоди! — насторожился Левушкин. — Значит, надо искать создателей-экспериментаторов? Если принять твою гипотезу, то где-то у нас под боком сопят в уютных кабинетах роботы-ученые, роботы-правители этого мира. Возможно, просто существует гигантский электронный мозг, управляющий всем этим миром Синкса и создающий для собственного удовольствия все эти милые кибернетические игрушки. Вспомни-ка, Роман, ваше путешествие на планету Фир, там, кажется, было нечто похожее?

— Нет, там была создана целая искусственная вселенная, причем создавали ее на свою погибель сами люди той планеты, — возразил Геннадий. — У меня другая мысль мелькнула. Я вспомнил проржавевших электронных снайперов Фира, то, как они нас тогда чуть не пристрелили, и подумал, что здесь, на Синксе, другой случай... Там планету превратили в пустыню, а здесь создали все условия для существования человечества — этакий заповедник для людей, но сам-то человек на Синксе уже, похоже, занесен в Красную книгу.

— Да! — кивнул Роман. — Кажется, здешние роботы с большим опозданием начали проявлять заботу о людях, которых уже не оказалось на планете.

— Вот! Вот! — сказал Геннадий. — Синксом управляет огромный, древний, давно свихнувшийся компьютер. Почему бы не предположить, что эта машинка, так сказать, впала в детство и уже много-много лет забавляется тем, что играет в человечков и в человечество. Ведь перед нами, фактически, развернута именно модель человеческой цивилизации в натуральную величину.

— Ну, от этой гипотезы, — поморщился Левушкин, — нам не легче. Думаю, на Синксе все гораздо слож-

нее. Не забывайте, мы столкнулись со сверхцивилизацией.

— Утешительного пока мало, — согласился Роман.
— Что же вы предлагаете, капитан?

— Во-первых, не спешить в своих выводах! — сказал Левушкин. — Гипотезы придумывать все мы мастера, а вот как с этой планеты попасть домой, на Землю, это вопрос. Хватит нам по планете метаться, пользы это не принесет, истратим только силы и время. Мы — не слепые котята, чтобы тыкаться из угла в угол. Надо сузить район поисков, конкретнее наметить цели. Словом, серьезнее подойти к делу. Как ни крутите, умение мыслить и изучать обстановку во многом определит нашу дальнейшую судьбу.

— Логично, — согласился Виталий, — чем больше я слушаю наши разговоры, тем больше убеждаюсь, что поразмыслить есть над чем. У меня, признаюсь, даже мелькнуло подозрение, а не подсунули нам эту планетку как испытание наших способностей? Грубо говоря, предложили задачку на сообразительность.

— Ну, это, пожалуй, слишком! — поморщился Левушкин. — Хотя... от сверхцивилизации можно ожидать чего угодно. Ладно, не будем спорить. Изучать цивилизацию Синкса надо спокойно и обстоятельно, иначе в ее фокусах никогда не разобраться. Решено, шаг за шагом, квартал за кварталом исследуем город. Тем более, что это самый крупный город планеты и, очевидно, ее столица. Ведь зачем-то нас привезли сюда в самый же первый день?

— Что ж, столичная жизнь — совсем неплохо, — сказал Геннадий. — Я не против. Какие будут ценные руководящие указания, капитан?

— Самые простые, — ответил Левушкин, придвигая к себе топографические карты и аэрофотоснимки города, в беспорядке наваленные на большом квадрат-

ном столе, вокруг которого собирались астронавты. — Я предлагаю для ускорения наших поисков разделиться. Каждый получит район города и будет методично его обследовать. Вечерами собираемся здесь, в гостинице, и обсуждаем увиденное. В сложных случаях связь друг с другом по передатчикам. Согласны?

— Опасностей особых нам пока на планете не попадалось, — бодро отозвался Василий. — Если это ускорит события, отчего не попробовать такой индивидуальный поиск?

— Отлично! Тогда посмотрим, кто чем займется, — Левушкин достал из кармана ручку. — Геннадий, берешь себе вот этот южный район. — Левушкин обвел на карте города границы предполагаемого участка. — Центр столицы нам уже немного знаком, на него и ориентируйся. Роман, ты пойдешь в северные кварталы. Если судить по снимкам, у твоего участка очень запутанная геометрия. Много больших и мелких строений неизвестного назначения. Поэтому будь внимателен и осторожен. Впрочем, последнее относится ко всем, хотя планета вроде бы и не проявляет враждебности, увлекаться не советую! Чтобы строго в рамках инструкций...

— Помилуй, Федор, когда это было, чтобы мы нарушали? «Технику безопасности» и «Общий Космический устав» еще, наверное, никто из нас не забыл.

— И чудесно! Если хватит сил, загляни в одно из обнаруженных нами хранилищ информации. Там постарайся отыскать материалы по истории планеты. Важно узнать хоть что-нибудь о прошлом здешней цивилизации.

— Капитан, думаете, мне удастся разобраться в местных грамотах? — засомневался Роман.

— А голова у тебя для чего? — фыркнул Левушкин.
— Электронными переводчиками, кажется, всех нас

снабдили. В хранилищах есть роботы-распорядители. На них наседай, требуй сведения! Ясно?

— Да, сделаю все, что смогу.

— И чудесно! Тебе, Виталий, выделяю восточный сектор. По карте в нем преобладают какие-то сложные сооружения, возможно, заводы. Попробуй разобраться, что там происходит?

— Приложу все силы, — кивнул кибернетик.

— Что ж, энтузиазм в наших поисках, полагаю, никому из нас не повредит. Тебе, Василий, остается западный участок города.

— А где будете вы, капитан? — спросил Геннадий.

— Я еще раз осмотрю центр города. Попробую облизать большие храмы. И буду поджидать всех вас в гостинице и координировать действия в случае необходимости. У кого еще вопросы? Нет. Тогда завтра с утра за дело!

Глава 8

Столица Синкса напоминала штурману срез старого многолетнего дерева. Двигаясь от древнего центра города, от храмовых комплексов, он одну за другой, точно годовые кольца, проходил более поздние зоны застройки. На смену храмам появлялись дворцы и парки, затем просто монолиты зданий, высота которых по мере удаления от центра города все возрастала. Уже стали вырисовываться совсем чудовищные сооружения из металла и пластика, очевидно, последние достижения архитектурной мысли эпохи роботов. И Геннадий подумал, что уже близки окраины города.

Он шел медленно, внимательно осматривая каждое встречное здание, хотя вполне сносно ориентировался в назначении отдельных сооружений. Перед кафе и

магазинами штурман почти не задерживался, быстро определял дома, населенные куклами, и гостиницы. Не интересовали Геннадия и промышленные сооружения. Он полагал, что изучение инопланетных технологий — это привилегия кибернетика Виталия или пилота Василия, обожавшего всякие технические новшества, ему же, неспециалисту, чтобы в чем-то разобраться, потребуются месяцы, если не годы. Поэтому, экономя время и силы, штурман обходил такие сооружения стороной. Собственно, Геннадия интересовал один вопрос: где люди Синкса?

«Чем черт не шутит, — размышлял он, — возможно, человечество этой планеты уже долгие тысячелетия стонет под игом взбунтовавшихся машин. Трудятся где-нибудь бедолаги в каменоломнях, а наша с капитаном священная миссия — вернуть им потерянную свободу».

Неожиданно эта бредовая мысль, промелькнувшая в утомленном мозгу штурмана, получила кое-какое косвенное подтверждение.

Свернув на одну из улиц, Геннадий замер от неожиданности.

Улицу перегораживала стена. Добротная, массивная, зубчатая стена пятиметровой высоты из неизвестного серого материала. Над гребнем стены были протянуты блестящие металлические нити, между которыми изредка с характерным сухим треском проскачивали искорки.

И сама стена, и проволока над ней, и треск искровых разрядов штурману не понравились. Они ему напоминали из отдаленной истории Земли времена очень неприятные.

С минуту Геннадий размышлял, что же ему делать дальше. Вызывать по радио капитана не хотелось. Он заглянул в планшет и определил свое положение. На

карте города, пять экземпляров которой им в свое время вручили в одном из магазинов-автоматов, никакой стены обозначено не было. На месте стены и за ней по карте располагался довольно обширный городской парк. И вот тогда Геннадий мысленно поблагодарил старушку судьбу, наградившую его таким предусмотрительным капитаном. На фотоснимках, лично сделанных самим Левушкиным с «летающего самовара», черточка стены была едва заметна, и было видно, что этой черточкой ограничено значительное пространство парка, — этакий правильный шестиугольник площадью в десяток квадратных километров.

«Если обходить вокруг, то дня не хватит. С другой стороны, надо выяснить, что спрятано за стеной? Придется преодолеть...» — размышлял штурман, уходя от стены.

Он вернулся к одному из магазинов-автоматов, где рассчитывал обзавестись кое-каким снаряжением для перепрыгивания через стены.

Еще через полчаса Геннадий уже сидел в небольшом вертолете и, привычно двигая рычагами управления, летел в направлении загадочного места.

«Оказывается, все так просто. Не понимаю желания капитана как можно реже пользоваться чужой техникой. Осторожность? Инерция мышления — вот как это называется. Все, что пожелаешь! — улыбнулся штурман своим мыслям. — Нет, эти магазинчики — полезная штука, их надо использовать активнее».

Пролетая над стеной, Геннадий заметил едва различимое радужное сияние и сообразил, что огороженный участок парка закрыт сверху пологим куполом силового поля.

Штурмана это открытие удивило.

«Ого, еще и такая защита! — подумал он. — Интер-

ресно, что за всем этим скрыто и от кого?» Пока вертолет набирал высоту, Геннадий пытался припомнить все, что ему было известно об искусственных силовых полях. Из глубин памяти медленно выплыло лицо профессора Дубякина, читавшего в университете Гамета лекции по структурной теории силовых полей.

Профессор был суров и въедлив, а лекции слишком скучны, поэтому Геннадий посещал их редко, о чем теперь сожалел. Смутно припомнилось, что у силовых полей бывают полюса, через которые, при определенных условиях, можно проникнуть внутрь закрытой области. И сами поля, а по теории их очень много, делились на две большие группы: локально устойчивые и односторонней проницаемости. Правда, существовали и другие экзотические разновидности, и определить, к какой из групп относится наблюданное поле, было трудно.

Над центром огороженного шестиугольника штурман решил попытать счастья и стал медленно снижаться. Однако после двух неудачных попыток — первый раз вертолет отбросило вверх, а во второй едва не перевернуло — Геннадий убедился, что попасть в парк за стеной не так-то просто и, поразмыслив немного, полетел назад, к магазину-автомату.

Опустившись на площадку перед магазином, штурман сразу прошел в зал и, отыскав робота-распорядителя, без лишних предисловий попросил:

— Дайте мне такой летательный аппарат, на котором бы я смог проникнуть через силовую защиту, окружающую участок парковой зоны, что расположена в километре от вашего заведения.

Через две минуты перед штурманом стоял другой вертолет. От первой машины, как заметил Геннадий, этот аппарат отличался наличием в кабине дополнительного экрана с набором кнопок.

Перед соприкосновением с силовым полем, как объяснил робот-распорядитель, необходимо включить экран и нажать одну из кнопок.

Получив подробные инструкции, штурман вновь полетел к стене.

На этот раз через силовую защиту вертолет прошел на удивление легко. «Вот что значит правильно сформулировать условия задачи, — размышлял Геннадий, — никаких помех! Можно даже усомниться, было ли это силовое поле на самом деле или в первый раз оно мне лишь пригрезилось...»

Однако в это мгновение парк внизу исчез, растаяла в голубой дымке стена, пропали куда-то высотные здания и башни столицы Синкса.

«Галлюцинации, кажется, продолжаются, — подумал Геннадий, с удивлением обнаружив, что летит над каким-то дремучим лесом. — Это куда же меня занесло? Парк-то за стеной, выходит, не простой был... И силовое поле не зря над ним висело. Очень похоже, что при снижении в силовом поле меня вместе с вертолетом забросило в один из параллельных миров...»

Где-то далеко впереди сверкали снежные вершины гор, справа тянулись пески пустыни, слева — степь, поля, небольшие домишко и не то старинные замки, не то полуразрушенные храмы.

В полной растерянности Геннадий обернулся: позади вертолета громоздились одна на другую скалы, виднелась кромка берега и плескалось удивительной синевы море.

«М-да... Такое впечатление, что я уже не над Синксом лечу, а нахожусь совсем на другой планете и в другом мире... Что теперь делать? Попытаться наладить связь с капитаном?»

После нескольких безуспешных попыток поймать хоть какие-то сигналы и обнаружив, что в эфире, по-

мимо атмосферных помех, ничего существенного не происходит, штурман оставил надежду на помощь товарищей. Надо было действовать самому.

Выбрав среди леса лужайку, он осторожно посадил вертолет. Выключив двигатель, Геннадий выпрыгнул из кабины на мягкую зеленую траву, огляделся и заметил едва различимую тропинку.

«Куда-нибудь меня эта дорожка выведет, — подумал он. — А вообще-то здесь очень мило».

Над головой шелестела листва могучих древних деревьев. Перекликались птицы в колючих зарослях. Изредка сквозь ветви падали на тропинку блики солнечного света. Воздух был пропитан ароматами цветов и смолистых растений. Вокруг порхали огненные бабочки, летали от цветка к цветку пчелы, шмели, цокали и прыгали с ветки на ветку маленькие, отливающие синей сталью, жуки. Покой и умиротворение постепенно наполняли душу штурмана.

И вдруг с порывами ветра до Геннадия донеслись какие-то приглушенные звуки — впереди кто-то всхлипал, звал кого-то, причитал. Штурман прислушался, нет, и в самом деле кто-то плакал.

«Неужели люди?» — обрадовался Геннадий, раздвинул ветви и вышел на поляну.

На поляне под большим тенистым деревом стояла деревянная скамейка, обычная старомодная садовая скамейка с высокой спинкой и витыми ножками. А на скамейке сидела длинноволосая, худенькая девушка и горько-горько плакала. Одета она была в белое незатейливое платьице, облегающее фигуру. На голове венок из мелких пурпурных цветов. У ног девушки в траве стояла большая плетеная корзина с различной снедью. Время от времени девушка прерывала плач, вытирала слезы платочком, извлекала из корзины то пирог, то еще какое-то лакомство и с унылым, обиженным видом жевала.

«Не мешало бы и мне перекусить, — подумал Геннадий, — а заодно и познакомлюсь. Интересно, что ее так огорчило?» Молодецки расправив плечи, он тихо, но с достоинством, приблизился.

Услышав его шаги, девушка вздрогнула. Затем протерла заплаканные глаза и, посмотрев на бравого штурмана, всхлипнула.

Стоило Геннадию взглянуть в ее огромные, цвета морской волны, нечеловеческие, а прямо какие-то сквозные глаза — и он почувствовал, что уже без пяти минут как влюблен.

Даже заплаканное, лицо девушки было очень красивым.

— Не могу ли я чем-нибудь вам помочь? — смущенно пробормотал штурман, всецело уповая на красноречие своего электронного переводчика.

Заплаканная красавица вскочила со скамейки, очевидно, собираясь бежать, но Геннадий ласково посмотрел на нее, осторожно, со всей нежностью, на какую был способен, взял за руку, вновь усадил и присел рядом сам.

— Не бойся, не грабитель я и не людоед, — сказал он. — Вытри слезы и успокойся. Тебя как зовут?

Далее события стали развиваться стремительно и необратимо.

— Скорее уходите, неизвестный! — прошептала девушка. — Ничем вы мне уже не поможете! Меня вам не спасти! Он слишком силен и огромен. Он убьет вас одной лапой! Бегите!

— Спокойнее! Спокойнее! — сказал штурман. — Что-то я пока ничего не могу понять в этой мелодраме. Объясни-ка, что у вас тут происходит? Одну минуту... — Геннадий порылся в правом кармане куртки, где у него хранилась походная аптечка. — У меня здесь где-

то пузырек с валерьянкой был, — тихо добавил он. — А, вот, проглоти пять капель! Это лекарство!

Красавица после секундного колебания выпила валеряновые капли, разбавленные водой из походной штурманской фляжки, и вернула Геннадию пустой стаканчик.

— Так... — сказал штурман, укладывая фляжку в карман. — А теперь рассказывай, кто тебя обидел?

В ответ на этот, казалось бы, простой вопрос красавица вновь расплакалась и уткнулась лицом в отворот штурманской куртки.

Геннадия подобная слезливость немного удивила, он принял, как умел, утешать девушку:

— Пожалуйста, очень тебя прошу, перестань хныкать и расскажи все по порядку. Давай познакомимся, — говорил он.

И они познакомились. Ее звали Ферни. И она оказалась единственной дочерью короля Броденкаса.

— Единственная дочь короля? — изумился Геннадий. — Это местный правитель, что ли? Ты что же, принцесса?

— Да, — кивнула головой Ферни, с любопытством разглядывая штурмана.

— Надо же, принцесса! — штурман поспешил прикинуть в уме, не разыгрывают ли его. — И что же с тобой случилось, Ферни?

— Меня отдали дракону.

На минуту Геннадий лишился дара речи.

«Конечно, на Синксе много чудесного и удивительного, но драконы, мифические летающие ящеры... При чем здесь драконы? О чем она говорит?»

— То есть как — отдали дракону? Какому еще дракону? — спросил Геннадий.

— Самому обычному, одноголовому, — вздохнула Ферни. — Видишь ли, чужеземец, наше королевство

уже двенадцать лет выплачивает дань одному очень сильному и свирепому дракону. Обычно он прилетает в наши края ранней весной и требует...

— Что же он требует?

— Девушку, самую красивую девушку королевства. В эту весну настала моя очередь. Был назначен срок. И вот сегодня, в первую летнюю ночь двух лун, ровно в полночь, когда ударит три раза колокол на городской башне, за мной прилетит дракон.

— Постой, постой, — тихо сказал штурман, чувствуя, что еще немного — и голова от всего услышанного пойдет кругом. — Ерунда какая-то получается. Ты говоришь, уже двенадцать лет? Значит, этот ваш дракон утащил уже больше десятка красавиц?

— Да, — кивнула Ферни. — Я — тринадцатая по счету.

— И это в одном вашем королевстве, а ведь, наверное, есть и другие страны поблизости? Слушай, зачем ему столько девиц?

— Странный ты какой-то, Гена, — печально ответила принцесса. — Таких простых вещей не знаешь. Ты что же, драконов никогда не видел? Он съедает девушек. И меня съест. Может быть, сразу съест, а возможно, к празднику оставит.

И тут штурман понял, что дело нечисто. То, что происходило с ним, попахивало откровенной сказкой, какими-то мифами и, вообще, чертовщиной. Ни с чем похожим в космосе никто и никогда, насколько ему было известно, не сталкивался. Впрочем, с другой стороны, никто и никогда еще вроде бы не сталкивался и со сверхцивилизациями, от которых, как выразился Левушкин, можно ожидать всего, что угодно.

«Может, я угодил в какую-то древнюю монархическую резервацию, в заповедник всяких королей, принцесс и чудовищ? Возможно, у них тут такая запутанная

система человеческих жертвоприношений, — с тоской размышлял Геннадий. — Кто их разберет?»

— Ферни, — сказал он, — а чего же ты здесь сидишь? Что вы за народ такой, принцессы, не понимаю? Ее кушать собираются, а она сидит, сама бублики жует. Убежала бы куда-нибудь, что ли?

— А куда убежишь? — сказала Ферни. — Дракон везде найдет. Вот если бы ты победил дракона, тогда совсем другое дело. Папочка бы нам полкоролевства... Да что там половину, все бы королевство отдал. Он меня любит. Ты не думай, что раз он — король, то уже и тиран, прохвост, мерзавец. Нет, он у меня добрый, только очень слабохарактерный. Министры им, как игрушкой, вертят. А вот из тебя, Гена, получился бы настоящий государственный деятель. Только с драконом тебе не справиться.

И здесь Геннадий не на шутку обиделся.

— Это еще почему? — спросил он. — Что же в нем такого особенного? Подумаешь, дракон, — животное, оно животное и есть! И потом я слышал, другим же смельчакам как-то удавалось, кое-кто по пять, по восемь штук укладывал за одну охоту! И какие экземпляры! О трех, о двенадцати головах! А тут...

— Не то, не то ты говоришь, — фыркнула принцесса. — Сам посуди, у тебя ведь даже меча нет! А доспехи! Где твои доспехи? Не говоря уже о том, что для битвы с драконом требуется особое, заколдованное оружие.

«Приехали, — подумал Геннадий. — Зачем она несет всю эту околесицу? А я ей еще поддакиваю... Оружие! Планета не проявляет враждебности... Пожалуй, из наших только Василий Огурцов таскает в кармане свой огнетушитель. Вот Огурцова бы на дракона выпустить... Он бы тут шороху навел... «

Словно отвечая мыслям штурмана, Ферни сказала:

— Против дракона уже восемь чародеев выступали...

— И что же? С каким счетом? — спросил штурман, проявляя повышенную заинтересованность.

— Всех съел, даже косточек не оставил, — вздохнула принцесса.

— Понимаю... А если все же попробовать от него улизнуть? У меня тут недалеко в кустах вертолет спрятан. Это летающее устройство такое, — пояснил Геннадий, — на манер ковра-самолета, только металлического, этакий летающий домик. Побежали.

— Поздно, — прошептала принцесса. — Уже полночь. Слышишь?

— Как полночь? — встрепенулся штурман и замер. Со временем творилось нечто невообразимое. По прикидкам Геннадия, должно было быть не позднее пятидесяти часов вечера. Между тем вокруг как-то быстро сгостились сумерки, на небе высыпали яркие сочные звезды и на небосводе одна за другой ослепительно засияли две полных луны.

— Слышишь? — повторила принцесса.

Где-то вдали за лесом гулко ударил колокол.

Черная крылатая тень закрыла звезды. И вдруг поляна, скамейка и деревья вокруг осветились призрачным бледно-зеленым светом.

— Дракон! — в ужасе вскрикнула Ферни, всматриваясь во что-то за спиной штурмана.

Геннадий быстро обернулся. В трех шагах от него сверкали два огромных (каждый с яблоко) огненных глаза. Медленно, с ленивым шипением раскрылась зубастая пасть чудовища. На штурмана пахнуло перегаром и еще какой-то гадостью: не то керосином, не то соляркой.

Дракон был огромен и страшен. В бессилии Геннадий сжал кулаки и неожиданно обнаружил в правой руке небольшой упругий предмет. Раздумывать было некогда, штурман размахнулся и швырнул непонятный предмет в раскрытую пасть дракона.

С железным скрежетом лязгнули гигантские зубы. Дракон удовлетворенно икнул, проглотив брошенное, и с любопытством и вожделением опытного гурмана, узревшего перед собою новое лакомое блюдо, уставил-ся на штурмана.

И Геннадий уже совсем отчетливо и до конца осознал, что пропадает. Он был смелым человеком и не боялся опасности, риска, но попасть на ужин какому-то сказочному чудищу в качестве закуски, согласитесь, в такой перспективе было что-то унизительное.

В следующий же миг дракон расправил огромные перепончатые крылья и горой навис над штурманом. Хвост дракона выгнулся дугой и стал подрагивать, точно у рассерженного кота. Затем дракон три раза резко ударил хвостом о землю и разнес в щепки три молоденьких деревца, стоявших на краю поляны. Лапы ящера с тупым осторвенением стали рыть почву. Костлявый гребень на голове чудовища налился пунцовыми цветом и начал излучать сияние, точно кусок раскаленного докрасна железа. Сам же дракон теперь уже походил на расходившегося бойцового петуха перед поединком. И вдруг голова дракона стремительно качнулась на длинной толстой шее, резко дернулась вниз и застыла перед самым лицом Геннадия.

И тогда, резко отпрянув назад, штурман отчаянно подпрыгнул, что есть силы заехал носком ботинка в челость дракону и тут же ударил кулаком в нос чудовища.

Эффект получился самый неожиданный. Дракон как-то обиженно, по-поросьячи хрюкнул, поднялся на задние лапы, на мгновение застыл в угрожающей позе. В огромном драконовом брюхе что-то гулко хлюпнуло. И от головы до кончика хвоста по костянику гребню пробежала молния. В тот же миг дракон с ужасающим грохотом хлопнул крыльями и взлетел.

Штурман и Ферни при этом были сбиты с ног ударной волной, оглушенны и отброшены от скамейки на добрых три метра.

Кое-как встав на ноги, Геннадий и Ферни с изумлением наблюдали, как в ночном звездном небе, изрыгая дым и пламя, метался дракон. Точно ошпаренный, он выделявал все фигуры высшего пилотажа — мертвые петли, бочки, какие-то сложные замысловатые курбеты — и в конце концов, поднявшись до облаков, вошел в штопор и с реактивным ревом врезался мордой в одно из могучих столетних деревьев, стеной окружавших лесную поляну.

С треском разлетелись в разные стороны драконы зубы, лопнула одна из артерий на гребне и по траве стала расползаться черная лужа крови.

— Всё, — сказал Геннадий. — Сломал шею! Ничего не понимаю... Что с ним произошло? Сбесился, что ли?

Принцесса радостно захлопала в ладоши и бросилась обнимать штурмана.

— Ты победил! Ты победил дракона! — в восторге кричала она.

— Ферни, Ферни, — шептал смущенный Геннадий.
— Как такое могло случиться?

— Коробочка! — объяснила принцесса. — Заколдованная коробочка с лекарствами. Ты заставил дракона проглотить ее.

И тут до штурмана дошло. Коробочка! У него в руках была походная аптечка, ведь перед появлением дракона он поил Ферни валерьянкой. Ну, конечно же! Дракон сожрал сразу весь набор препаратов, а там были и сильнодействующие. Что же хранилось в аптечке? Валерьянка, антибиотики, пластырь, средство от паразитов... Еще что-то... Хм!

Геннадий еще раз взглянул на разбившегося дра-

кона. Содрогнулся, представив, что было бы с ними, если бы ему под руку не подвернулась обычная аптечка звездолетчика.

«Да, — подумал он, — такие чудеса только в сказках бывают. И давно пора было догадаться, что самым невероятным, непостижимым образом я попал в один из сказочных миров, созданных фантазией загадочных обитателей Синкса. Непонятно однако, как быть с Ферни. Ведь, несомненно, и она сказочная принцесса — некое выдуманное искусственное создание. Что же она такое? Ожившая кукла? Биоробот? Просто фантазия? Или уже человек со своей заданной, заранее кем-то спланированной судьбой? А он сам, его роль в этой сказке? Или и он, Геннадий, стал сказочным персонажем?»

Правда, раздумывать особенно было некогда. Постепенно небо заволакивали черные тучи. Звезды скрывались одна за другой. Стонал и раскачивался под порывами холодного ветра сказочный лес.

Геннадий представил себе скопища ведьм, леших, кикимор и различную инопланетную чертовщину, с которой вполне можно встретиться в таком лесу ночью, да и днем тоже, и ему стало немного не по себе.

Он осторожно взял за руку свою спутницу и сказал:

— Здесь в лесу на поляне оставаться глупо. Пошли, Ферни. Далеко отсюда до вашего королевства?

— Это там, — шепнула принцесса, показывая на тропинку за скамейкой, — но в лесу ночью опасно, разбойники шалят на дорогах. Мой рыцарь, а где твой добрый конь?

— И в самом деле, — обрадовался штурман, — совсем с этим драконом из головы вылетело. У меня же поблизости в кустах вертолет стоит.

С минуту Геннадий вспоминал, в какой стороне лу-

жайка с вертолетом, затем, ориентируясь по скамейке и трухлявым пням, уверенно зашагал в темноту.

Идти по ночному лесу оказалось совсем не просто. Тропинку они сразу потеряли в темноте. И приходилось проридаться через густые, колючие заросли. Ноги утопали в сочной высокой траве. Гибкие, упругие кустарники цеплялись за одежду, и штурману приходилось правой рукой раздвигать ветви, больно хлеставшие по лицу, а левой — поддерживать Ферни, которая то и дело спотыкалась, но уже не хныкала и, в общем, для сказочной принцессы держалась достаточно стойко.

Проплутав около часа, они все же вышли к вертолету. И только здесь, усадив Ферни в кресло, захлопнув дверцу и включив двигатель, Геннадий вздохнул с облегчением.

«Эх, если бы мне было известно, — подумал он, — чем окончится эта сказка?»

Вертолет набирал высоту.

Глава 9

Появление Геннадия с принцессой в столице сказочного королевства встретили бурным ликованием.

Узнав о гибели дракона, старый король объявил всеобщее веселье, а во дворце устроил пышный бал.

Согласно высочайшему указу, штурману тут же присвоили титулы наследного принца, победителя дракона и спасителя королевства, после чего Геннадия произвели в генералиссимусы и наградили всеми орденами и медалями королевства — тройным комплектом. Однако и этого старику Броденкусу показалось недостаточным, и чтобы оценить заслуги штурмана, он спешно учредил еще дюжину орденов. И пока придворные

ювелиры, работая в три смены, ковали эти ордена, король в деликатной форме дал понять Геннадию, что всегда готов отмерить штурману его законную, честно заработанную половину королевства.

Геннадий, правда, не внял соблазну и столь же деликатно от предложенной половины королевства отказался.

— Ваше величество! — сказал он. — Мне, скромному звездолетчику, как говорится, вселенному скитальцу по вселенной, половина королевства вовсе даже ни к чему. Ведь и дочку вашу я выручал совсем не из-за какой-то там половины.

— Так! — грозно сказал Броденкас, по-своему истолковывая бескорыстные побуждения Геннадия. — Не хочешь половину, бери все! — И соскочив с трона, монарх звонко и, видимо, от души громыхнул короной о мраморные плиты дворцового зала. — Для хорошего человека ничего не жалко!

— Вы меня опять не совсем верно поняли! — взмолился Геннадий. — Я ведь не из-за королевства принцессу выручал. Зачем оно мне? Я всего лишь исполнил свой долг — помог человеку в беде. На моем месте каждый порядочный принц поступил бы так же.

— Нет. Нет. Скромность — это, конечно, украшение мужчины, но далеко не всегда. Излишняя скромность вредит. И как же это? — изумился король. — Разве такое возможно, чтобы совсем без королевства? Нет, заработал — получай! Я своей дочке не враг! Что-то ты, парень, крутишь! Наверное, к дочери соседнего императора посвататься хочешь?

— Ничего я не кручу! — возмутился штурман и, сообразив, что королю бесполезно что-либо доказывать, решил действовать хитростью. — Мне своего королевства за глаза хватает! — нагло заявил он. — Я не жадный!

— А! — обрадовался король. — Так то ж совсем другое дело! А то — не хочу, не буду! Так бы сразу и сказал, а то я по простоте душевной тебе, милый мой, уже и голову отрубить хотел! У нас ведь, у королей, сам понимаешь, с этим быстро — иной подданный глазом моргнуть не успеет, а уже без головы... Что ж, раз у тебя свое королевство имеется, тогда конечно, тогда нам и свадьбу сыграть не грех!

И не успел штурман опомниться, как ударили в барабаны, затрубили в трубы. Оркестр местных сказочных виртуозов исполнил марш Мундельсона (местный композитор), а повелитель волшебного королевства зычным голосом провозгласил:

— На колени, дочка! И вы, принц, на колени! Я благословляю вас! Живите в любви и согласии! Я кончил! Первый министр, выдайте молодоженам брачные свидетельства!

И вновь затрубили трубы, и ударили барабаны, и сей же миг штурмана с принцессой потащили за свадебный стол.

* * *

Прожив во дворце две недели, Геннадий отчетливо понял, что больше не выдержит.

«Нет, королевская жизнь мне противопоказана. Соколиные охоты, пиры, турниры, доносы придворных друг на друга, публичные субботние казни на площади перед дворцом, сильнодействующие яды в бокалах с вином и прочие королевские радости — все это не для моего хрупкого организма. Конечно, сие весьма занимательно, однако пора и честь знать, — думал он. — Кому-то ведь и трудиться нужно».

Геннадий вспомнил оставленных на Синксе товарищей, своего капитана, и ему стало совсем плохо. «Левушкин мне, точно, голову открутит, — подумал он. —

Надо же, больше двух недель здесь дурака валяю! Они меня уже, наверное, погибшим считают! «

И штурман пошел к королю прощаться.

— Погостили, пора и в путь собираться! — сказал он. — За принцессу, ваше величество, не беспокойтесь — она в надежных руках. И вот еще что — если вас тут без меня будут драконы донимать — применяйте химию! Против драконов и прочих паразитов лучшее средство — инсектициды, но пользоваться ими нужно умело и крайне осторожно, в самых безнадежных случаях. Все рецепты и технологию синтеза я вашему придворному алхимику оставил, думаю, если что — выкрутитесь!

Король, конечно, поворчал для приличия, ну как же, государство теряет такого защитника, можно сказать, опору трона, но, поразмыслив, не стал препятствовать отъезду Геннадия.

Простившись с монархом сказочного королевства, штурман погрузил в вертолет два сундука с орденами, взял с собой, на память, новенький мундир генералиссимуса и пошел в покой принцессы. С женщинами всегда сложно. Уговаривать юную капризную супругу штурману пришлось долго.

Ферни устроила Геннадию безобразную семейную сцену. Она топала ногами, расколотила три хрустальных сервиза: на двенадцать персон, на сто двадцать восемь и на двести шестьдесят четыре персоны. Принцесса, что с нее взять, королевская дочка — существо избалованное, капризное, очень не хотела покидать родительский дом. Она и кричала, и плакала, и уговаривала штурмана не дурить и остаться. Затем она заявила Геннадию, что он ей жизнь испортил и что лучше бы он оставил ее на съедение дракону, чем так поступать. Словом, жена попалась штурману просто сказочно строптивая.

Однако Геннадий держался твердо и был непреклонен.

— Нет, дорогая! — заявил он. — Во дворце я не останусь. Не желаешь со мной лететь, живи, как знаешь! Прощай!

И штурман расправил плечи и повернулся, чтобы выйти, но тут Ферни разрыдалась, ухватила его за руку и поклялась, что она его не оставит.

Через пять минут они уже сидели в кабине вертолета и целовались.

И вновь вертолет пролетел над дремучим лесом и над знакомой поляной с останками несчастного дракона. Затем штурман поднял машину до предполагаемого выхода из сказочного мира и нажал на кнопку прибора.

Уже с минуты на минуту Геннадий надеялся увидеть знакомые очертания зданий и башен столицы Синкса, когда неожиданно обнаружилось, что расчеты штурмана не совсем верны.

Вертолет и в самом деле выскочил из сказочного мира, но попал не на Синкс, а в другой сказочный мир... Пришлось вновь нажимать кнопку — и переходить из этого, нового мира в третий... и так далее — по цепочке. Миров оказалось великое множество. Точно гроздья винограда, висели эти миры на ветке, которая называлась цивилизацией Синкса. Причем многие из этих миров были совсем не сказочные.

Одна картина под вертолетом сменялась другой.

Ферни и Геннадий наблюдали то далекое прошлое Синкса — гибель царств, становление и разрушение империй, бесчисленные войны, битвы, походы, то фантастические картины вероятного будущего.

Вскоре штурману стало ясно, что они попали в своего рода зрительный зал и перед ними как бы прокручиваются все материализованные литературные произведения, созданные, очевидно, давным-давно народами цивилизации Синкса.

«Вот оно — искусство будущего! — размышлял Геннадий. — Наше объемное кино просто примитив рядом с этим. Надо же, точно блины выпекают, создают миры, вселенные на любой вкус и выдумывают их геометрию и законы природы! Правда, есть одна тонкость. Все, что мы наблюдали, сделано по очень старым сценариям. Видно, что когда-то эти миры придумывали люди, а вот кто их воссоздавал? Кто материализацию осуществил?»

После двух часов блужданий по искусственным вселенным, когда горючее вертолета почти кончалось, штурман все же припомнил ту комбинацию кнопок, какая была на пульте прибора, когда он улетал с Синкса. Геннадий нажал на нужные клавиши и с облегчением вздохнул — перед ними возникли очертания столицы Синкса.

— Наконец-то! — обрадовался штурман. — Кажется, выбрались!

* * *

У входа в гостиницу их встретил Левушкин. Он сидел в задумчивости на ступеньках крыльца и, казалось, ничуть не удивился появлению вертолета. Не выказал капитан особого удивления и при виде спутницы Геннадия, а только приветливо улыбнулся и после взаимных представлений сбежал в сад рядом с гостиницей и принес принцессе две корзины цветов.

— Признаться, Геннадий, я не ждал тебя так быстро, ведь еще и шести часов не прошло, как мы расстались, а договаривались встретиться вечером. Поздравляю, ты первый вернулся, остальные пока не появлялись!

— Что? — поразился Геннадий. — Как это первый? За две недели, кроме меня, никто из наших не вернулся к месту сбора?

— Какие еще две недели? — переспросил капитан.

— Что с тобой? Утром ты выглядел лучше!

— Утром? Ты хочешь сказать, что видел меня сегодня утром?

— А ты разве меня не видел? Странно, ведь мы все вместе обсуждали нашу стратегию.

И тут Геннадий сообразил, что время в сказочных мирах, наверное, течет как-то по-особому и не совпадает со временем обычного мира.

— Невероятно! — покачал головой штурман и поведал капитану о своих приключениях.

Услышав о схватке со сказочным драконом и женитбе Геннадия, Левушкин долго смеялся.

— Тебе повезло, дружище, — сказал он. — Не каждый может похвастаться, что ударил в челюсть сказочному чудовищу и женат на сказочной женщине. Кроме того, Ферни, — капитан поклонился принцессе, — безусловно, идеальная супруга, ведь только такие жены и бывают в сказках. Но шутки шутками, а твое сообщение меня встревожило. Я серьезно начинаю беспокоиться за судьбу наших товарищней, с ними уже часа три нет связи. Вам, пожалуй, надо отдохнуть с дороги — вздремнуть, подкрепиться, а я еще посижу на крылечке, подожду остальных...

Глава 10

Массивная квадратная дверь из блестящего темного металла была плотно прикрыта.

Роман несколько минут в нерешительности постоял перед дверью, затем резко потянул на себя ручку.

«Два часа брожу по улицам и закоулкам города — и ничего примечательного! Не возвращаться же с пустыми руками. А за этой дверцей, определенно, что-

то интересное должно быть. Странное сооружение... Огромное здание без окон, без форточек и труб, с одной-единственной дверью, как тут пройдешь мимо?» — думал он.

Дверь отворилась медленно, с тихим гудением.

В первую минуту Роман решил, что попал в зверище. Прямо от двери в глубину здания вел широкий коридор, освещенный многочисленными лампами рассеянного розового света. По бокам коридора плотными рядами стояли огромные стальные клетки, тянулись вольеры и загоны. Центральная часть коридора была огорожена ажурным чугунным барьером. Возле каждой клетки стояла табличка с надписью.

С электронным переводчиком надписи читались легко, но не становились от этого понятнее.

Так вывеска на первой клетке справа гласила:

«Злоба человеческая, разновидности...»

Когда Роман внимательно присмотрелся, из глубин клетки выскочили четыре карлика и зашипели, сверкая маленькими рубиновыми глазками.

Рядом находилась клетка с ненавистью, еще дальше по коридору располагались: ярость, жестокость и коварство.

Коварство, когда планетолог проходил мимо, тихим чарующим голосом позвало:

— Остановись, путник, подойди ближе, я так одиночко, так несчастно!

Роман оглянулся. Этот карлик выглядел бы вполне привлекательно, если бы успел спрятать от зоркого взгляда планетолога свои острые когти.

Слева по коридору в просторных вольерах резвились маленькие и большие пушистые зверьки. Из табличек Роман узнал, что там обитали: нежность, доброта, ласка, простодушие. Тут же разгуливали щедрость и самопожертвование.

В отдельном огромном загоне в задумчивости сидел зверь-великан, которого звали благородство.

В клетках справа содержались разновидности подлости, сидели над массивными, отливающими черным лаком, сундуками карлики: скучность и жадность. Яростно мутузили друг друга насилие и свирепость.

В путешествии по этому странному коридору Роман встретил и задрожавшую при его появлении трусость, и безрассудную смелость, и застенчивость, и скромность. Он наблюдал и убежденность, и упрямство, и мнительность, и целые стаи различных восторгов и огорчений.

В одном шумном загоне содержалась обширнейшая группа всевозможных пороков, многие из которых были уже совершенно чужды человечеству Земли.

Словом, в таинственном здании были собраны и персонифицированы в виде различных зверюшек и карликов черты характеров, чувства, когда-либо свойственные людям.

Но зачем, с какой целью, кем создавалась эта коллекция оживших эмоций! Кому понадобилось выводить все эти многочисленные породы кибернетических зверюшек, наделенных особыми, человеческими свойствами! Почему их собрали в одном месте? Этого Роман пока не понимал.

Едва не раздавив неизвестно откуда выползшую угодливость, с трудом увильнув от навязчивости и любопытства, почти совсем оглушенный болтливостью, едва не усыпленный ленью, шарахаясь от клеток с лицемерием и завистью, Роман кое-как пробрался к выходу. Уже на улице, отдышавшись и немного придя в себя от увиденного, он сообразил, что посетил своеобразный заповедник смоделированных кем-то человеческих, а возможно, не только человеческих чувств, эмоций, каких-то привычек...

«Что ж, продолжим наши изыскания, — подумал Роман, посмотрев на часы, — время еще есть. Капитан поручил покопаться в одном из здешних хранилищ информации. Так сказать, полазить по синксским библиотекам и разузнать хоть что-то об истории развития человеческой цивилизации Синкса, ведь когда-то же такая цивилизация, если верить древним архитектурным памятникам, существовала...»

И Роман, зорко посматривая по сторонам, смело пошел вперед по лабиринтам улиц столицы Синкса.

Глава 11

Виталий шел по музею машин. Бесчисленные залы и галереи уводили кибернетика все глубже и глубже в подземную часть города.

В музее были представлены, казалось, все когда-либо изобретенные цивилизацией Синкса технические приспособления и механизмы: от каменного топора и древней одноколесной тачки до сверхсложных механических и кибернетических устройств.

Виталий с удовлетворением отмечал, как с каждым новым залом все более усложняется техника Синкса.

Появляются все новые модели различных станков, автомобилей и механизмов. Вот уже выстроены в ряд с полным комплектом снаряжения роботы-великаны для работ в космическом пространстве, а в соседнем зале на витринах выставлены различные типы роботов-карликов. А рядом микророботы, тысяча которых вполне может уместиться на ладони человека.

Следующий зал: разновидности роботов, имитирующих животных, растения... Рядом новая экспозиция: более сложные, совершенные модели.

От зала к залу, от стенда к стенду у автоматов рас-

ширяются области анализа, появляются роботы, воспринимающие почти весь спектр звуковых колебаний, способные видеть в инфракрасной области и рентгеновском диапазоне. Создаются кибернетические чудовища со способностью к телетранспортировке и внепространственному видению. Новый зал, более совершенные модели...

«Конечно, — размышлял Виталий, — развитие и в природе, и в технике от простого к сложному — это прогресс, но стоп! Что такое?»

Очередной зал. Просторная вольера. За изгородью вроде бы люди? Или видимость? В глазах двух голых анатомических подобий человека ни одной искры мысли, пустые идиотские взгляды. Неприятное зрелище.

«Биороботы! Самые первые модели, — догадался Виталий. — Пока еще, кроме удовлетворения обычных физиологических потребностей, ничего не умеют. В клетке автокормушки и автопоилки. Существа чавкают, пьют, спят, воспроизводят себе подобных... Посмотрим, что будет дальше... в соседних залах».

А в соседних залах появились уже знакомые астронавтам куклы-автоматы. Логика развития в чем-то дала сбой. Чутье подсказало Виталию, что где-то на рубеже эпох — между появлением первых биороботов и созданием кукол на планете, а возможно, и не только на планете, а в самом развитии цивилизации Синкса произошло нечто очень серьезное, какая-то катастрофа. В механизме цивилизации что-то сломалось. И начался новый этап развития — от сложного к простому. Появляется то самое разделение труда среди роботов, с которым астронавты встретились в кафе и магазинчиках города.

Виталий прошел еще с десяток залов — все чаще стали ему попадаться так называемые тупиковые ветви

развития мира роботов, все чаще красота и логика развития подменялись уродством формы и содержания.

И кибернетик убедился, что цивилизация Синкса на определенном этапе развития попросту зашла в тупик.

«Надо возвращаться, — решил Виталий. — Только как это сделать? Вернуться обратно? Сил не хватит обойти снова все эти залы... Попробовать подняться на поверхность по какой-нибудь лестнице?»

И вскоре он и в самом деле набрел на полутемную шахту, нечто вроде служебного выхода, и прошел по ней несколько этажей вверх. Неожиданно Виталий очутился на одном из подземных заводов, изготавливающих роботов и кукол-автоматов.

Гудело пламя в печах, ползли ленты конвейеров, работали многочисленные станки-автоматы. Тысячи маленьких серых роботов собирали из микродеталей какие-то схемки, монтировали узлы и складывали готовые блоки на конвейер. Вокруг Виталия сновали автопогрузчики. Чувствовалось, завод работает ритмично, без сбоев и остановок.

Однако не это поразило Виталия — в самом центре цеха на огромном экране светились три ряда огненных символов, которые электронный переводчик расшифровал так:

«Увеличить фактор человечности выпускаемых изделий на... — далее следовало: — две стотысячных процента...»

Этот лоэнг, или обязательство, или приказ, оказался последним недостающим звеном в картине эволюции роботов.

Для Виталия, как ему представилось, многое стало ясным. Роботы Синкса стремились стать людьми!

Этот вывод так поразил воображение кибернетика, что ни о чем другом Виталий уже не мог думать. Он не помнил, как ему удалось выбраться на поверхность

планеты, не помнил и своего пути по городу к гостинице.

И только увидев Левушкина у входа в гостиницу, Виталий очнулся и бодро объявил:

— Капитан, я, кажется, знаю, что случилось с людьми Синкса! Они умерли от ожирения! Я потрясен!

— Гм! Ты уверен? Любопытная новость. Кстати, я заметил, Виталий, что ты последнее время злоупотребляешь мучными и кондитерскими изделиями. Надеюсь, твоему организму не грозит участь бедных жителей Синкса? Впрочем, докладывай. Откуда ты почерпнул такую сенсационную информацию?

— Пока это, конечно, всего лишь моя гипотеза, — уточнил Виталий, — но кое-какие факты говорят в ее пользу. Из истории, Федор, известно, что Древний Рим погубила роскошь. Почему бы не предположить, что и на Синксе происходило нечто похожее. Ведь легко представить развитую цивилизацию технического типа, которая на определенном этапе пренебрегла своим духовным развитием. Когда-то у людей Синкса появился культ машин! Автоматы могут все! Машины делают человека счастливым! Очевидная чушь, как сказал бы наш штурман. Человека, кроме самого человека, ничто счастливым сделать не может. Для нас — азбучная истина. А люди Синкса эту истину отвергли, возможно. И вот появилась цивилизация, в которой в одну из эпох машины, роботы не только выполняют все общественные функции человека, но и становятся, если так можно выразиться, человечнее самого человека. Люди же, потеряв творческую инициативу, сделались всего лишь потребителями благ техники.

— Цивилизация тунеядцев! — ухмыльнулся Левушкин. — Эпоха массового паразитизма! Однако...

— Напрасно улыбаетесь, капитан, — возразил Вита-

лий. Конечно, я даю упрощенную схему, в жизни все, наверное, было намного сложнее, трагичнее, но такая паразитическая эпоха, уверен, была в истории этой цивилизации. В этот «золотой век» потребители купались в роскоши и удовольствиях. Для них построены все эти чудо-гостиницы, автокафе и магазины «все, что пожелаете». Ониели все мыслимые и немыслимые деликатесы, ублажали себя самыми изощренными способами... И постепенно умертили свои мозги. Для развлечений ведь особого напряжения умственных способностей не надо. Потребность в мышлении игнорировалась. Люди не только ленились думать, трудиться, но и постепенно теряли вкус к жизни, само существование становилось им в тягость.

— Лень — двигатель прогресса! Не так ли? — спросил Левушкин.

— Примерно, однако, если такой двигатель работает на пределе, возможен перегрев со взрывом. Думаю, на Синксе нечто похожее и случилось. Вначале лень ходить по планете пешком — пожалуйста, автоматические ноги, автомобили. Лень работать руками — автоматические руки, кибернетические слуги. Лень рожать самим, пожалуйста, за вас это сделают кибернетические инкубаторы. Наконец, просто лень жить, но и умирать еще неохота. И здесь поможет всемогущая техника — ваш мозг, простите, центр удовольствия, пересаживают, вживляют в электронную систему, и вы счастливы окончательно. Вы почти бессмертны, вы кукла.

— Что ж, не так глупо, — одобрительно сказал Левушкин. — Возможно, так и появились на Синксе первые куклы-автоматы.

— Да. Они заняли жилища людей, их место на планете, но куклы счастливы и без еды, и без вещей, пользование которыми, вообще-то, предполагает наличие

определенного интеллекта, поэтому кафе и чудо-магазины пустуют.

— Логично, — согласился Левушкин. — Ты близок к разгадке тайн этой планетки. Однако что же было дальше? Пока ты не объяснил все достижения этой сверхцивилизации. Место человека заняли роботы, мыслящие машины?

— Нет. Полностью людей машины не могли заменить. Это исключено. Произошло совсем другое. Проходили века, тысячелетия, техника планеты продолжала развиваться, эволюционировать...

— Погоди! Погоди! — сказал Левушкин. — Шалишь, братец! А возможно ли развитие техники без человека? Ведь что такое техника — средство достижения каких-то чисто человеческих целей. Сама по себе, без человека, техника смысла не имеет.

— Развитие техники без человека все же возможно, — возразил Виталий. — До определенного уровня кибернетическая цивилизация Синкса могла развиваться, питаясь накопленными запасами идей, мечтаний, чувств исчезнувшего человечества. Поколения роботов за долгие тысячелетия вполне могли в той или иной форме реализовать все эти мечты, идеи... Кибера способны освоить миллиарды планет галактики. Они могли научиться использовать энергию миллионов звезд. Могли построить звездолеты и аппараты неизмеримо совершеннее тех, которыми пользуются люди Земли. Электронные системы могли создать сверхцивилизацию, но без человека все достижения такой цивилизации не имеют смысла. Ведь только люди чего-то хотят, о чем-то мечтают, мучаются и страдают, к чему-то стремятся. Самим роботам, электронным системам ничего такого не надо. Они функционируют по программам, цели которых им чужды и не нужны.

— Смысл существования любого робота в его работе, так?

— Именно. И вот, когда планета не имеет проблем, возникает самое смешное. Кибернетические мозги начинают крутиться вхолостую. Теряются ориентиры, теряются цели. Возникает потребность в свежих желаниях, идеях, чувствах, нерешенных проблемах. Одним словом, автоматам необходим хозяин, которому бы они служили, существование которого придавало бы смысл их существованию, им необходим человек! Именно человек, человек — личность, человек — мыслитель, человек — художник, а не куклы-потребители. И появляется проблема человека, проблема, наверное, не имеющая решений в рамках замкнутых схем кибернетической цивилизации.

— Занятная гипотеза, — пробормотал Левушкин.
— Пока это твои домыслы, О происхождении кукол, например, можно и спорить. И потом, ты просто не в курсе, Геннадий обнаружил, что у людей этой планеты существовало развитое искусство, литература, поэзия. Конечно, эти искусства могли прийти в упадок в какие-то века, но доказательств этому у нас пока нет. И почему ты считаешь, что проблему человека не решить кибернетической цивилизации?

Виталий задумался:

— Почему не решить? Да, пожалуй, технических препятствий нет. Роботам Синкса, я уверен, легко воссоздать, возродить исчезнувшее человечество планеты. Реконструировать генетический код, решить проблему воспитания — для них это мелочи. Им не хватает, возможно, пустяка — толчка извне. Если провести кое-какие параллели с нашей земной кибернетикой, то можно догадаться, почему такой толчок необходим. Видите ли, капитан, когда люди Синкса много тысячелетий назад создавали первые кибернетические системы, они почти наверняка заложили в их основу несколько ограничивающих принципов. Ввели своего рода предохра-

нители — что-то вроде законов робототехники. Например, я убежден, что были принципы зависимости от человека и невмешательства в дела людские. Последнее ограничение можно сформулировать так: все, что касается человека, его жизни и смерти, может решать только сам человек.

— Ага! — улыбнулся Левушкин. — Эта заповедь нам знакома. Значит, ни убить человека, ни воскресить его без санкций самих людей роботы не могут?

— Примерно так.

— Тогда как ты объяснишь нашу насильственную высадку на эту планетку? Или для них мы не люди?

— Сдаюсь, капитан. Это, пожалуй, самое темное место в моих построениях, — смутился Виталий. — Роботы Синкса, несомненно, видят в нас людей. Больше того, я не удивлюсь, если они считают нас хозяевами планеты. И с другой стороны... насильственные действия... Объяснений этому может быть несколько. Первое, насилия не было.

— Ну, знаешь! — возмутился Левушкин. — Что же, по-твоему, мы стремились к Синксу всеми фибрами души?

— Терпение, капитан, сейчас поясню. Вспомни, перед началом контакта с цивилизацией Синкса на звездолете не было никаких странностей, поломок в двигателях?

— Какие-то мелочи были, — сказал Левушкин. — Первый реактор немножко барахлил. Что-то с навигационными системами происходило — появлялись отклонения от курса... Однако эти отклонения могли быть связаны как раз с самой цивилизацией Синкса, ее вмешательством...

— Допустим. Дело в том, что если звездолету угрожала смертельная опасность, например взрыв или столкновение с каким-либо телом, и при этом корабль

находился в области гиперпространства, контролируемой цивилизацией Синкса, то кибернетические системы в силу тех же законов робототехники не могли не вмешаться. Такое вмешательство соответствовало нашим желаниям, согласись, никто из нас умирать не желал.

Левушкин хмыкнул:

— Выходит, они нас еще и облагодетельствовали?

— Не исключено.

— Хорошо, а какие еще объяснения нашему приключению ты можешь дать?

— Второе объяснение самое простое. Электронные спасательные службы цивилизации Синкса спасали только наш, терпящий бедствие звездолет, его электронные устройства. О том, что на корабле находились не только автоматы, но и люди, кибернетические системы Синкса узнали уже после того, как звездолет был посажен на планету и все его двигатели блокированы.

— Гм. Замысловато. Но после устранения всех этих опасностей для звездолета и его электронных систем могут эти самые кибернетические правители Синкса помочь нам вернуться на Землю? Ведь такая помощь вполне соответствует нашим желаниям, не так ли?

— Желаниям-то соответствует, но оказание помощи людям чужой цивилизации, когда нет непосредственной опасности для их жизни, это, боюсь, привилегия человечества Синкса. Вспомним принцип невмешательства в дела людские. Они нам помогут, если на Синксе найдется хоть один человек, хозяин планеты, который прикажет оказать нам такую помощь.

— Но ведь пока на Синксе мы такого человека не нашли? Правда, — капитан улыбнулся, — Геннадий обнаружил материализованных литературных и сказочных героев, но это, кажется, не совсем то, что нам требуется. Опасаюсь, что для кибернетической бюро-

кратии Синкса человек и материализованный литературный герой совершенно разные понятия. Казуистика, одним словом...

— Герои! Какие герои? — оживился Виталий.

— Иди в гостиницу, — устало сказал Левушкин, штурман тебе потом сам все расскажет. Меня беспокоит, где Василий и Роман так долго бродят. Скорее бы уж собраться всем. Сильно устал?

— Терпимо.

— Тогда посиди еще немного рядом. Я расскажу, что со мной было. История, в общем, короткая.

— Посетил большие храмы?

— Да. Знаешь, кому там молятся?

Виталий улыбнулся:

— Я все же специалист-кибернетик, могу догадаться.

— Ты прав — там обожествили человека. — Левушкин помолчал немного и рассказал следующее: — Я вошел в храм по широкой лестнице красного полированного камня. Потоки света, вихри красок закружились перед моими глазами.

В сотне метров надо мною пыпал купол храма. Именно пыпал. Казалось, его лижут языки звездного пламени. Бесчисленные световые элементы создавали полнейшую иллюзию огня. Отблески этого огня метались по черным зеркальным колоннам, по стенам храма, тонули среди статуй и картин.

А внизу, на вишневых плитах, стояли на коленях тысячи черных фигурок роботов, не кукол-автоматов, а именно роботов. Это были роботы-жрецы, служители храма. Они застыли все в одних и тех же позах, с запрокинутыми головами и устремленными к сияющему куполу глазами. И все эти роботы шептали какие-то не то молитвы, не то стихи. Они восхваляли мудрость своих

создателей-людей и великую загадку непостижимости человека.

Лица жителей древней цивилизации смотрели на меня со стен храма, с портретов. Статуи древних героев Синкса возвышались вдоль колонн и украшали подножие огромной винтовой лестницы, обвивающей круглую черную пирамиду в центре зала.

Ступени лестницы вели к вершине пирамиды, на которой стоял сверкающий самоцветами золотой трон. Этот трон был пуст. И пока я пытался рассмотреть его устройство, тысячи изумрудных электронных глаз устремили на меня свои взгляды, и я услышал:

— Взойди! Поднимись по лестнице! Человек! Среди нас человек! Взойди! Поднимись!

Пространство вокруг меня всколыхнулось, и передо мной образовался проход среди стальных тел к подножию пирамиды.

Тут я сообразил, что далее оставаться в храме, пожалуй, рискованно. И я поспешил к выходу. Вот и вся история моих похождений.

Левушкин с улыбкой посмотрел на озадаченное лицо Виталия:

— Как тебе это нравится? Согласуется моя история с твоей догадкой?

— Что ж, будем думать, — вздохнул Виталий. — А вот и Роман возвращается. Интересно, что он узнал нового?

Глава 12

Планетолог неторопливо приблизился, многозначительно кивнул друзьям и степенно откашлялся:

— Я побывал в заповеднике эмоций и провел несколько весьма плодотворных часов в хранилище ин-

формации, — сказал Роман. — Узнать удалось, правда, не так много, как хотелось бы, но есть для нас кое-что важное. Я установил, что хозяевами планеты в настоящее время являются кибернетические системы, роботы высших классов.

— Стоило так далеко ходить за этой истиной, — ухмыльнулся Виталий.

— Рома, — ласково сказал Левушкин. — У нас другие сведения. Виталий мне только что доказывал, что планета Синкс совсем не имеет хозяев. Так сказать, бесхозный инвентарь.

— Пожалуй, — с легкостью согласился Роман, — в некотором смысле это так и есть. Я не совсем точно выразился — роботы выполняют функции хозяев, в какой-то мере регулируют процессы, идущие на Синксе, но не властствуют. Владыкой планеты они считают человека.

Они уверены, что служат людям Синкса. Но самое-то ужасное, что человеческой цивилизации на планете давно уже не существует. Это совершенно точно!

Роман торопливо достал записную книжку:

— У меня кое-что помечено. Последние люди покинули Синкс примерно шестьдесят тысяч лет назад. Большая часть суши планеты в ту эпоху была пустыней. Многие моря скованы льдами. На континенты тоже надвигались ледники. Об этом периоде развития цивилизации Синкса я почти ничего не нашел. Исчезновение людей — древняя тайна. Возможно, люди улетели на поиски новых, цветущих планет. Возможно, произошла какая-то глобальная катастрофа. Можно допустить и простое вырождение оставшихся жителей планеты, избалованных чудесами прогресса, искусственно созданной тепличной средой.

— А! Что я говорил! — воскликнул Виталий. — Вот и Роман к тому же выводу подходит!

— Нет, нет, Виталий, — замахал руками планетолог, — я пока никаких выводов не делаю. Рассказываю только о том, что узнал.

— Продолжай, — сказал капитан, — а ты, Виталий, не перебивай рассказчика. Успеешь еще поспорить.

Очевидно одно, — сказал Роман, — с какого-то времени на планете остались одни роботы и технические сооружения. Самое поразительное, что роботы, кажется, и не заметили исчезновения человека. Они тысячелетиями выправляли климат планеты, заново отстраивали и реставрировали старые города. Довели до совершенства сельское хозяйство и промышленность. Восстановили растительный и животный мир Синкса. А еще через какой-то промежуток времени решили почти все проблемы, над которыми когда-либо билось здешнее человечество. Кибернетическая цивилизация осуществила почти все технические мечты людей Синкса.

— Отчего бы и не осуществить, — улыбнулся Левушкин, — ведь людей, которые умеют мечтать и создавать проблемы, на планете не осталось.

— Ага! Вот и подтверждение моим гипотезам! — обрадовался Виталий. — Роботы — прямые наследники исчезнувшего человечества Синкса, носители человеческих идей.

— Носители идей? — Роман поморщился. — Нет, пожалуй, роботы всего лишь технические исполнители.

Они превратили все мечты исчезнувших людей в реальность, но... Но эти мечты без самих мечтателей бессмысленны. Это большое недоразумение. И мне думается, кибернетическая цивилизация Синкса начинает что-то осознавать. Сейчас на планете решается одна главная проблема — проблема человека. Исследуется все, что осталось от гуманитарных наук человечества

Синкса, от его искусства, литературы. Работы копаются в человеческой анатомии, психологии, пытаются, так сказать, познать человека, его сущность... В хранилищах информации я обнаружил горы отчетов, записей по этим темам. А в заповеднике эмоций я наблюдал многое, что подтверждает мое сообщение. И знаете, этот заповедник смоделированных киберами Синкса человеческих чувств и эмоций только убеждает меня, что роботы этой планеты все еще очень далеки от решения проблемы человека. Хотя мне трудно понять, что им мешает? Технические возможности для воссоздания человечества у кибернетических систем Синкса, кажется, есть.

Виталий и Левушкин переглянулись.

— Я рад, Роман, — сказал капитан, — что ты своими изысканиями подтвердил кое-какие наши догадки и наблюдения. Похоже, друзья, мы на верном пути. Надо бы всем собраться и обсудить положение. А вот, кстати, и Василий...

Виталий с Романом посмотрели в указанном капитаном направлении и охнули от изумления.

По середине улицы к гостинице шагал Василий Огурцов. Костюм его был изодран в клочья, левый ботинок почему-то отсутствовал. Лицо было покрыто слоем копоти. Под глазами черные круги, волосы взъерошены, а в правой руке бессильно болтался лучевой пистолет.

— М-да... — прошептал Роман. — Однако... Планета не проявляет враждебности, кажется, это называлось так...

— Очень живописно, — вздохнул Виталий, — но с планетой пока полной ясности нет...

Левушкин промолчал, спокойно ожидая приближения пилота.

Огурцов подошел и с тяжелым пыхтением уселся на ступеньки лестницы рядом с капитаном.

— Так... Значит, строго в рамках инструкций. Соблюдаем, конечно, технику безопасности? — невозмутимо поинтересовался капитан.

Роман, предчувствуя неприятную сцену, осторожно откашлялся:

— К-хе! К-хе! Знаете, ребята, — тихо пробормотал он, — я пойду, пожалуй, дела у меня...

Виталий принял настороженный легкомысленный мотивчик из модной оперы и стал бочком пятиться ко входу в гостиницу.

Левушкин положил руку на плечо Романа:

— Останьтесь, дорогой, — сказал он нежно, — вас будет не хватать. — И, внимательно посмотрев на Василия, спросил: — С кем изволили поцапаться, любезный? С каким драконом?

— С драконом? Каким еще драконом? — не понял Огурцов. — Я действовал согласно вашим указаниям, капитан.

— Разве?

— Да. Осматривал западный сектор города.

— Очевидно, у вас были приятные встречи? Надеюсь, поделитесь воспоминаниями? Мы слушаем. Виталий, побудьте еще немного с нами, думаю, и вам рассказ нашего пилота будет интересен. Итак?

Глава 13

Василий сник.

— А! Что тут долго рассказывать! — махнул он рукой. — Нашел я эту их систему управления планетой, думаю, что нашел.

— Так нашел или думаешь, что нашел? — заинтересовался Виталий, поудобнее усаживаясь на ступеньках лестницы.

— Думаю, нашел! — отмахнулся Василий. — На этой чертовой планете ничего нельзя утверждать с определенностью.

— В этом он прав, — вставил Роман.

— Так вот! — продолжал Василий. — Обнаружил я ее довольно легко. Просто удивительно, почему раньше мы ее не нашли. Наверное, из-за того, что нервничали в первые дни. Я избрал простой путь поиска. Шел по городу и спрашивал у роботов, кому они подчиняются. Кто отвечал, кто не отвечал, но после часа расспросов я вышел на первую ступеньку местной административной лестницы — добрался до систем контроля. Дальше еще проще. Выясняю в этих системах, какие системы их самих контролируют... И так далее, пока не попадаю к кибернетической системе, управляющей здешним сектором галактики.

— Куда? Куда ты попал? — переспросил Виталий. Ты что же, пробрался к ней на прием?

— Естественно! — невозмутимо ответил Василий.
— В недрах этой системы все и случилось.

— Что случилось?

Огурцов болезненно сморщился:

— Поначалу все шло нормально. Не буду говорить, чего мне это стоило, каких усилий, но проник я в организацию со скромным названием: «Управление галактикой». Хожу себе по коридорам. Вокруг снуют всякие роботы с различными бумагами и печатями, размахивают дыроколами и протоколами. Все заняты, вокруг все гудит, трещит. У одного кибер-секретаря спрашиваю: как мне вашего главного найти? Он меня посыпает... по коридорчику. У другого робота интересуюсь.

Посыпает... У третьего уточняю направление. Опять

посыпает дальше. Наконец, добрался я до кабинета, на двери которого красовалась надпись:

«Суперперфектум восьмого сектора».

Не знаю, что этот титул означает, но электронный переводчик так расшифровал. Ладно, думаю, супер так супер. Расталкиваю роботов-секретарей и вхожу.

В кабинете никого. Пустое помещение. Правда, замечаю, одна из стен напоминает серую блестящую панель вычислительной машины — множество кнопок, экранов, индикаторных глазков и каких-то дырок. Но вое дело, думаю, парни-то правы — со свихнувшимся компьютером беседовать, кажется, придется. Даже вроде бы обидно стало. Ну, что это такое? Стенка с кнопками — хоть кричи, хоть головой в нее стучи! Что ты ей докажешь? Совсем я было уже в тоску впал, вдруг — бац! Посреди кабинета, прямо передо мной, возникает чугунный стол, а за ним сидит робот — этакий верзила четырехметрового роста. Глазищи у него, что твои телескопы, каждый с тарелку, да еще двигаются туда-сюда, так тебя взглядом и сверлят. Лапы стальные, что бревна, на каждой по десять пальцев... Вцепится такой клешней — конец. Да, прикидываю я, с этим железным дядей надо поделикатнее.

А робот между тем провода от себя в панель воткнул и говорит этак ласково:

— О! Какая чудесная встреча! Василий Степанович Огурцов, если мне память не изменяет? Для нашего учреждения ваш приход — большая честь! Вы ведь, кажется, человек?

Я сразу забываю всякую осторожность.

— Позвольте! — говорю. — Что значит — кажется? Кому это кажется? У вас, что же, относительно меня возникают какие-то сомнения? Может, вас моя родословная не устраивает?

Робот тут же начал вилять:

— Да как вам сказать? Вы не обижайтесь. Просто мы вас и ваших товарищей еще окончательно не классифицировали.

— Позвольте! — говорю. — Ваше нахальство, уважаемый, переходит все границы! Мало того, что наш космический корабль был насильственно вырван из гиперпространства и помещен на эту планету! Вы еще и подвергаете нас всевозможным оскорблением! Пытаетесь классифицировать! Это пиратство! Разбой в галактическом масштабе! За себя и за товарищей требую свободы! Советую по-хорошему: либо помогите нам вернуться на родную планету, либо верните вместе со звездолетом нас в исходную область гиперпространства, из которой вы нас так бесцеремонно извлекли!

И тут это металлическое чучело все так и завибрировало:

— Помилуйте, — говорит, — какие оскорблении? Какой разбой? Да разве такое возможно в нашем цивилизованном кибернетическом мире? Гостеприимнее Синкса не найдешь планеты во всей галактике. А что касается инцидента с вашим кораблем, то есть посадки на Синкс, так это делалось с единственной целью — спасти корабль от неминуемой гибели. Ибо вы угодили в зону неустойчивой гравитации и у звездолета возникли технические неполадки. Согласитесь, долг каждой порядочной кибернетической системы — оказать помощь терпящему бедствие кораблю с разумными существами на борту!

— С этим я, конечно, — говорю, — согласен, хотя замечу, мы о помоши вас не просили!

— Вы попали о область гиперпространства, контролируемую нашими электронными системами, — и этого факта для нас было достаточно.

— Хорошо, теперь, когда опасности миновали и по-

ломки будут устранины, мы можем рассчитывать на ваше содействие?

Робот замялся:

— Трудно сказать! Одно дело, когда гибнет корабль в подведомственном нам районе, а другое — когда нужно оказывать техническую помощь людям посторонней цивилизации, которые находятся в полнейшей безопасности. Такое мы можем только с разрешения человечества Синкса!

— Позвольте! — возмутился я. — Какого еще человечества Синкса? Где оно, это человечество? Что вы мне голову морочите? Уж вам-то, уважаемый Суперперфектум, или как вас там еще называют, должно быть отлично известно, что на планете Синкс мы не обнаружили никакого человечества!

— Простите, милейший Василий Степанович, — говорит мне этот кибернетический злодей, — обсуждение вопроса о наличии человечества на планете Синкс не входит в мои обязанности. Мне достаточно знать, что юридически мы — кибернетические системы — трудимся для блага и процветания нашего обожаемого человечества! И в свете вышеизложенного ваше заявление об отсутствии человечества на Синксе — есть кощунство и галактическое преступление. От немедленной кары, то есть кардинального перепрограммирования, вас спасает только то, что вы инопланетянин и не являетесь роботом!

— Спасибо! — говорю я. — Не будем обсуждать такие щекотливые вопросы. Скажите все же, каким образом нам добиваться возвращения на родную планету?

Супер скосил на меня хитро этак правый глаз и говорит:

— Не знаю, право, что вам и посоветовать, — до-стает он из своего стола пучок толстых разноцветных проводов и втыкает их в гнезда на серой панели. Затем

щелкает кнопками, изучает разноцветные кривые на экранах и заявляет: — В предложенных координатах задача решения не имеет!

— Что? — говорю я, лихорадочно нащупывая у пояса свой лучевой пистолет. — Ты еще издеваешься! Супер замечает такое мое состояние и, очевидно, сообразив, что я существо биологическое, а значит, нервное, неуравновешенное, говорит.

— Погодите! Погодите! Любезный Василий Степанович, у меня возникли кое-какие наметки. Не отправить ли вам прошение в Киберсенат галактики? Очень, знаете ли, представительное учреждение. Я сам один из ста восьмидесяти двух тысяч вице-президентов этой организации, поэтому гарантирую свое содействие при обсуждении... Одно мгновение, одно мгновение, — Супер поковырялся в приборах на столе. — А вот! Очередное заседание состоится через пятьсот тридцать четыре, ваших земных, года шесть месяцев и девять дней.

Совсем скоро, только и успеете прошение отправить и на Синксе слегка акклиматизироваться.

Услышав такое, я, как вы догадываетесь, позеленел.

— Впрочем, — продолжает рассуждать Супер, — на положительную резолюцию, откровенно говоря, и в Киберсенате галактики трудно рассчитывать. Петицию об оказании помощи инопланетным разумным существам должен все же подписать хотя бы один представитель человечества Синкса. Хотя надо заметить, в случае отрицательного решения Киберсената галактики можно послать прошение в Киберсенат вселенной... Очередное заседание состоится через пять тысяч двести двадцать три года шесть месяцев и четыре дня... Однако есть опасность, что там могут отклонить ходатайство, ведь вы, некоторым образом, жители иной метагалактики... И тогда...

— Поймите же, Суперперфехгум, не в силах мы ждать пять тысяч лет, — не выдержал я, — к тому времени на Синксе и костей наших не найти!

— Отчего же! Отчего же! — говорит робот. — Вы просто плохо информированы. Довожу до вашего сведения, поскольку вам посчастливилось попасть на Синкс, кибернетические системы планеты несут определенную ответственность за сохранение ваших драгоценных жизней! И в продолжение вашего сколь угодно длительного пребывания в областях вселенной, контролируемых цивилизацией Синкса, вам гарантируется практическое бессмертие, отключение процессов старения организма и безусловное сохранение статуса личности!

«Статус личности» меня и доконал.

«Еще немного, — подумал я, — и кому-то из нас двоих будет совсем плохо...»

— Кстати, — замечает Супер, — в связи с этим ваша задача имеет довольно простое частичное решение.

— Какое? — спрашиваю, а сам уже бледнею от злости, — Почему бы кому-нибудь из вашего экипажа не стать человеком Синкской цивилизации? Тогда все проблемы решаются одним махом. Такому человеку будет подчиняться вся техника нашей цивилизации. Отправить вас на Землю или в любую другую точку вселенной для него будет сущим пустяком.

— Вы так полагаете? А что будет с этим оставшимся на Синксе человеком?

— С ним? А что с ним может случиться? Он будет человеком Синкской цивилизации! Вы, Василий Степанович, пока даже и представить не можете себе, что это означает! Это величие! Это всемогущество! Это...

— Я хочу знать, сможет он улететь с нами?

— Конечно, нет. Ведь ясно! Я же сказал, задача не

имеет полного решения. Чтобы человек Синкса мог улететь за пределы областей своей цивилизации, необходимо разрешение человечества Синкса, то есть согласие на такой полет еще хотя бы одного гражданина Синкской цивилизации.

Получался замкнутый круг.

— И это называется у вас всемогуществом? Других вариантов, значит, нет? — спросил я, содрогаясь от возмущения.

— Нет, — ответил Супер, — других вариантов в настоящий момент не существует.

— Посмотрим! — говорю я, выхватывая пистолет.

И началось. Первым же выстрелом я срезал этому Суперу половину головы. С оглушительным грохотом посыпались осколки электронных глаз, расплавились предохранители локаторов, и на меня брызнуло горячей едкой жидкостью. Три следующих залпа разнесли вдребезги серую панель вычислителя.

Тут где-то в коридорах взвыла сирена. И в кабинет ворвались первые четыре робота. Их я очень удачно вывел из строя двумя выстрелами. Затем роботы полезли косяками. Они карабкались по уже повреженным металлическим телам, застревали в дверях, ломали перегородки. Я, к стыду своему, настолько озверел, что полосовал их лазерными лучами, пока не кончились заряды.

Огурцов тяжело вздохнул и, вынув из кармана куртки две пустых обоймы, бросил их на ступени лестницы.

Друзья молчали.

— Затем, — продолжал Василий, — я скрестил руки на груди и стал ожидать своей участи. Самое ужасное произошло дальше, на меня не обратили никакого вни-

мания. Подбежали свежие отряды новеньких роботов, быстро разобрали завалы из металлических тел. Какие-то два спела ловко открутили поломанную голову Суперперфектума, а взамен притащили и поставили новенькую, еще всю в заводской смазке, свеженькую головку. Быстро заменили серую панель вычислителя. Роботы-уборщики собрали осколки, подмели и вылизали пол и стены кабинета. И через десять минут от учиненного мной погрома не осталось и следа. Очнувшись же Суперперфектум неторопливо воткнул от себя провода в гнезда панели вычислителя, очень мило мигнул мне своими глазищами и нежно произнес:

— О! Какая чудесная встреча! Василий Степанович Огурцов, если мне память не изменяет? Для нашего учреждения ваш приход большая честь! Вы ведь, кажется, человек...

Я окончательно скис, понял, что ничем эту кибернетическую бюрократию не прошибешь.

— Нет, — говорю, — память вам не изменяет. И я действительно, кажется, человек.

Плюнул я в сердцах, повернулся и вышел. Вот такие дела, братцы.

— Что долго думать, — сказал Виталий, — Пошли в гостиницу. После ужина и отдыха соберемся и обсудим, что нам предпринять.

— Силы надо беречь, — согласился Левушкин.

— А чего их беречь? — проворчал Василий, неохотно поднимаясь со ступенек и догоняя своих товарищей уже у входа в гостиницу. — Чего беречь? Бессмертие и здоровье они нам гарантируют. Возможно, даже не помешало бы устроить голодовку! Хотя... — И Василий в бессилии махнул рукой.

Глава 14

После ужина все собрались в зале гостиницы.

— Подведем итоги наших изысканий, — сказал Левушкин, поудобнее устраиваясь в большом мягким кресле за круглым столом и посматривая с грустью на членов команды. — Есть планета со всеми удобствами. Точнее, даже не одна планета, а сотни тысяч — целая вселенная. Правда, вселенная без людей. Хотя, как ни странно на первый взгляд, место человека в этой вселенной еще никто не упразднил. Так сказать, существует ВАКАНСИЯ — ДОЛЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, МЕСТО ЧЕЛОВЕКА в системе здешнего мироздания. Вот эту-то вакансию нам и предлагают занять.

— Предлагают, — протянул Василий, — пожалуй, слишком мягко сказано.

— Не будем придиরаться к словам, — миролюбиво заметил Левушкин. — Скажем так: советуют, уговаривают, наконец, вынуждают.

— Последнее ближе к истине.

— Хорошо. Главное — не в этом. Местечко-то не-плохое, можно даже сказать, почетное. И условия вполне сносные: бессмертие, вечная молодость, всевозможные блага, удовлетворение всех мыслимых желаний, само собой, за исключением некоторых... Ну, что еще?

— Сохранение статуса личности! — ехидно вставил Огурцов.

— Вот именно! — невозмутимо продолжил Левушкин. — И это тоже. А какие перспективы творческого роста! О-го-го! Какие перспективы! — добавил он, устремляя взгляд вверх, к потолку, и закончил уже совсем трагически: — Выбора-то у нас нет. Я к чему все

это расписываю, может, найдутся добровольцы! Капитан выжидательно посмотрел на каждого из своих подчиненных. Все молчали.

Тишина становилась все тоскливее, все напряженнее, все гуще. Казалось, еще немного — и будет слышен стук сердец.

Левушкин вытер платком лоб и, откидываясь в кресле, почувствовал, что ему становится труднее дышать.

«Скорее бы все это кончилось, — думал он. — В какие только переплеты не приходится попадать в космосе. Интересно, о чем они думают?» Чем дольше затягивалось молчание, тем яснее становилось, что добровольцы не спешат.

— Ладно, — выдохнул наконец Левушкин, — начнем опрос по кругу. Геннадий?

Услышав имя штурмана, встрепенулась Ферни. Ее не было за столиком. Принцесса сидела в сторонке у окна и что-то вышивала, стараясь не стесняться своим присутствием собравшихся мужчин. Теперь же она подошла к столу и, сверкнув на Левушкина своими большими великолепными глазами, сказала:

— Он не захочет! Я уже успела изучить его вкусы. Он не сможет здесь! Он уже от одного королевства отказался! — чувствовалось, еще минута — и принцесса или разревется, или, скав кулачки, бросится в драку.

Левушкин женских слез терпеть не мог и поэтому поспешно заметил:

— Ну, раз уже от одного королевства отказался, тогда и говорить не о чем. Сядьте, пожалуйста, Ферни, на свое место. Никто не собирается разлучать вас с Геннадием и омрачать начало столь счастливой семейной жизни. Штурман, у вас не возникло желания поселить-

ся на Синксе вместе с Ферни? Ведь это, некоторым образом, почти ее родной мир.

— Капитан, если надо, конечно... — пожал плечами Геннадий, — Хотя, признаюсь, все эти кибернетические излишества не совсем в моем вкусе. Мне ближе наше, земное, человеческое...

— Например, философия Финдельфебеля, — тихо добавил Василий, улыбаясь.

— Да. Несомненно, и многое другое, — грустно подтвердил Геннадий.

— Ладно. А вы, Роман, не испытываете потребности остаться в здешнем кибернетическом раю?

— Потребности, капитан, пока, к сожалению, не испытываю, но, если для общего дела... Если нет никакого другого выхода, тогда, конечно... Ради коллективного благополучия, так сказать, готов пожертвовать своим земным существованием... — Роман помолчал, подыскивая слова: — В самом деле, — сказал он, — сколько планет я искалесил. Всякого насмотрелся. Опыт есть. Годы поджимают уже. А здесь все же вечная молодость, бессмертие... Всемогущество... Как-нибудь справлюсь...

— Погоди, погоди! — остановил планетолога Левушкин. — Прежде чем кто-то из нас решит остаться на этой планете, мне бы хотелось обрисовать проблему конкретнее. Так будет честнее, думаю. Проблема ведь не в том, чтобы остаться. На такое каждый из нас, полагаю, ради товарищей готов пойти. Это не так страшно. А вот сможете ли вы порвать все связи с человечеством Земли и при этом, как выразился Василий, сохранить статус личности. Вспомните, ведь у нас на Земле, на других планетах, есть дети, есть родители, полно друзей, родни, учеников. Нет никакой уверенности, что

оставшийся на Синксе когда-либо их вновь встретит. Будем откровенны, что такое бессмертие без человечества? Вдали от него? Человек умирает для своих близких, они умирают для него. Да, возможно, в тайниках памяти долгие годы, столетия, будут роиться воспоминания, образы. Допускаю, что их, эти воспоминания, любимые образы, можно на Синксе мвтериализовать, воссоздать. Будет иллюзия благополучия, будет искусственный игрушечный мир, но не будет удивления. Не будет живых, независимых людей и не будет у вас никогда покоя и удовлетворенности своим существованием. А что такое величие вне общества? Та же фикция. Могущество! Перед кем вы его будете демонстрировать? Перед роботами? А они ничего не чувствуют, им все безразлично. Их ни величием, ни бессилием нашим не проймешь. Василий уже попробовал применять силу, показал себя во всей красе. Вспомните-ка, что из этого вышло. Техника — игрушка в руках человека. Но случается, так уже было в отдаленную эпоху на Синксе, что человек становился игрушкой в стальных руках техники. Сейчас на планете нужен человек, который бы не допустил повторения такого конфузца. Человек, который бы не только сумел подчинить себе всю мощь синкской цивилизации, но и при этом всегда оставался человеком! Рекомендую, друзья, оценить свои способности под этим углом зрения.

Капитан с грустной улыбкой посмотрел на собравшихся за столиком. За окнами гостиницы все ярче разгорались огненные шары на башнях. Радужное сияние заливало зал.

— Задачка... — пробормотал Василий. — Нет, мне, пожалуй, не осилить. Я, естественно, если нужно —

останусь, приложу все силы. Но, говоря откровенно, боюсь, что я им всю галактику расковыряю.

— Вот! Вот! — улыбнулся Геннадий. — Благодаря таким нервозным личностям, как Василий, время от времени и происходит Большой Взрыв Вселенной. Нет, Огурцова к цивилизации Синкса и близко подпускать нельзя — все разнесет вдребезги. Лучше уж нас с Ферни оставить — будем первыми жителями планеты. Родоначальниками...

— Нет, братцы! — сказал Виталий, поднимаясь из-за стола. — Видно, кроме меня — некому. В конце концов, кибернетические системы, роботы — это по моей части.

В земной кибернетике разбираюсь худо-бедно, думаю, и в местной технике со временем разберусь. Да и удобства, комфорт я оценить умею. Как-нибудь выкрутимся. Не из таких переделок выбирались.

Левушкин медленно поднялся и подошел к Виталию. Их взгляды встретились.

— Пожалуй, — сказал капитан, пожимая Виталию руку. — На твое согласие я и надеялся. Уверен, ты нас не подведешь.

— Не знаю, капитан, не знаю. Правда, у меня несколько интересных мыслишек возникло, — сказал Виталий. — Возможно, что-нибудь стоящее из всех моих затей и получится. Я не прощаюсь, ребята, надеюсь, еще встретимся.

Виталий повернулся и вышел из зала.

И никто его не окликнул, не остановил. Все случилось слишком быстро. Наверное, у каждого из команды было что ему сказать, но никто не решился, не отважился. Чувство вины перед остающимся на Синксе

товарищем, очевидно, сковало всех, заставило промолчать... Да, может, и не нужны уже были слова?

И только Ферни подошла к капитану и со свойственной принцессам непринужденностью, заглядывая через его плечо в призрачное сияние окна гостиницы, спросила:

— Куда он уходит?

Левушкин с грустью взглянул на Ферни:

— Наверное, в храм, к подножию лестницы.

— Скажите, капитан, — спросила принцесса, — а как бы вы стали действовать, если бы Виталий не согласился остаться?

— Он бы согласился, — покачал головой Левушкин. — Я немного знаю своих парней. Согласился бы, ведь больше некому. Ну, а если бы отказался, я бы, возможно, сам пошел, но у него, конечно, выйдет лучше, Должно выйти!

— И все-таки это наше поражение! — сердито сказал Василий, гулко стукнув кулаком по столу.

— Возможно, — с легкостью и каким-то тоскливым безразличием согласился капитан, продолжая смотреть в окно вслед уже затерявшейся среди улиц фигурке Виталия, — но ведь без поражений и побед не бывает.

И почему, собственно, поражение?

Левушкин замолчал, отвернулся от окна и оглядел собравшихся.

Никто из команды не пошевелился.

— Разве у нас был другой выход! Остаться всем и крушить все, что можно? Уничтожить в себе все человеческое, но не свернуть камня, не пробить стальных стен? Почему он остался, а мы вот улетаем? Наверное, в этом есть смысл. Кто-то должен был остаться хотя бы потому, что в этом мире есть еще юные принцессы,

есть красавицы, которых надо спасать от драконов. И есть еще драконы, и не только сказочные, с которыми надо уметь драться. Существуют еще остатки великой цивилизации, сохранившие в себе кое-что человеческое, истинно великое. И этому человеческому надо помочь взойти, пробиться к солнцу, свету сквозь все эти кибернетические и технические заросли, И в этом наш человеческий долг...

А мы полетим к Земле, в свою галактику, в свой мир. Потому что кому-то надо лететь, ведь трудностей, работы, драконов еще, к сожалению или к счастью, хватает и там...

В любом уголке вселенной, в любом райском межстечке, люди остаются людьми. Место человека... Вакансий не будет!

Глава 15

Две недели спустя звездолет «Стремительный» вынырнул из гиперпространства неподалеку от Солнечной системы.

Двигатели корабля работали в обычном режиме. Как всегда в часы вечернего отдыха, все члены экипажа, за исключением вахтенного, собрались в кают-компании. Корабельные роботы разносили на подносах бокалы с горячим чаем. На столике в больших вазах возвышались груды пирожных и пирожков.

Левушкин с Романом играли в шахматы, Геннадий, чертыхаясь, доламывал корабельный ретранслятор:

— Ума не приложу, капитан, почему эта штуковина отказывается работать, — ворчал он, выковыривая из

прибора внутренности. — Нет, электроника, кибернетика, увы, не моя стихия.

Левушкин сделал ход пешкой, поднял глаза от шахматной доски и посмотрел на пустующее кресло Виталия, на дымящийся бокал с чаем на столе (работы по старой программе накрывали стол на всех как присутствующих в кают-компании, так и отсутствующих членов экипажа) и сказал:

— Тяжело нам без Виталия будет. Жаль парня.

И все в кают-компании ощутили бесконечную пустоту вокруг звездолета и вновь почувствовали неловкость друг перед другом, вину перед оставшимся на Синксе товарищем.

Геннадий отложил в сторону ретранслятор, посмотрел на часы:

— Пожалуй, мне пора на вахту, — сказал он. — Пойду, сменю Огурцова.

Ферни отбросила в сторону свои вышивания, собираясь последовать в рубку за штурманом. Она любила наблюдать, как он работает с экранами.

Роман поморщился.

— Ваш ход, капитан, — тихо сказал он Левушкину.

Левушкин вновь сосредоточенно уставился на шахматные фигуруки.

И в это долгое мгновение все услышали в коридоре, ведущем в кают-компанию, неторопливые, спокойные шаги.

Медленно растворилась дверь...

Ферни первая посмотрела на вошедшего:

— Виталий вернулся, — радостно, однако ничуть не удивляясь, воскликнула она.

Перед друзьями и в самом деле стоял Виталий, немного усталый, он выглядел даже чуточку постаревшим, но веселым.

Никто из членов команды не проронил ни звука.

Виталий с какой-то непонятной нежностью посмотрел на лица своих старых товарищей, улыбнулся капитану, затем прошел к столу. Посмотрел на бокал с чаем перед своим излюбленным креслом и со вздохом облегчения усился:

— Что может быть лучше, — сказал он, — чашки крепкого отличного чая в кругу друзей. Ба! Пирожки с капустой, мои любимые. Замечательно!

И все словно очнулись. Виталия стискивали в объятиях, похлопывали по плечу, расспрашивали.

Из рубки вскоре прибежал Василий Огурцов, которого сменил сам капитан.

* * *

В общем, когда через полчаса Виталий вырвался и заскочил к Левушкину в рубку, вид у него был весьма и весьма помятый.

— Пожалуй, — заметил Виталий, — из всех моих приключений эта встреча с друзьями была наиболее опасной.

— Как же тебе удалось? Ты, что же, прятался все это время в своей каюте?

Виталий улыбнулся:

— И тебе пришла эта мысль? Признаться, я тоже подумывал, не подсунуть ли кибернетическим системам Синкса вместо себя своего двойника-робота. В нашей корабельной мастерской такую копию изготовить не так уж сложно. Наивный обман, не так ли, но я не пошел на такой трюк. Нет, я никого не обманывал. Это у вас здесь на звездолете прошло две недели, а на Синксе почти десять лет пролетело, как ни крути, другая вселенная. И все эти долгие годы я честно пытался воз-

родить человеческую цивилизацию на Синксе. Увы, с этим ничего не вышло. Для людей на планете созданы слишком тепличные условия, чтобы люди могли в этих условиях оставаться людьми. Я и сам в последнее время почувствовал, что еще немного — и перестану быть человеком... Правда, кое-что все же удалось придумать. И вот я здесь.

— Как же тебе удалось вырваться?

— Это длинная история. Все эти годы я конфликтовал с тамошней кибербюрократией, со всеми этими суперперфектумами... Изучив их устройство и повадки, я убедился, что, хотя они и уверены, что служат человечеству Синкса, на самом деле даже присутствие одного меня в качестве представителя такового человечества на планете уже приводит их стройную кибербюрократическую систему в совереннейший хаос.

В конце концов, я нашел вполне, на мой взгляд, приемлемое решение проблемы. Поскольку живых людей синкской цивилизации отыскать мне не удалось, я предоставил права синкского гражданства материализованным литературным героям. По справедливости ведь они, а не бездушные роботы, были наследниками всей духовной культуры Синкса. Помните, капитан, путешествие Геннадия в литературные миры Синкса?

— Припоминаю... — пробормотал Левушкин. — Ты что же, выпустил всех этих сказочных и литературных персонажей из заповедников или, так сказать, резерваций на волю? Населил ими города планеты?

— Капитан, вы попали в самую точку! Я уверен, для дальнейшего развития синкской цивилизации такие граждане будут полезнее бездушных кукол и зашедших в тупик в своем развитии роботов. Ведь когда-то люди Синкса — создатели, творцы всех этих литературных и сказочных героев — вкладывали в них, как

говорится, свои мысли, чувства, свое отношение к миру, свои заблуждения, свои понятия о добре и зле, о глупости и мудрости, словом, в той или иной степени наделяли их чертами человеческих личностей, одухотворяли их. Пусть не всегда такое одухотворение было удачным, пусть было много глупостей, злых чувств, но было много и хорошего, доброго.

— Занятно, — улыбнулся Левушкин. — Однако ведь в сказочных и литературных мирах, по словам Геннадия, действуют самые разные герои, разных времен, разных народов, разного уровня развития цивилизации, разных верований и философий. Ты же, если я только правильно тебя понял, свалил всех в одну кучу. По-моему, на Синксе такая неразбериха должна начаться!

— Не совсем так! — возразил Виталий. — Сверхцивилизация Синкса контролировала сотни тысяч вполне благоустроенных планет своей галактики. Поэтому простор для расселения сказочных и литературных героев был. Конечно, совсем исключающие друг друга комбинации приходилось разрушать, разделять в пространстве. Например, разумных говорящих животных и растения из различных сказок лучше было поселить на какой-нибудь лесистой заповедной планете, а не запихивать их в кибернетические дебри сверхиндустриальных планет. Да и сказочных чудовищ, естественно, лучше все же держать на заповедных планетах, а что касается людей, то свобода передвижения в пределах синкской цивилизации им, как гражданам этой цивилизации, теперь гарантируется. И определенные проблемы при этом, конечно, будут появляться. И неразбериха будет! А это и хорошо! Теперь на Синксе проблем хватает! Безобразий, конечно, тоже хватает, но какая же настоящая жизнь обходится без безобразий? У тамош-

ней кибербюрократии уже предохранители перегорать начинают, электронные мозги вот-вот окончательно свихнутся, но жизнь бурлит! Я там у них работал чем-то вроде главного распорядителя. Вот выпросил вчера у новоявленных граждан Синкса разрешение попутешествовать среди миров... И вот я вновь с вами, мой капитан. Правда, я обещал через десять лет вернуться и проверить, как идут дела, так это еще когда будет, а пока я, можно сказать, на заслуженном отдыхе.

Левушкин закашлялся:

— Ты полагаешь, это был выход?

— А почему бы и нет?

Левушкин представил бездны пространства и времени, через которые с такой легкостью перескочил Виталий, и на мгновение ему стало очень неуютно в рубке.

— Ты, старик, неплохо выглядишь, — сказал он. — Значит, вакансия на Синксе уже занята?

Виталий улыбнулся:

— Там теперь бурлит сказочная жизнь. Цивилизация Синкса ныне уже не та. Впрочем, всё, что ни делается, всё — к лучшему, изменился не только Синкс, кое-какие метаморфозы произошли и со мною. Прекрасные превращения. Переделывая вселенную, всегда и прежде всего переделываешь и самого себя.

— Поясни!

— В системе сверхцивилизации место человека равносильно месту бога, что ли. Ну, а если поработаешь в такой должности хотя бы десяток лет, поневоле приобретешь кое-какие способности. Пример? — Виталий посмотрел на главный обзорный экран звездолета. — Ну, вот хоть взять эту звездочку, если я захочу, она погаснет, ее не станет.

Левушкин торопливо проследил за взглядом Виталия:

— Не советую тебе этого делать! — строго произнес он.

— Почему? — удивился Виталий.

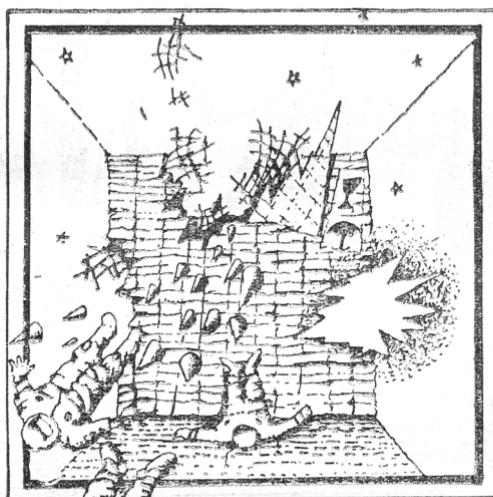
— Хотя бы потому, что мы к ней летим. Видишь ли, эта звезда называется Солнце. Вокруг нее вращаются небезызвестные тебе планеты, и мне, твоему старому капитану, не хотелось бы, чтобы члены вверенного мне экипажа причиняли обитателям этих планет лишние хлопоты.

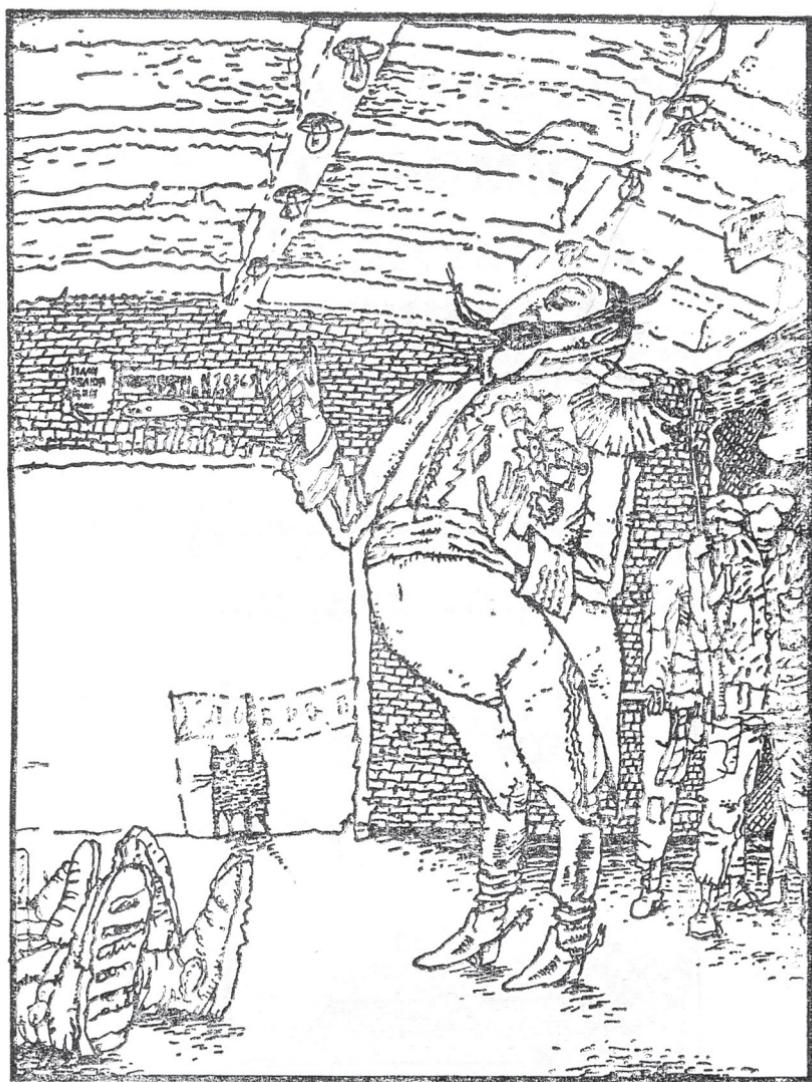
Виталий смутился, покраснел и, немного помолчав, ответил:

— Вы правы, капитан, со звездами, как и с людьми, нужно обращаться крайне бережно.

1984

ПУТЕШЕСТВИЕ ТИМОФЕЯ АВОСЬНИНА ЗА ПРЕДЕЛЫ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

— Господа! Примите мои нижайшие извинения! — радостно объявил генерал. — Произошло досадное недоразумение. Вас задержали по ошибке. Мы тут, понимаете ли, в состоянии войны с некоторой близлежащей частью вселенной находимся. Ну, то да се! До вас тут несколько экипажей расстреляли тоже, знаете, по ошибке, бывает. Словом, вас приняли за других...

ПУТЕШЕСТВИЕ ТИМОФЕЯ АВОСЬКИНА ЗА ПРЕДЕЛЫ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Фантастическая повесть

Глава 1

В юности я несколько лет занимался изучением памятников письменности древнейших цивилизаций малонаселенных планет окраинных областей нашей галактики. В частности, темой своей будущей диссертации я выбрал исследование кризисных ситуаций в произведениях литературы и искусства народа липофигов. Тема благодатная, новая, еще никем не разработанная до меня. Мои друзья из Института Инопланетных Культур полагали, что с темой мне просто повезло. Посудите сами, уже само существование в доисторические времена испокон веков цивилизации липофигов в научном мире вызывало вполне обоснованные сомнения и возражения. Если же говорить о памятниках письменности и искусства этого почти мифического народа, то, кроме десятка иероглифов и нескольких наскальных изображений обнаженных красавиц, до наших дней ничего не сохранилось. Увы, и эти немногие знаки и изображения, в подлинности коих, казалось, не может быть никаких сомнений, некоторыми скептиками от науки отрицались и объявлялись подделкой и мистификацией недалеких шутников-звездолетчиков. В подтверждение своих доводов скептики вспоминали нашумевшую в свое время историю Эдмона Фрикши, неудачника-живописца и археолога, который забрался

на машине времени в неолит, разрисовал там стены нескольких пещер изображениями охотников и оленей, а затем, уже вернувшись в наше время, прославился как открыватель бессмертных шедевров наскальной живописи. Впрочем, сомнения скептиков тревожили меня мало. Около трех лет я с воодушевлением накапливал материал и изучал литературу по интересующему меня вопросу.

Литературы, правда, попадалось маловато, в архиве библиотеки нашего института я нашел только одно упоминание о липофигах. Из этого упоминания ясно было, что когда-то и где-то — время и место не были точно установлены — такая цивилизация вроде бы все же существовала, а что с ней потом стало, куда она подевалась и была ли у нее письменность, об этом никаких сведений не поступало. Правда, уже появилось на свет несколько десятков диссертаций по истории цивилизации липофигов и влиянию достижений науки и техники этой цивилизации на другие народы и цивилизации близлежащих областей галактики, но все эти диссертации основывались на том единственном упоминании о липофигах и на ссылках авторов диссертаций друг на друга. Естественно, серьезному исследователю, каким я считал себя в то время, что-либо извлечь из всего этого было трудно. Однако вся литература была мною добросовестно проработана.

И вот, хотя приходилось трудиться в таких кошмарных условиях, к концу третьего года работы над темой моя собственная диссертация была уже почти готова.

Все шло очень гладко, как вдруг вызывает меня к себе наш директор и говорит:

— Тимофея, поздравляю! Рад за тебя, старик, искренне рад!

— А в чем, собственно, дело, Виктор Николаевич?
— недоумеваю я. — Что случилось? Ученый совет утвердило мою диссертацию?

— Ерунда! — говорит директор. — На диссертацию плюнь, новую придется писать!

— Как новую?

— Да! Тебе необычайно повезло, — говорит директор, — получены свежие, самые последние материалы по цивилизации липофигов. Записывай: А-тринацать — С-сто сорок семь. Это где-то на другом краю нашей родной галактики. Ходят туда только грузовые звездолеты. Планета не то третья, не то четвертая от звезды. Детали уточнишь на месте. На планете этой нашли какие-то древние рукописи, храмы, множество наскальных изображений. Предположительно, следы цивилизации липофигов. Смекаешь? Просят прислать от нас специалиста по липофигам. Понял, как тебе повезло? На весь институт ты единственный специалист по этой цивилизации, тебе и карты в руки. Слетай, посмотри, поработай с материалом, глядишь, готовую диссертацию привезешь! Чего молчишь?

— Не знаю, — говорю, — справлюсь ли? Космическое путешествие, трудности пути... Я ведь с Земли дальше Альфы Центавра и носу не высывал. А в институте полно молодых, горячих, рвущихся, подающих надежды, горящих жаждой открытий, а я, сами знаете, домосед... Вдруг не оправдаю...

Директор побагровел, нахохлился и со свойственным ему тиком отвечает:

— Молчать! Никаких отговорок! Это путешествие, думаю, пойдет тебе на пользу! Иди — заполняй документацию! Командировочное предписание я уже подписал!

При других обстоятельствах я бы, конечно, еще поспорил и, возможно, отвертеся от такой поездки, но здесь расстановка сил была явно не в мою пользу. Как ни крутите — единственный специалист по липофигам — это к чему-то обязывает. М-да...

Глава 2

Надо заметить, что особой страсти к путешествиям в иные миры в те годы я за собой не замечал. Одно дело: съездить куда-нибудь в Крым, на Кавказ, подставить брюхо лучам восходящего солнца, людей посмотреть и себя показать, и совсем другое: когда тебя, измученного долгой дорогой, пережившего десяток метеоритных бурь, насквозь пропитанного межзвездной пылью, высаживают на какой-нибудь планете с бешеной атмосферой, температурными перепадами в сотню градусов (за сутки) и миллиардами невоспитанных обитателей, которые все — как один — мечтают заполучить вас к обеденному столу своему совсем не в качестве собеседника.

Сами понимаете, такая перспектива меня очень мало радowała и все дни перед отлетом я ходил по знакомым и родственникам, дарил им на вечную память свои фотографии в траурных рамках, редактировал завещание и заказывал венки. Уже за неделю до отлета я стал своим человеком в городском похоронном бюро и успел забронировать четыре места на кладбище, на тот случай, если мой прах вернется на Землю по частям. С гордостью могу отметить, что в то время к загробному существованию я был экипирован не хуже фараона Рамзеса Второго, а по некоторым показателям так даже и лучше.

Сослуживцы глядели с сочувствием. Они говорили, что на мне лица нет и что еще немного — и мне удастся умереть своей смертью на Земле и таким образом избежать мучений и ужасов на других планетах.

В космопорте я выяснил, что полеты в нужную мне часть галактики крайне редки. Никаких регулярных рейсов к А-13 — С-147 не существовало. Раз или два в три года туда залетали "грузовики". Они завозили почту, продукты, оборудование, а обратным рейсом везли местных бронтозавров для космических зоопарков Земли и других цивилизованных планет. Пассажиров, как правило, брали редко и неохотно. Правда, в конце концов, для меня нашли подходящий корабль.

Капитан, загорелый, широкоплечий, коренастый детина, оказался старым космическим волком со стальными клыками, железной волей и, как ни странно, вполне добродушной улыбкой и хитрым прищуром спокойных карих глаз. Дремучие заросли, покрывавшие обширные пространства его физиономии, очевидно, никогда не подвергались расчистке бритвой. О существовании парикмахерских бравый капитан, естественно, не догадывался. В первые минуты нашего знакомства я был совершенно потрясен его видом и долгое время пытался сообразить, где у него кончается шевелюра, а где начинается борода, уже потом понял, что все это у капитана единое и неделимое целое.

Звали капитана Прохор Булкин. Когда нас представили друг другу, он медленно осмотрел меня сначала одним глазом, левым, затем подключил к осмотру свой правый глаз и, составив определенное мнение о моей персоне (очевидно, мнение это было не очень лестным для меня), сказал:

— Угу! — это, видимо, означало, что со мной все более-менее ясно.

В душе я содрогнулся, но промолчал.

— Что ж, — ответил капитан представителям нашего института на их немые вопросы о моей дальнейшей участии. — До планеты мы его довезем, если, конечно, организм пассажира, — тут капитан бросил выразительный взгляд в мою сторону, — выдержит все тяготы пути. Сами-то мы полетим еще дальше и обратно на Землю забрать вашего друга сможем только месяцев через пять — десять... — Как-то очень уж неопределенно протянул капитан, словно прикидывая, стоит ли заворачивать к А-13 — С-147 на обратном пути за мной и не будет ли это пустой тратой времени и горючего. — Впрочем, — добавил капитан Прохор после некоторого раздумья, — будем надеяться, что с вами, товарищ Авоськин, за эти месяцы ничего серьезного не случится. Филька! Покажи нашему пассажиру его каюту!

На зов капитана из недр звездолета вылез маленький, шустрой робот, довольно древняя модель, если судить по облупленной краске на боках и по многочисленным вмятинам и заплатам на корпусе, от заводской полировки которого, увы, давно не осталось и следов. Робот козырнул капитану, подхватил мои чемоданы и бодро заковылял по коридору куда-то в носовую часть звездолета. Я поспешил за ним.

После осмотра каюты, напоминавшей отделение музея археологии (то самое, над которым висит табличка: "Здесь жили наши далекие предки в Доледниковый период"), я отправился побродить и последний раз по своей родной планете.

Отпуская меня на прогулку, Прохор Булкин сообщил, что вылетаем завтра в семь и что если мне вздумается опоздать хоть на минуту, то я буду добираться

до своей планеты пешком. Учитывая общее состояние моего здоровья и то, что до А-13 — С-147 около четырехсот парсеков, капитан полагал, что такая перспектива меня не совсем устроит. И я поспешил заверить капитана Прохора, что вернусь вовремя.

Глава 3

Корабль, на котором я начинал свои странствия, носил гордое имя "Звездный орел". Его надо было видеть! Теперь таких уже, к счастью, не строят. Гравитационные двигатели! Обшивка из необделения! Реликт! До сих пор не понимаю, почему эта штука летала, Любой служащий музея звездоплавания согласился быожертвовать своей правой рукой, лишь бы заполучить "Звездный орел" в качестве экспоната.

Но факт остается фактом — "Орел" ползал от звезды к звезде, от планеты к планете, ухитрялся перевозить грузы и даже пассажиров.

Когда до меня дошло, в каком саркофаге собираются везти мою особу, а дошла эта истина до меня на вторые сутки полета (первые сутки мне посчастливилось благополучно проспать в своей каюте), меня затрясло. Если на Земле еще могли возникать какие-то худосочные иллюзии по поводу итогов моей командировки, то теперь и остатки надежд были развеяны, точно хвост кометы.

— Да! — сказал я себе, — На Землю мне уже, видимо, не вернуться даже по частям.

И я отправил срочную депешу, в которой отменил свое старое решение относительно кладбища, и засел писать некролог.

Вообще говоря, существует широко распространенное заблуждение, будто бы сочинение некролога — священная обязанность ваших родных и близких. Я считаю, не стоит взваливать на друзей и убитых горем родственников такую ответственную задачу, тем более что трудно заранее сказать, насколько хорошо они с ней справятся. Думаю, лучше самого покойника никто о нем некролога не напишет. В этом пункте стоит быть предусмотрительным. Времени у меня было достаточно, и я мог позволить себе подобную роскошь. Помню, мое творение начиналось словами: "Он был скромным тружеником науки..." Далее я перечислял свои способности, таланты и моральные качества, среди которых: объективность, целеустремленность, принципиальность и т. п. на четырех страницах. Впоследствии, когда я читал некролог близкому кругу друзей, многие не могли удержаться от слез. Даже наш капитан Прохор Булкин, помню, пожал мне руку и сказал, что только из этого опуса узнал, какой я золотой человек и как меня будет недоставать им всем, если я вздумаю "сковырнуться".

Да что капитан, я сам, грешным делом, слезу пустил над этим автонекрологом, а с роботом Филькой плохо стало — две микросхемы перегорели, так-то вот! Было, время! Эх, молодость! Каких глупостей не наделаешь! Впрочем, я отвлекся, вернемся, так сказать, к магистральной линии сюжета.

Команда "Звездного орла" состояла из трех человек: самого капитана Прохора, механика-кибернетика Степана и штурмана Григория. Да, был еще Васька, лохматый нахальный кот серой масти, достаточно испорченный и развращенный, чтобы завоевать любовь капитана и команды. Кот и Филька были большие дру-

зья. Робот помогал Василию обтяпывать кое-какие грязные делишки. Например, я убежден, что это они утащили из моего чемодана два килограмма первосортной свежекопченой марсианской колбасы в первый же день моего появления на звездолете.

В первые дни знакомства я не оценил Фильку в должной мере. Свои обязанности он выполнял из рук вон плохо, за годы общения со всякой бродячей публикой характер у робота порядком испортился — Филимон выучился вратить, подхалимничать, ябедничать, играть в азартные игры и отравлять жизнь одиноким пассажирам. У капитана он числился в любимчиках — и ему многое сходило с рук. На звездолете, кроме Фильки, было еще сорок роботов новейших моделей, но ни один из этих роботов не обладал такой ярко выраженной индивидуальностью и по популярности с Филимоном сравняться не мог. Да, но я опять, кажется, углубился в частности.

К концу первой недели полета я уже почти свыкся со своим безвыходным положением. И у меня даже начали возникать какие-то нежные чувства к капитану, своего рода признательность за сохранность моей жизни — ведь "Звездный орел" продолжал существовать вопреки всем моим прогнозам.

Со Степой у меня быстро установились приятельские отношения. С виду ему было около тридцати лет. Трудолюбив. Исполнителен. Носит короткую прическу, на лице никаких следов растительности. Обычно одет в лыжные брюки, свитер, на ногах тапочки. "Орел" для него дом родной, и вел он себя, соответственно, по-домашнему.

В свободное от вахт и работы в мастерской время Степан любил стряпать, играть в шахматы и расска-

зывать старые космические анекдоты и разные таинственные истории, которые случались с ним или его знакомыми в отдаленных уголках нашей родной галактики.

Штурман Григорий — долговязый, мрачноватый детина лет сорока, в отличие от Степана, носил модную еще в средние века короткую козлину бородку, обычно одет был в форму космического флота Земли и застегнут на все пуговицы. Башмаки его всегда были начищены до зеркального блеска, рубашки отутюжены. На указательном пальце правой руки Григорий носил массивный перстень белого металла с крупным, сверкающим розовым камнем и надписью по ободку на неzemном языке. Словом, Григорий — весьма солидный, обстоятельный мужчина без вывертов и до предела серьезный. В свободное время он снисходительно слушал наши разговоры, сам больше молчал, любил покопаться в книгах, с упоением штудировал "Историю населенных планет" Томаса Штриптерметера, издание седьмое, дополненное и исправленное. В корабельной библиотеке были, кажется, все сто двадцать четыре тома, и Григорий, по-видимому, собирался осилить их полностью, со всеми комментариями, приложениями и дополнениями. Как говорится, задача достойная, но, если принять во внимание скоротечность нашей жизни, едва ли осуществимая.

Обедали и ужинали мы в кают-компании. И каждый раз после еды, удобно развалившись в кресле, Степан играл с капитаном в шахматы и с завидной горячностью подкармливив нас попутно своими историями. Обычно в это время за спиной его стоял Филька и подливал в бокал из большой бутылки какой-нибудь ароматный освежающий напиток. Капитан Прохор держал

на коленях кота Василия, почесывал у него за ухом, неторопливо передвигал фигуры на шахматной доске и слушал. Григорий задумчиво листал книгу, изредка поглядывал на шахматную позицию и что-то тихо бормотал себе под нос. Я скромно сидел в уголке и наблюдал:

Степан над позицией почти никогда не задумывался, играл легко, фигуры переставлял быстро, во время игры часто смеялся, подмигивал мне. А когда игра у него не шла и позиция была проигрышная, разводил руками, улыбался и говорил:

— Роковая случайность. Перст судьбы. Обстоятельства оказались сильнее нас.

Глава 4

Дни полета тянулись медленно и монотонно.

Я почти уверовал, что доберусь до А-13 — С-147 без приключений, когда начались неприятности.

Мы ужинали в кают-компании. Вдруг на экране над дверью вспыхнула устрашающая надпись: "Метеоритная опасность! Внимание! Команде занять рабочие места! Внимание!".

Взревели сирены. По коридорам звездолета забегали и засуетились роботы.

У меня похолодела спина и опустились руки в предчувствии чего-то ужасного.

"Все, — мысленно сказал я себе, — Тимофей, дела твой плохи..."

Капитан Прохор быстро поднялся из-за стола, одним огромным глотком допил стакан чая и, на ходу дожевывая бутерброд с синтетической марсианской колбасой, кивнул Григорию:

— Пошли! Степан, потом доиграем. Проверь аварийную систему и герметичность жилых отсеков. Тимофей, тебе лучше оставаться на месте. Главное, не волнуйся! В случае попадания метеорита в корабль, что делать, знаешь?

— Нет! — честно признался я.

— Странно, — сказал капитан Прохор, — в инструкциях все описано подробно. А инструктаж с тобой проводили! Впрочем, ладно. У Филимона проконсультируйся.

И они ушли, оставив меня в кают-компании одного.

Сирены все завывали. Аварийные надписи продолжали мигать.

Я бросился искать Филимона и нашел его в каюте капитана.

Филимон делал электромассаж коту Василию. Василий сладко жмурился, пофыркивал и, очевидно, пребывал в совершеннейшем блаженстве. На мигание экранов и завывание сирен ни робот, ни кот не реагировали.

— Филимон! — закричал я, подбегая к роботу. — Что нужно делать при попадании метеорита в звездолет? Скорее!

Филимон скосил на меня свои желтые электронные глаза и, не прерывая манипуляций над котом, медленно начал:

— Задание понял. Требуемая информация сосредоточена в Общем Космическом Уставе. Приложение два. Инструкция по противометеоритной безопасности. Страница двести одиннадцатая, строки пятнадцатая — двадцать четвертая...

При разгерметизации жилых помещений звездолета пассажирам необходимо быстро надеть скафандры,

подключить систему жизнеобеспечения. Проверить наличие запасов кислорода в баллонах и ждать спасателей. Главное, соблюдать спокойствие! Не сеять панику! В первую очередь эвакуируются женщины и дети. Мужчины помогают...

— Погоди, Филимон! Об этом я знаю. Скажи, где скафандрь?

— Уточните вопрос. Какие именно скафандрь вас интересуют?

— Что значит какие?

— Скафандрь разные бывают, — назидательно прогудел Филимон. — Есть рабочие скафандрь, есть антигравитационные, есть глубинные, для тяжелых планет, есть радиационно-устойчивые, есть противоплазменные скафандрь для сверхвысоких температур, есть...

— Хватит! Хватит! Я все понял! Меня, интересуют скафандрь спасательные, которые надевают пассажиры при разгерметизации корабля. Где они у нас хранятся? Живо докладывай!

— Скафандрь спасательные, — вновь монотонно забубнил Филимон, — согласно инструкции... хранятся в индивидуальных кабинках членов экипажа при каютах и, второй комплект, в подсобном помещении рядом с кают-компанией.

— В кают-компании! — вскричал я. — Что же ты сразу не сказал, изверг! — И я помчался в кают-компанию разыскивать скафандрь.

После десятиминутных раскопок в подсобных кладовках я нашел то, что мне было нужно. Найти нашел, а надеть не успел. Сигналы тревоги погасли, сирены перестали завывать, и в кают-компанию вернулся хмурый и раздраженный Григорий. Он косо посмотрел на мои старания натянуть на себя спасательный скафандр,

почему-то сдавленно хихикнул, устало плюхнулся в свое излюбленное кресло рядом с книжными секциями и взял в руки том энциклопедии.

— Не понимаю, — сказал я обиженно, — над чем здесь можно хихикать? Опасность! Человек пытается выполнить требования инструкции — залезть в скафандр, а вы, Григорий Маркелович, иронизируете... Не понимаю.

Григорий примирительно ухмыльнулся.

— Я не над тобой хихикаю, старина, а над этими самыми требованиями инструкции. Хотел бы я посмотреть на того умника, который их сочинял. Впрочем, опасность миновала. Кончай свои упражнения. Скафандр положи на место. Сейчас капитан со Степаном вернутся, не надо их смешить, им не до того.

Я вопросительно посмотрел на Григория, внутри у меня все похолодело.

— А как там в рубке? Как там эти, как их, метеориты?

С минуту Григорий рассматривал меня молча, точно впервые видел и удивлялся, откуда это выползло такое редкое и неизвестное науке существо, затем поморщился и сказал:

— Обошлось. Проскочили. Скафандр положи, тебе он не понадобится в любом случае. Мы в десяти парсеках от Солнечной системы, а если учесть, что запас кислорода и пищи к скафандрю прилагается недельный, то добраться в нем до Земли пешком тебе будет трудновато. Ясно?

— Конечно, ясно. Разве я возражаю? — сказал я. — Значит, обошлось? Это просто чудесно. А капитан где?

— Капитан в рубке управляет курсом. Автопилот вышел из строя.

— То есть как вышел? — вздрогнул я от ужаса.

— Обыкновенно, — пожал плечами Григорий. —

Микропробоина.

— А Степан что делает?

— Степан готовит роботов к аварийным работам, к выходу в открытое пространство. Кое-какой ремонт наружных механизмов требуется.

— Ремонт? — я зашатался. — Какой ремонт? Мы же в полете?

Григорий почему-то нахмурился и отвернулся, про-бормотав:

— Конечно, в полете, где же еще? До ближайшего космодрома лететь — о-го-го! Неполадки надо устра-нять на ходу, иначе...

Штурман выразительно причмокнул и углубился в изучение очередного тома Штриптерметера. В мою сторону он больше не глядел, и я с замиранием сердца спросил:

— А разрушения-то большие?

— Пустяки, — махнул рукой штурман. — Кроме ав-топилота, внутри почти все цело.

— А снаружи?

— Мелочи. Два противометеоритных экрана разо-рвало. Покорежило стабилизаторы планетарных двига-телей, кое-где обшивку порвало... Перерасход топли-ва... Выкрутимся. Свернем к ближайшей населенной планете и приведем все в норму.

— А со мной что будет? Я же лечу на А-тринадцать — С-сто сорок семь, меня ждут, у меня научные цели...

— Не говори глупостей! — фыркнул Григорий и углубился в чтение.

Мне стало совсем плохо. Тимофей, сказал я себе, твоя одиссея может плохо кончиться. Ты на краю про-пасти.

Через некоторое время в кают-компанию возвратились Степан и капитан Прохор.

Степан устало потирал руки и что-то вполголоса говорил капитану. Прохор слушал, одобрительно покачивал головой и почесывал бороду. Мне удалось расслушать из их разговора только два слова:

— Арис... Восьмая...

Григорий при появлении капитана отложил книгу и поднялся, собираясь на вахту.

— Читай! Читай! — басовито прокряхтел Булкин, усаживаясь за столик. — Мы со Степаном продолжим нашу игру.

— А как же? — штурман кивнул в сторону рубки. — Вы что? Уже автопилот отладили?

— Не трепыхайся, боцман, — бодро и, как мне показалось, весело сказал Степан. — Исправим в свое время, а пока Филимон ведет звездолет. Сам знаешь, у него навыки.

— Понятно, — скептически фыркнул Григорий. — С его навыками долго не протянем. Вы бы, капитан, еще коту Василию доверили управление...

Капитан Прохор добродушно улыбнулся.

— А что? Василий — кот сообразительный. Помнишь случай на Туке? Сколько людей тогда он спас? То-то! А за Филимона не волнуйся, четырехчасовую вахту старик выдержит. А мы за это время решим, что дальше делать.

— Что решать? Ремонт нужен, — пожал плечами Григорий.

— Какой разговор? Работы уже ковыряются снаружи. Сутки, другие — и что сможем — выправим, — сказал Степан. — А вот топливо... С ним туг...

— Что топливо? — заволновался Григорий. — Много пропало?

— Порядочно, — нахмурился капитан. — И самое печальное, что перерасход велик. Видимо, есть пробоины в зеркалах и экранах. А эти пробоины, сами знаете, в полете не устраниТЬ. Словом, придется менять курс. Надо искать планетку поближе. Какие будут соображения, Григорий?

— Какие соображения? Все ясно, — надо искать планету. — Штурман призадумался. — Район малоизученный. Цивилизованных планет раз, два... и больше нет. — Григорий вытащил из верхнего ящика стола метровых размеров звездный атлас и зашелестел страницами.

Мы все молчаливо ожидали результатов.

— Вот. Я же говорил, — обиженно поежился штурман. — Всего одна приемлемая планета, но и с ней не все просто.

— Какая планета? — оживился капитан.

— Арис. Восьмая. Эpsilon Верблюда.

Степан и Прохор переглянулись.

— Правильно, — согласился со штурманом Булкин.

— Другие еще хуже. Придется лететь на Арис.

У них хоть техника кое-какая имеется. Иди, Григорий, рассчитывай курс. Сколько нам понадобится?

Григорий решительно поднялся из кресла и направился к выходу, бросив через плечо:

— Дня за три на гиперпространственной тяге должны добраться. А вот что дальше будет?

— Разберемся, — успокоил штурмана Булкин. — Не из таких переделок выкручивались.

Штурман ушел в рубку. Капитан продолжил игру в шахматы. Минут десять они со Степаном лениво передвигали фигуры. Затем Булкин хлопнул себя по лбу и заторопился.

— Совсем из головы... Надо же готовиться к встрече с хозяевами планеты. Я пошел. Ты, Степан, объясни Тимофею ситуацию и правила поведения. Меня скоро не ждите.

И мы со Степаном остались в кают-компании одни. Я вопросительно посмотрел на кибернетика.

Степан смущенно развел руками:

— Тимофей, не переживай. Правила всего два. Первое — сохранять спокойствие при любых обстоятельствах. И второе — не делать глупостей, активно использовать свои мыслительные возможности.

— Степан жизнерадостно улыбнулся. — Все самое страшное позади. Кошмарный был случай. Два экрана в пыль! Главный отражатель на четыре части раскололся. Волноводы всмятку. Топлива в обрез. Но держимся! Теперь до Арис дотянем, и порядок.

— Гм! — неуверенно начал я. — Что это капитан говорил про эту планету? Мне показалось, он без особого энтузиазма к ней летит.

— Пустяки! Планета не из самых худших. Конечно, возможны некоторые трудности, издержки контакта... Разные там фибрилляции... — как-то очень неопределенно протянул Степан. — Впрочем, справимся. Да, тебе советую заглянуть в справочник. — Степан кивнул на оставленный Григорием на столике том Штриттерметера. — Там кое-что об Арис можно почерпнуть.

Я последовал совету кибернетика и взял со стола книгу, раскрытую на странице со статьей о планете Арис. И мне стало ясно, что штурман еще до возвращения капитана и кибернетика подумывал о возможности посадки на эту планету.

Об Арис в справочнике было ровно десять строчек. Дата открытия. Координаты. Состав атмосферы. Раз-

меры, масса, тип планеты. Климатические условия. Еще какие-то характеристики. И в конце сообщалось, что местная цивилизация малоконтактна и обладает ярко выраженной страховкопичностью. Последнего слова я не знал.

— Что такое страховкопичность? — спросил я Степана.

Степан фыркнул и улыбнулся.

— Вот когда прилетим — узнаешь, Лучше пошли ко мне в мастерскую. Поможешь разобрать автопилот.

Глава 5

Время за починкой приборов в мастерской шло быстро. Пока мы со Степой разбирали автопилот, заменяли и перепаивали поврежденные блоки памяти, выискивали перегоревшие узлы, незаметно пролетело трое суток и "Звездный орел" опустился на центральном космодроме планеты Арис.

Капитан Прохор сразу после посадки поспешил связаться с местными службами космофлота. И не успели еще остыть двигатели, как за Булкиным приехала черная бронированная машина, и капитан, прихватив большой коричневый портфель, туже набитый документацией, уехал в город утрясать с администрацией планеты все формальности, связанные с ремонтом звездолета и нашим посещением Арис.

Григорий после отъезда капитана сказал, что оформление всех документов — история крайне продолжительная и что нам тоже надо размяться.

— Это мысль! — поддержал штурмана Степан. —

Облачаемся в парадные доспехи и на прогулку. Надо же и нам подышать свежим воздухом.

Состав атмосферы и климатические условия планеты были близки к земным, и я очень удивился, заметив, что Степан и Григорий влезли в легкие защитные скафандрь, а к поясам прицепляют по два лучевых пистолета. Григорий же, помимо этого вооружения, перекинул через плечо еще и гравикарабин с электронным прицелом.

— Позвольте, но у нас же вроде бы намечается мирная экскурсия на планету с разумным населением, вполне цивилизованную планету, — выразил я свое недоумение. — К чему все эти предосторожности? Мы, надеюсь, не на крупного зверя собираемся охотиться?

— Всякое случается, — возразил Степан. — Если ты, Тимоша, надумал идти с нами, живо надевай скафандр и не отставать! И учти, на незнакомой планете лучше не зевать по сторонам.

Мне пришлось согласиться и последовать примеру моих товарищ. Вскоре все были готовы. И мы выбрались из корабля и бодро зашагали по окрестностям космопорта. Времени до возвращения капитана было достаточно.

На непривычного человека пейзажи планеты Арис производили, прямо скажу, странное впечатление. Сразу за территорией порта начинались различные постройки вперемежку с квадратами лесопарковой зоны. Архитектура строений была достаточно разнообразная и весьма запутанная. В одном квартале соседствовали вполне современные высотные здания в сто и двести этажей из стекла, бетона и пластика и приземистые циклопические сооружения из базальтовых и гранитных плит — не то древние храмы, не то заново отреставри-

рованные усыпальницы первых царей планеты. Готические соборы с острыми шпилями и средневековые замки, окруженные высокими кирпичными стенами с зубцами и бойницами, возвышались над очень милыми двухэтажными домиками с черепичными крышами, дымовыми трубами и маленькими, закругленными сверху оконцами. И здесь же, через дорогу, торчали полукилометровой высоты башни из стали и цветного, темно-зеленого стекла. А чуть в стороне виднелись купола каких-то восточных дворцов и башенки, очень напоминающие турецкие минареты.

В парковой же зоне чередовались почти свободные от растительности полупустынные участки с редкими сухими кустиками каких-то колючек и могучие массивы пятидесятиметровой высоты непроходимого дремучего леса. Попадались и участки степи, заросшей высокими, густыми травами, цветущими кустарниками и мясистыми фиолетовыми растениями, близкими по форме к гигантским кактусам Мексики.

Мы тесной группой медленно продвигались по широкой извилистой улице среди покосившихся домишек и вросших за долгие столетия в почву древних, частично разрушенных храмов, когда откуда-то из-за угла новенького рыцарского замка выскочило несколько человек. Двое жителей планеты, самого разбойниччьего вида — лохматых, небритых, в пыльных кожаных куртках и залатанных штанах, размахивая револьверами и ятаганами, устремились в ближайшие заросли кустарников. За ними следом погнались с криками, весьма напоминающими ругательства, трое усатых, элегантного вида молодцов в военных формах, вооруженные карабинами и автоматами. Между убегающими и их преследователями завязалась оживленная перестрелка.

После первых же выстрелов Григорий и Степан бросились на булыжную мостовую.

— Ложись, Тима! — крикнул Степан и, заметив, что я медлю и продолжаю с изумлением наблюдать за стреляющими, очень ловко сделал мне ногой подсечку.

Я от Степана не ожидал такой пакости и, конечно, сильно стукнулся плечом о камни мостовой. Мое возмущение действиями кибернетика уже готово было выплеснуться наружу, но в этот момент я заметил, как в метре над нами от стены ближайшего дома посыпалась штукатурка и брызнули осколки камня, а над моей головой противно свистнули пули. И я поспешил втянуть голову в плечи и прижался к булыжникам.

К счастью, погоня и перестрелка быстро переместились в заросли и стали затихать в направлении дремучего леса. И мы смогли встать и отряхнуться.

— Однако! Что все это означает? — спросил я нервно.

Степан виновато отряхнул пыль с моего скафандра.

— Извини, старина, пришлось повалить тебя. Очень уж ты медленно реагировал. Стреляют же, понимать надо — не маленький.

— Что это было? — спросил я. — Натурные съемки боевика? Ограбление банка?

— Кто его знает, — ответил Степан. — Думаю, обычная погоня со стрельбой. А мы случайно вклинились в сюжет и могли пострадать.

— Могли, — фыркнул я обиженно. — Я уже пострадал, чуть руку и плечо не сломал при падении.

— Не теряйте бдительность, мой друг, — назидательно произнес Григорий и вдруг, сорвав с плеча гравикарабин, стал угрожать кому-то кулаком.

Я поднял голову и зашатался.

В полукилометре над нами, точно какой-нибудь ястреб-тетеревятник, кружил в восходящих потоках воздуха, лениво помахивая огромными перепончатыми крыльями, золотистый дракон. Очевидно, мы уже несколько минут привлекали его внимание, и лишь угрызы Григория заставили дракона пока воздержаться от прямого нападения. Презрительно плонув в нашу сторону огнем и выпустив клубы черного дыма, чудовище сделало над нами прощальный круг и, несколько раз энергично взмахнув крыльями, удалилось за высокие зубчатые стены ближайшего замка.

— Вот нахал! — сказал я возмущенно. — Что же вы не стреляли, Гриша?

— Нельзя, — пояснил Григорий. — Их мало осталось, редкий вид — дракон огнедышащий, охраняется законом. А лицензии на отстрел у нас нет. Да и жалко было бы стрелять, красивое животное.

— Гм... И много здесь таких чудес? — полюбопытствовал я, начиная испытывать смутное беспокойство.

Бродить по планете, на которой вот так, запросто, точно воробы какиенибудь, порхают в голубом безоблачном небе весьма внушительных размеров сказочные ящеры, мне что-то расхотелось.

— Чудес, как и везде, хватает, — беспечно ответил Степан, — Фауна местная особенно богата древнейшими мифологическими видами... Куда?!

Окрест был адресован мне. Позади нас вдруг послышалось оглушительное тарахтение. Предчувствуя очередную неприятность, я метнулся в придорожные заросли, но был схвачен Григорием за руку и отброшен к замшелой гранитной стене замка, вдоль которой мы странствовали в этот момент. Мимо нас, примерно в метре от поверхности дороги, с реактивным ревом не-

слось, оставляя за собой длинный сизый шлейф гари и серого дыма, приземистое бочкообразное сооружение. Я было решил, что это просто какая-нибудь заурядная летающая тарелка с испорченным глушителем, но вскоре переменил мнение. Аппарат, поравнявшись с нами, резко затормозил и громыхнул об мостовую. Из распахнувшейся дверки высунулась красивая девица с косматыми, до пояса, огненно-рыжими волосами, в коричневой спортивной курточке и голубых брючках.

Мило улыбаясь, красавица устремила в нашу сторону горящий призывный взгляд больших темно-зеленых глаз и, помаргивая невероятной длины ресницами, чисто по-русски сказала:

— Мужики! Что же вы всю дорогу загородили? Если в город — одного могу подбросить. Ну, кто смелый?

Взгляд красавицы оценивающе прошелся по штурману и кибернетику и замер на мне.

Время остановилось. Я осталбенело созерцал возникшее видение. В голове стало непривычно пусто: все мысли отшибло вместе с памятью. И только один вопрос лениво трепыхался где-то в глубинах подсознания: откуда такое чудо и кто она? Наверное, актриса, решил я, или певица. Словом, нечто небесное. Если же все жительницы Арис обладают подобной внешностью и фигурой, то никуда дальше с этой планеты не полечу. Остаюсь! От такой женщины улететь невозможно. К черту А-13 — С-147 и все мои изыскания, — размышил я, зачарованно разглядывая рыжую красавицу.

Ноги мои сами собой пошли в направлении летательного аппарата.

Начавшую было образовываться гармонию сердец грубо разрушил Григорий. Штурман остановил меня, поспешно схватив своей железной рукой за плечо, и прошептал сквозь зубы:

— Куда ты лезешь, козлик?

Я, понятное дело, оскорбился. Вдруг предельно ясно я осознал, почему в старину из-за улыбки дамы кавалеры протыкали друг друга ржавыми шпагами и подсыпали стрихнин в золоченые кубки с бургундским вином своим лучшим друзьям и благодетелям. Каюсь, я готов был уже последовать примеру упомянутых кавалеров, взорваться и нагрубить Григорию, но все карты спутал Степан. Лучезарно улыбаясь, он приблизился к рыжей красавице, отвесив изысканный поклон, поцеловал ей руку и вежливо извинился:

— Мадам, — проворковал он, проникновенно заглядывая рыжей в глаза, — я и мои друзья всегда к вашим услугам. Поверьте, в любое время года и любое время суток каждый из нас почтет за счастье составить вам компанию. Но, увы, мадам, в данный момент нам, очевидно, не по пути. Мы не спешим в город, а всего лишь любуемся окрестностями космопорта. Увы, служба призывает нас на корабль. Злой рок. Перст судьбы. Обстоятельства, мадам, сильнее нас...

Чувствовалось, на Степу накатило вдохновение. Видимо, он бы еще долго выписывал замысловатые словесные пируэты и молол разную чушь, но красавица с такой скучкой в глазах посмотрела на него, что Степа умолк на полуслове.

— Так вы с Земли? — сказала она, на секунду задержав взгляд на эмблеме, украшавшей левый рукав Степиного комбинезона. — "Звездный орел"? Это тот побитый звездолет, что стоит на третьей площадке?

Степан утвердительно кивнул.

— Как интересно! — вздохнула красавица. — Моя бабушка тоже была родом с Земли. Что ж, счастливо оставаться, служивые. Надеюсь, это не последняя наша

встреча. Кстати, — девица извлекла из кармашка куртки серебристую визитную карточку и протянула Степану. — Попадете в город — заглядывайте. Буду рада поболтать. Желаю удачи! — И с некоторым сожалением взглянув в мою сторону, рыжая красотка подавила тяжелый вздох и запрыгнула в кабину.

Дверца с треском захлопнулась и через мгновение, окутав нас клубами едкого дыма, аппарат взмыл над мостовой и затерялся вдали.

— Фу! — закашлялся Григорий. — Дышать нечем. Надо было намекнуть этой расфуфыренной гурии, чтобы новый фильтр на свою телегу поставила и глушитель сменила.

Я подошел к печально смотревшему вслед красавице Степану и молча взял из его руки визитную карточку незнакомки. На карточке красивыми золотыми буквами на трех языках (русском, английском и межпланетном трансинге) было выведено:

Терзалия Крис
Фея
Планета Арис
Город Золотых холмов
Улица Голубой розы
Старая мельница
Стучать три раза

Ни номера телефона, ни номера переговорного браслета почему-то указано не было.

— Что такое "фея"? — спросил я подошедшего Григория. — Первый раз встречаю такую профессию...

Штурман, ничуть не смущенный вопросом, повертел в руках визитную карточку, вернул ее мне и безапелляционно заявил:

— Ведьма по-нашему будет! — и, почесав задумчиво бороду, с восхищением добавил: — Красивая ведьма! Терзалия! Придумают же имечко.

— Однако, пожалуй, нам пора и на корабль, — сказал выведенный из состояния задумчивости последними возгласами штурмана Степан. — Погуляли — и хватит. До возвращения капитана из города надо быть на местах. О Терзалии потом вздыхать будете. А пока к ремонту готовиться надо. Работы, сами знаете, по уши. Пошли! — И Степан, решительно опустив защитное стекло шлема, чтобы встречный ветер и пыль не били в глаза, зашагал к космодрому. На местные красоты и достопримечательности он уже внимания не обращал.

Мы с Григорием переглянулись и поспешили за ним. На звездолет вернулись в тягостном молчании.

Глава 6

К вечеру приехал из города Прохор Булкин. Вид у капитана был хотя и утомленный, но достаточно бодрый, из чего я заключил, что изнурительная процедура переговоров с администрацией планеты и оформления бумаг позади.

— Заметано! — сказал Прохор с тяжелым вздохом, бросив портфель подоспевшему Филимону. — Завтра с утра привезут технику, приборы, материалы, оборудование, и начинаем ремонт. Сегодня всем отдыхать. Я пошел спать. — И капитан направился к себе в каюту.

Григорий потеребил свою бородку и покачал головой:

— Похоже, доконала старика вся эта дипломатия. Пожалуй, я тоже пойду на боковую.

И штурман выжидательно посмотрел на нас со Степаном.

— А мы с Тимофеем в шахматишки поиграем. Ты не против? — обратился ко мне Степан.

В шахматы, как, впрочем, и во все другие игры, я играл плохо и хотел уже вежливо отказаться, сославшись на усталость, переживания и обилие впечатлений первого дня на незнакомой планете, но я вспомнил странное поведение моих друзей во время прогулки по Арис, вспомнил Терзалию Крис и согласился.

Во время игры, решил я, у меня будет возможность выяснить кое-что у Степы. Кибернетик о планете Арис и ее обитателях должен знать многое или, по крайней мере, о многом догадываться.

И мы пошли в кают-компанию и сели играть. После первых же ходов, очевидно, привлеченный стуком фигур о доску, вылез откуда-то кот Василий и с тоскливым мяуканьем стал крутиться под столиком и тереться головой о наши ноги. Вслед за Василием появился робот Филька и начал греметь посудой на кухне. Степан, раздраженный посторонними звуками, скосил на робота глаза и сказал:

— Филя, не ломай инвентарь и накорми кота, он явно просит дополнительную порцию печенки. Кстати, и нам принеси пожевать чего-нибудь и открой пару бутылочек вишневого сока. Ваш ход, Тима.

Пока робот накрывал на стол, расставлял тарелки с пирожками и открывал бутылки, я выждал удачный момент и спросил у Степана, что означает их с Григорием поведение во время прогулки по Арис.

— Я столкнулся на этой планете со многими непонятными вещами, — сказал я, — и мне хотелось бы разобраться, что к чему.

— Что тебя, собственно, интересует? — спросил Степан, передвигая фигуру. — На любой планете загадок предостаточно, Арис — не исключение.

— Меня интересует многое, — сказал я. — Во-первых, почему капитан с такой неохотой повернулся к этой планете? Во-вторых, сама планета. Откуда здесь эти драконы, вся эта архитектурная окрошка? Что собой представляют жители планеты? Наконец, почему ты помешал моему знакомству с той девушкой? Я ведь понял все твои маневры.

— Хм! Дотошный ты мужик, Тимофей. Пожалуй, давно надо было посвятить тебя в некоторые подробности жизни этой планеты.

— Что же вас останавливало?

— Останавливало, скажем так, твоя робость. Капитан опасался, что тебе, человеку сугубо земному, какие-то знания могут внушить паническое настроение. Сам понимаешь, паникер на борту — ситуация не из самых приятных. — Степан сочувственно посмотрел на меня. — Улавливаешь?

Мне стало стыдно. Я вспомнил все свои страхи первых дней полета, сочинение некролога... Трус! Жалкий трус! Вот кто ты, мысленно сказал я себе. Робость, слишком деликатно Степан привык излагать свои мысли. Трусость — вот как это называется. Они считают меня трусом...

— Улавливаю, — тихо прошептал я, чувствуя, что краснею. — Продолжай, я слушаю.

— Хорошо, — кивнул Степан. — Планета Арис, как ты уже догадался, довольно странная планета. И жили ее в некотором роде не совсем обычны. Дело в том, что почти все, что мы наблюдали на планете за оградой космопорта, придуманное... — Выдергав паузу,

Степан посмотрел на меня и, не обнаружив заметной реакции на свои слова, продолжил: — Сразу, конечно, трудно понять, но все эти архитектурные выкрутасы, все растения, животные, все жизненные ситуации, свидетелями которых мы были, все это результат творческих усилий жителей Арис. Да и сами жители планеты, если так можно выражаться, тоже результат своих собственных творческих усилий.

Я многозначительно крякнул. Пока в рассуждениях Степана все было понятно: "мы переделываем природу, а природа переделывает нас", "каждый человек сам творец своей судьбы" и так далее.

— Нет, Тимофей, ты, кажется, меня все еще не понимаешь. Параллели с жизнью людей на Земле здесь не годятся, это совсем другой мир... Похожий, но другой...

— Я в этом и не сомневаюсь! — убежденно ответил я. — Конечно, другой!

Как мне показалось, Степа посмотрел на меня с жалостью.

— Видишь ли, — тихо продолжил он, — и сама планета Арис, и вся звездная система Эpsilon Верблюда — это гигантский творческий полигон.

— Не понял, — сказал я. — Что она собой представляет? Какой полигон?

Степан терпеливо пояснил:

— Театр! Можешь себе представить огромный театр размером с Солнечную систему, в котором ставятся и разыгрываются одновременно миллиарды пьес — драмы, водевили, инсценировки, комедии? Так вот, мы очутились в таком театре. Каждый житель планеты Арис и каждый путешественник, попадающий в эти края, является одновременно и актером, и режиссером,

и автором романа, который он вольно или невольно создает и в котором участвует в качестве одного из героев.

— Не совсем понимаю, — признался я. — Сравнение жизни с игрой старо и почти ни о чем не говорит.

— Гм! — вздохнул Степан. — Ладно, начну объяснять с другого конца. Ходят легенды, что когда-то в глубокой древности на Арис жили обычные люди, пожалуй, очень впечатлительные, увлекающиеся, боготворившие искусство, но вполне нормальные, с нашей точки зрения. И вот это увлечение жителей Арис искусством со временем прогрессировало, разрасталось. Говорят, в истории планеты бывали периоды, когда повальное увлечение живописью, пением, поэзией, театром охватывало целые народы, страны. Случалось, из-за той или иной трактовки музыкального произведения возникали международные конфликты, доходило до кровопролития и даже начинались войны. Существуют различные гипотезы относительно того, почему искусство оказывает на жителей Арис такое сильное воздействие. Разбирать их подробно не буду. Сам я сторонник той мысли, что все дело в физиологии и психологии жителей планеты. Искусство, творчество — сильнейший, скажем так, наркотик для них. Так уж они устроены, что прекрасное и возвышенное не может оставлять их равнодушными. Я не преувеличу, если скажу, что среди жителей Арис во все времена трудно было найти человека, который бы с раннего детства не мечтал стать художником, писателем, поэтом, музыкантом, словом, представителем какого-либо вида искусства... — Степа на мгновение умолк, перевел дыхание.

Я уже хотел было полюбопытствовать, на чем же держится экономика Арис, если все занимаются искус-

ством, но Степан не дал мне возможности вклиниваться в его монолог.

— Ты, конечно, догадываешься, — сказал он, — что всем жителям планеты, как бы они того ни желали, заниматься только искусством было бы затруднительно и даже невозможно. Кому-то надо трудиться в поле и на заводах, строить жилища и развивать технику и промышленность. Кстати, и способности к творчеству не у всех жителей планеты были развиты в должной мере, и в этом, на мой взгляд, как раз и состояло величайшее противоречие общества Арис, величайшая трагедия многих и многих его индивидуумов.

Разрыв между желаниями и возможностями. Разрешение этого вечного противоречия и двигало прогресс на планете. На Арис почти все виды человеческой деятельности — и наука, и техника, и сельское хозяйство развивались, отталкиваясь от этого противоречия. Почему это происходило? Почему искусство на Арис стало таким двигателем прогресса? Видимо, причина в местных условиях. На Арис почти повсеместно очень благоприятные климатические условия, оптимальные для человека. Жителям планеты не приходилось, как, например, землянам, покорять природу, борясь с голодом, холодом, засухой, наводнениями. Поэтому, очевидно, все технические достижения жителей Арис шли от искусства, опирались на искусство и совершенствовали его. К чему это привело? Возникла очень интересная, даже экзотическая, форма общества, цивилизации, у которой техника искусства, образное мышление развились настолько, что само искусство превратилось уже в некое чародейство, всемогущую силу, для которой нет ничего невозможного. Жители Арис научились силой своего воображения не только придумывать ге-

роев, ситуации, пейзажи, различные предметы, но и могут делать этих героев и придуманный мир реальными. Они научились вписывать свои фантазии в действительность планеты, научились материализации, овеществлению образов. Одной силой мысли, игрой воображения некоторые мастера из местных способны создавать и передвигать горы, влиять на ход времени, на законы мироздания.

— Это же замечательно! — воскликнул я. — Обладать такой божественной силой! Искусство будущего! Как они, должно быть, счастливы! Нам бы на Земле такое умение!

— Э! — улыбнулся Степан. — Не все так розово и сладко, как ты себе вообразил. Загвоздка, как я уже упоминал, в том, что не все жители Арис одинаково талантливы. Да, среди них есть гении, но встречаются и бездарности, создающие такую убогую, халтурную придуманную, или, как они ее сами называют, вторичную реальность, что у постороннего человека, попавшего в эту реальность, волосы становятся дыбом. Кстати, таких халтурщиков, реаманов на Арис достаточно. Больше того, обладая техникой реализации, многие из них имеют весьма примитивное воображение и предпочитают пользоваться готовыми схемами и рецептами, грубо творя, плагиатом занимаются. Ты, наверное, заметил по архитектуре некоторых зданий, по всем этим замкам, минаретам, гангстерам, что многое на Арис взято из литературы землян. Да, было время, когда наши звездолеты поставляли для жителей Арис в огромном количестве исторические и приключенческие романы, фантастические повести, детективы. Мы тогда еще не подозревали, с кем имеем дело, и просто привозили требуемую информацию. А когда спохвати-

лись, было поздно. Здесь на планете и в ее окрестностях столько развелось всякой нечисти: и бандиты, и контрабандисты, и пираты, и политики, и маньяки, и ведьмы, и лешие, и вампиры, и привидения, и всевозможные исторические и доисторические персонажи, и мифические животные. Конечно, появилось и много прекрасного, чудесного, ведь на Земле во все века хороших художников и писателей хватало. И вот добро и зло схлестнулись в поединке на Арис, так что чертям стало жарко. Что говорить, только чрезвычайные обстоятельства заставили капитана повернуть звездолет сюда. Другого выхода не было. Конечно, мы знали, на что идем. А вот удастся ли выбраться отсюда — этого еще никто из нас не знает.

— Если все это так, — сказал я, — то трудно понять, почему сами жители Арис не взяли под контроль свое искусство, если это такая страшная, чудовищная сила. Почему халтурщикам не запретили заниматься реализацией? Ведь есть же здесь какие-то органы управления?

— Попытки контроля, конечно, были, но не все так просто, как ты, Тимоша, представляешь. Не так-то легко, знаешь ли, отличить настоящего художника от поделочника, вещь от фальшивки. Техника-то и у того и у другого на высоте. И потом, неудачи бывают и у мастеров, а шедевры иногда рождаются и у дилетантов. И потом возникает вечный вопрос: "А судьи кто?" Проблем здесь хватает. Вспомнить хотя бы знаменитый спор жителей планеты о том, каким должно быть искусство. Я уже давно интересуюсь историей Арис и мог бы расписать в деталях все тридцать восемь все-планетных диспутов на эту тему, но это займет много времени. Расскажу о сути спора. Случилось это пять

или шесть веков назад. Почти все жители Арис вдруг занялись теоретизированием искусств и разделились на два лагеря. Одни утверждали, что искусство должно повторять природу, жизнь, подражать им. Сторонники же другого направления заявляли, что как раз жизнь должна повторять искусство, а не наоборот. Ибо говорили они: "Повторение действительности в искусстве — есть карикатура на жизнь, дубляж действительности. Нет, это сама жизнь должна следовать за искусством, ибо художник, человек-творец призван изменять мир, а не следовать его капризам". О! История этого давнего спора полна драматизма. Иногда доходило даже до избиения и преследований сторонников той или иной теории, но в конце концов спор сам собой заглох. Как это бывает, время расставило все на свои места.

— Любопытно, — сказал я. — И какая же теория восторжествовала на Арис?

— Тебе разве не ясно? Обе теории основывались на крайностях, а крайности редко бывают справедливыми. В конце концов, жители этой странной планеты на собственном опыте убедились, что в чем-то искусство копирует действительность, а в чем-то жизнь копирует искусство. По этой причине, кстати, на планете до нашего времени сохранилось кое-что естественное, некоторые виды животных, растений. Возник, так сказать, симбиоз искусства и жизни.

— Теперь понимаю, — сказал я. — Значит, капитан Прохор, направив сюда "Звездный орел", был уверен, что мы, пока выберемся из этой звездной системы, обречены на опасности, приключения, различные невероятные события. Словом, мы попали в сказочный, фантастический мир, у которого свои законы и свое особое течение времени. Так?

Степан кивнул.

— Делаешь успехи, но ты, Тимофей, пока еще не все осознал. Мы ведь отныне герои этого мира и подчиняемся его законам. А да будет тебе известно, что законы эти очень жестки. Они гласят, что если герой силен, уверен в себе, умен, храбр, вынослив, справедлив, я имею в виду, естественно, положительного героя, то он выйдет из всех передряг благополучно, но если герой в чем-то отойдет от святой правды, смалодушничает, проявит трусость, нерешительность — его ждет быстрый и ужасный конец.

Видимо, я здорово побледнел, и по выражению моего лица Степану стало ясно, что до меня наконец дошло, в какую жуткую историю я попал. Конечно, и сам Степа, и Григорий, и капитан Прохор давно привыкли к опасностям. С их закалкой, прямодушием они вполне вписывались в роли удачливых положительных героев, мне же был уготован жалкий жребий неудачника, слоняя, труса, помирающего в конце третьего акта в каком-нибудь трухлявом сарае от заворота кишок, насморка, укуса ядовитого марсианского комара или еще чего-нибудь в этом духе. Только теперь я до конца прочувствовал, почему мой друзья держали меня в неведении относительно чудес планеты Арис. Они знали, здесь, в кошмарных дебрях реальности и воображения, в хитросплетениях сказок, фантазий, бытовых драм, ковбойских боевиков и уголовной хроники погибнет Тимофей Авоськин, найдет свой скорый и бесславный конец. Эх...

— Погоди лапки поднимать, — сказал Степан, дружески похлопывая меня по спине. — Еще не все потеряно. Ты ведь тожеучаствуешь в постановке спектакля, и от тебя кое-что зависит. Надо бороться, в первую

очередь с самим собой! Так-то, старай. Напрягай извилины! Ну, а сейчас пошли спать. Утро вечера мудренее. Да, самое главное, для чего я читал тебе все эти лекции. Эту красотку, как ее, Терзалию, выкинь из головы и думать о ней забудь! Теперь-то ты понял, что эта встреча с красавицей была завязкой действия, началом романа, в котором всем нам отведены какие-то роли, возможно, совсем не те, на которые мы претендуем. Понял? Нам и надо-то две недели здесь продержаться, пока ремонт не кончим. Уяснил?

Я кивнул, молча пожал Степану руку и уныло поплелся в свою каюту. В каюте я свалился на кушетку, лег на спину, заложил руки за голову и долго смотрел в потолок. На душе было горько и пакостно. Я попробовал уснуть, долго метался в постели, забылся уже где-то под утро, и мне приснилось лицо Терзалии Крис, ее насмешливые горящие глаза звали куда-то в неизвестность, завораживали, дразнили...

Глава 7

Проснулся я от грохота падающих стальных листов, беготни роботов и громовых раскатов капитанского голоса. — Прохор ругался на трех языках с представителем местных ремонтников. Кажется, они привезли ему какие-то детали в меньшем количестве, чем он заказывал.

Начинался капитальный ремонт звездолета. И Степан, и Григорий, и робот Филимон, и даже кот Василий носились по коридорам с реактивным ревом. Все были заняты какими-то срочными и сверхсрочными делами, один я слонялся по каютам и бесцельно курсировал

между рубкой управления и кают-компанией. Чувствовал я себя совершенно лишним, обделенным и глубоко несчастным. Слабая надежда, что и мне найдется во всеобщей суматохе какое-нибудь полезное занятие, правда, теплилась в моей душе. Чтобы не выглядеть отпетым тунеядцем, я предложил свои услуги Степану, но он сказал, что пока ему помочь не требуется и что я могу отдохнуть и набираться сил. К штурману, а тем более к капитану, подойти в поисках работы я не решился, очень уж озабоченными они оба выглядели.

И чтобы хоть как-то убить время до обеда, я пошел к себе в каюту, взял листок бумаги, карандаш и, расположившись в кресле, стал почти машинально рисовать какие-то линии и завитушки. При этом я столь же машинально мурлыкал себе под нос слова популярной одно время очень печальной песенки, в которой речь шла о юном звездолетчике, который поссорился со своей любимой перед дальним рейсом, а потом погиб где-то у чужой звезды при выполнении особо опасного задания. Песенка была просто душераздирающая, вполне гармонирующая с моим настроением, и когда я добирался до последнего куплета, в котором были такие слова:

И там, на далекой планете,
В горах его кости лежат,

я чувствовал нездоровий озноб и желание выть волком.

Минут через десять такого скорбного мурлыканья я вдруг с удивлением обнаружил, что рисую по памяти портрет Терзалии Крис. Рисовальщик из меня всегда был никудышный, поэтому сходство портрета с оригиналом меня удивило и даже потрясло. "Уж не проре-

зался ли у меня под влиянием условий планеты Арис талант к живописи?" — размышлял я, с некоторой оторопью разглядывая рисунок. И в этот самый момент случилось невероятное: лицо Терзалии на бумаге вдруг лукаво улыбнулось и подмигнуло мне левым глазом. Я выронил лист с рисунком и зажмурил глаза. "Успокойся, Тимофей, — сказал я себе, — у тебя начинаются галлюцинации. Ты переутомился, переволновался, тебе надо отдохнуть, подлечить нервы. Сейчас же найди Филимона и попроси у него успокоительную таблетку".

И я не очень уверенкой походкой направился в кают-компанию, где робот Филимон после долгих занудливых расспросов о моем самочувствии выдал мне из корабельной аптечки все, что требовалось.

Однако таблетки помогли мало. Видение Терзалии Крис стало неотвратимо преследовать меня. Первые два дня я еще трепыхался, пытаясь следовать совету Степы, и стремился забыть Терзалию, но утром третьего дня почувствовал, что все мои попытки освободиться от навязчивого образа жалки и ничтожны, Я был поработлен, и воля моя была растоптана. Рыжая красавица очаровала и околдовала меня. Жизнь моя отныне была переломана, и я уже знал, что буду искать Терзалию. Знал, что не смогу улететь с Арис, не увидев ее еще раз, а если улечу, не увидев, то не смогу себе уже этого никогда простить и буду стремиться на эту странную планету к этой женщине весь остаток жизни. И все мое существование на Земле и моя работа над диссертацией в институте казались мне уже муторным бессвязным сном, И все мои годы до встречи с Терзалией были прожиты впустую. И все мое будущее существование без Терзалии — бессмысленным...

Естественно, что и мысли мои, а было их прискорбно мало, вращались вокруг рыжей красавицы. Желание увидеть Терзалию росло в геометрической прогрессии. К обеду на четвертые сутки нашего пребывания на Арис желание это достигло критических размеров. И если за день до этого я просто страдал молчаливо и гордо на кушетке в своей каюте, то тут во мне вдруг пробудилась какая-то дьявольская энергия. Точно посаженный в клетку волк, я часами кружил по каюте, с автоматизмом лунатика вышагивал по коридорам звездолета и уже никого и ничего не замечал вокруг. Цель моя теперь определилась более четко, и мучило меня одно: каким образом улизнуть со звездолета в город?

Визитная карточка с адресом Терзалии хранилась у меня в нагрудном кармане. Адрес я выучил наизусть и был уверен, что и во тьме и с завязанными глазами сумею отыскать Старую мельницу на улице Голубой розы. Тревожило другое — с началом ремонта ни о каких вылазках на Арис никто из команды речи больше не заводил, мои товарищи были слишком заняты ремонтом на звездолете. А одного меня, даже если бы я стал умолять об этом на коленях, капитан Прохор в город не отпустит, в чем, в чем, а в этом я не сомневался. И разговор на эту тему с капитаном даже заводить не стоило. Все мои упования, были на Григория и Степу — вдруг кому-нибудь из них захочется прогуляться. Вот тут-то, думал я, главное, не упустить момент и оказаться у них под рукой. Раз по пять я подкатывал то к штурману, то к кибернетику и вел продолжительные беседы о необходимости отдохнуть, расслабиться, подышать свежим воздухом. Нет, никогда до этого даже на ученых советах я не блистал таким красноречием, таким ораторским темпераментом, такими плавными

законченными периодами. Метафоры, анафоры и прочие синекдохи так и сыпались из меня, но, увы, слушатели были глухи к моим стонам. В конце концов я почти отчаялся добиться поездки в город легальным путем и стал подумывать о самовольной отлучке, бегстве, дезертирстве. Словом, созрел для бунта. И тут спасение пришло с той стороны, откуда я его и не ждал, — от капитана.

Видимо, Прохор Булкин несколько раз спотыкался взглядом о мою фигуру, возникавшую в самых неподходящих местах звездолета, и ему это порядком надоело.

— Тимофей! — окликнул он меня сердито. — Вам заняться нечем? Что вы слоняетесь из угла в угол и путаетесь у всех под ногами? Разве Степан не нашел для вас работу?

— Пока не нашел, товарищ капитан, — сказал я, — но надеюсь, что и мне удастся принести посильную пользу коллективу.

Капитан Прохор крякнул и внимательно оглядел меня с ног до головы.

— Воздеходом управлять умеешь?

— Когда-то кончал курсы, — ответил я, еще не понимая, к чему клонит капитан.

— Иди за мной.

И мы пошли к шлюзовой камере, затем Прохор вывел меня из корабля на выдвижную площадку, ткнул пальцем в направлении стоявшего рядом со звездолетом грузового вездехода и сказал, протягивая мне пачку бумаг с грифами космофлота, многочисленными печатями и росписями:

— Поедешь в город с Филимоном, он дорогу знает. Отвезешь в ремонтное управление документы и полу-

чишь у них материалы по перечню. На всю операцию даю тебе десять часов, но постарайся уложиться быстрее! — мгновение капитан Прохор колебался, затем, очевидно, спохватился, что я всего лишь пассажир, а не его подчиненный, и убавил строгости в голосе. — Останется время, Филимон тебе город покажет. У них есть здесь кое-какие достопримечательности, только не увлекайся и не опоздай к ужину. Филимон уже ждет тебя, в кабине вездехода сидит. Я сам собирался ехать, но у меня здесь работы много. Ты уж не обижайся, Тимофей, что я тебя посылаю. Сам понимаешь, обстоятельства, ремонт...

На секунду я онемел от счастья. Затем выхватил из рук капитана документы, щелкнул каблуками и, не дослушав его оправданий, прохрипел:

— Будет сделано! — В следующее мгновение я кубарем скатился по стальной лесенке со смотровой площадки к вездеходу, дернул дверцу и прыгнул в кабину, точно цирковой наездник на спину горячего коня.

Очевидно, Булкин собирался дать мне еще какие-то наставления, но, ошеломленный моей оперативностью, только беззвучно несколько раз открыл и закрыл рот, запустил пятерню в свою шевелюру и задумчиво крякнул. Возможно, он и успел бы еще что-то крикнуть, но Филимон по моему сигналу включил скорость, газанул и так стремительно стал выруливать к выезду с космодрома, что за ревом моторов криков капитана я бы все равно не услышал.

Успокоился и немного отдохнул я, когда мы выехали с космодрома на дорогу в город. В душе у меня все клокотало и вибрировало, лишь теперь я сообразил, что капитана никто не известил о нашей экскурсии в окрестности космопорта и о встрече с Терзалией Крис.

Наверное, Григорий и Степан не сочли нужным до-кладывать о таких пустяках своему командиру. И вот волей случая у меня появилась возможность встретиться с рыжей красавицей. О! Моя признательность капитану и мой восторг не имели границ! Окажись Прохор Булкин поблизости в эти минуты, я бы расцеловал его от избытка чувств, но рядом со мной сидел равнодушный и скептический робот Филимон и внимательно следил за дорогой.

Вездеход бежал достаточно резво, километров семь-девятнадцать в час, но мне казались вечностью уходящие минуты.

— Сколько километров до ремонтного управления?
— нервничал я.

— От космодрома до ворот управления восемьдесят семь километров, — отвечал Филимон.

— Филимон, эта телега может ехать быстрее?

— Может.

— Нельзя ли увеличить скорость?

— Можно.

— Так чего ты ждешь?

— Приказа.

— Увеличивай скорость до ста пятидесяти километров в час.

"Никакого терпения с этим роботом не хватит, — злился я. — Ведь знает, о чем его просят, но выжидает, когда команду дадут по форме. Бюрократ электронный..."

Между тем Филимон, невозмутимо помигивая индикаторами, переключил скорости, добавил оборотов, и цифры на табло спидометра стали приближаться к сотне, затем к ста пятидесяти.

Все четыре мотора вездехода натужно гудели. Мимо

мелькали домики, развалины, замки, башни, рощи и поля. Из кустов у обочины шарахались в небо, испуганно хлопая перепончатыми крыльями и сипло крича, выводки молодых дракончиков. Какой-то оборванный бандит, из местных, выпустил вслед вездеходу очередь из автомата, и было достаточно неприятно, когда пули, как градины, забарабанили в заднее стекло. К счастью, конструкторы вездехода, видимо, учли подобные ситуации, стекло оказалось пуленепробиваемым, да и весь вездеход, как я узнал позднее, был рассчитан на сверхвысокие давления, повышенные температуры и попадания мелких метеоритов.

До города добрались минут за двадцать, а спустя еще десять минут вездеход въехал в ворота управления.

Ох, женщины! Что с человеком делают? Попади я с бумагами капитана в ремонтное управление до встречи с Терзалией, там бы я и сгинул, увял бы от многочасового сидения в приемных перед обитыми черной искусственной кожей огромными двухстворчатыми дверями кабинетов, затерялся бы в бесчисленных коридорах и, наверное, неделями бродил бы с тихими стенами от одного начальника к другому, от одного робота-секретаря к другим. За время этих хождений я оброс бы бородой, и, конечно, "Звездный орёл" не дождался бы необходимых материалов и без меня с недоделками улетел бы с планеты дальше.

Однако теперь, вдохновленный горящими глазами Терзалии и предстоящей встречей с ней, я уже был не тем послушным, бесполковым созданием. Теперь же все происходило иначе. Перед моим стремительным натиском лопалась кожаная обивка дверей, а сами двери с паническим писком распахивались. Жалкие поту-

ги роботов-секретарей перекрыть путь к высокому начальству были обречены на неудачу. При одном взгляде на мою решительную фигуру у них перегорали конденсаторы и в блоках логической памяти начинались сбои и замыкания. Роботы валились передо мной на пол, но я перешагивал через них и врывался в кабинеты с басовитым, раскатистым словом:

— Срочно!!!

Ошарашенные чиновники управления на минуту немели и безвольно подписывали разнарядки на необделий, нейтронные щиты и прочие дефициты. И лишь когда я направлялся к выходу, задыхаясь, удивленно хрипели мне в спину:

— Позвольте! А собственно, кто вы?

— Представитель Земли! — отвечал я, не удостаивая взглядом своего очередного собеседника, и спешил к другому кабинету.

Работа по оформлению документов, на которую капитан давал мне ориентировочно часов шесть-семь, была проделана за двадцать три минуты — Филимон засекал время. Подозреваю, что мною был установлен галактический рекорд по данному виду бюрократического многоборья. Впрочем, я не тщеславный, а потому не стал требовать от жителей планеты Арис чеканки памятной медали по данному поводу.

Еще через десять минут работы под наблюдением Филимона загрузили вездеход всеми нужными материалами, и мы покинули территорию управления.

— Какие будут приказания? — спросил Филимон, поглядывая на меня с заметно возросшим уважением.
— Возвращаемся на звездолет или будем осматривать город?

Я достал из кармашка визитную карточку Терзалии.

— Улица Голубой розы. Старая мельница. У меня резерв времени — семь часов. Поехали!

Еще через семь минут я тихо постучал в дверь квартиры Терзалии Крис. Сердце мое бешено колотилось. Самые черные мысли и сомнения посещали мою душу. Я осознал, как хлипки и несбыточны мои надежды увидеть Терзалию, говорить с ней. "Полно, — говорил я себе, — да дома ли она? Ведь сейчас день, что ей в это время делать в квартире? Она ушла по своим делам. А если даже и не ушла? Разве она обязана помнить каждого встречного? Наивный, на что ты надеешься? Возвращайся, Филимон ждет тебя в вездеходе во дворе дома. Долго еще бедному роботу ржаветь от безделья в кабине? Чего ты ждешь?"

Наверное, я уговорил бы себя и убежал бы, струсил, но тут мне вспомнились слова Степана о решительности, смелости и тому подобных материях, ноги мои налились свинцовой тяжестью, прилипли к крыльцу, и в это мгновение за дверью послышались тихие шаги, звякнул замок и дверь распахнулась.

Глава 8

На пороге в призрачном освещении неоновой лампы появилась стройная фигура Терзалии в каком-то замысловатом вишнево-перламутровом одеянии. Мгновение Терзалия рассматривала меня, затем всплеснула руками:

— Тимофей!

Сказано это было с такой неподдельной радостью, что я осталбенел окончательно. Мне вдруг почудилось, что еще секунда — и Терзалия бросится мне на шею,

я же настроился перед этим на куда более сдержанний прием и теперь совсем был сбит с толку и не мог вымолвить ни слова, лишь совершенно идиотски улыбнулся.

— Ой, как хорошо, что ты пришел! — продолжала Терзалия, хватая меня за руку. — Что же ты стоишь, проходи! Я ждала тебя еще два дня назад. Какой ты молодец! Пришел! Не забыл! Умница! — И она повела меня, потянула за собой в длинный сумрачный коридор и в комнату. Я едва успевал за ней и все еще не в силах был вымолвить ни единого слова.

Она знала мое имя! Ждала меня еще два дня назад!? Чудеса!

"Имя узнать, допустим, не трудно: сделал запрос информационной службе космофлота — и готово! Все сведения о прилетающих звездолетах, их экипажах и пассажирах заносятся в память машины. А вот ждала она меня почему? Почему меня? Не Степана, не Григория, а меня... Непонятно", — я мучил себя этими вопросами, но не находил пока ответа.

Между тем мы вошли в светлую, красиво и уютно обставлennую комнату, видимо, гостиную. Терзалия подвела меня к небольшому диванчику и кивнула:

— Садись! Сейчас мы с тобой пообедаем. Ты ведь голодный, правда? Подожди минутку, я быстро.

— Да нет, не стоит беспокоиться... Ради всего святого! Я не так давно перекусил... Я вполне сыт... Извини... — Наверное, я бы еще долго выдавливал из себя разные бормотания и оправдания, но Терзалия добродушно усмехнулась, погрозила пальчиком и упорхнула из комнаты.

Не успел я осмотреться и хоть немного собраться с мыслями, как хозяйка возвратилась вместе с кухонным

роботом, прикатившим тележку с различной снедью и напитками.

За столом как-то постепенно, незаметно Терзалия разговорила меня, успокоила. Моя скованность исчезла. И вскоре я чувствовал себя уже как дома, стал совершенно счастлив. За едой и коктейлями мы не торопливо, степенно беседовали о Земле и об Арис, о тысяче различных вещей. Она расспрашивала меня о моей жизни на Земле, о работе в институте, о том, как я попал на "Звездный орел". Я пытался побольше разузнать о самой Терзалии, ее увлечениях, привязанностях, о жизни на планете Арис.

— У нас здесь свои особенности, своя специфика существования, — говорила Терзалия. — Хотя, наверное, и на Земле, и на любой другой планете есть своя экзотика, местный колорит, уникальные условия. Верно?

— Да, конечно, но на Арис, мне говорили, творится что-то невероятное. Не страшно здесь жить?

Терзалия улыбнулась:

— Ко всему привыкнуть можно, а если и родился на этой планете, то другой жизни уже и не мыслишь. А тебе-то самому на Земле не страшно было?

— На Земле?!

— Да. Ты ведь сам только что рассказывал, как несколько лет занимался в своем институте пустяками, по сути, никому не нужной темой. И ты все те годы знал, что растратаешь жизнь на пустяки, на ерунду, знал, что упущенное время не вернуть. Тебе не было страшно?

Я покраснел. Терзалия умела загонять в угол.

— Наверное, я очень легкомысленный человек. Мне и в голову не приходило взглянуть на свою жизнь с та-

кой позиции. За повседневной суетой как-то, знаешь, теряется главное.

— А теперь? Ты ведь все же отважился бросить все и полететь на другой край галактики, значит, не все потеряно. Верно?

И вновь я вспомнил свои страхи перед полетом, и мне стало стыдно. Я подумал, что это и в самом деле страшно — жить без достойной цели.

— Скажи честно, — спросил я Терзалию, — я выгляжу большим дураком?

— Уже и обиды, — фыркнула она. — Я просто заставила тебя самого ответить на твой же вопрос. Конечно, без цели на любой самой распекрасной планете жить страшно.

— А... Значит, у тебя есть цель?

— Да. На Арис без этого нельзя прожить и дня. — Терзалия посмотрела на меня уже без улыбки. — Тебя, конечно, интересует, какие у меня цели? Например, с какой целью я заманила тебя в гости? Так?

"Ах. черт, — подумал я, — она, похоже, еще и мысли мои читает". И я довольно кисло улыбнулся и сказал:

— Какие цели может преследовать красивая, обаятельная женщина? Только самые возвышенные, гуманные, правда?

— Ты угадал, — сказала Терзалия. — Я помогаю неопытным путешественникам, которым грозят серьезные опасности.

— Серьезные опасности? — Я поежился, вспомнив рассказы Степана об Арис.

— Твои друзья, наверное, тебе уже многое рассказали об Арис. И, видимо, объяснили, что опасности нашей планеты зависят некоторым образом от самого человека, который им подвергается.

— Да. Степан мне говорил что-то об этом, но я, признаюсь, плохо понял.

— Тогда я расскажу тебе, Тимофей, одну историю, так сказать, типичную для Арис. Из этой истории, думаю, ты лучше уяснишь специфику местных условий.

— Я слушаю.

— Жил на Арис художник. Талантлив был. Картины пользовались бешеным успехом. Заказы художнику сыпались, как из мешка. И как это порою случается, парень соблазнился легкой жизнью, начал небрежничать, спешить, подхалтуривать. Успех ему сопутствовал — цены на его картины росли, чего нельзя было сказать о мастерстве самого художника. И вот однажды к художнику пришел человек в сером и заказал картину, причем цену оговорил заранее и цена эта была грандиозна. А картина должна была изображать мираж.

— Что изображать? — удивился я.

— Ми-раж, — пояснила Терзалия. — У нас на Арис денежная единица называется "раж". Вот этот неизвестный миллионер и заказал картину, которая бы изображала миллион ражей — мираж. Так сказать, богатство в натуральную величину. Конечно, изображать пачки банкнот — занятие для художника малопочетное, но плата за работу была очень высока, и наш герой согласился без колебаний. Правда, заказчик оговорил одно условие: он купит картину за назначенную цену, если из трех случайных зрителей хотя бы один при виде полотна воскликнет: "О! Здесь не меньше, чем на миллион!"

— Забавное условие, — улыбнулся я.

— Забавное, да не совсем, — сказала Терзалия. — Заказчик ушел, а наш герой начал работать — рисовать деньги. Ни над одним портретом он не трудился с та-

ким упоением и с такой тщательностью. Дни и ночи он проводил в своей мастерской. Шли месяцы, глаза художника ввалились, сам он высох, похудел, но взгляд его алчно сверкал. Наш мастер каждый вечер любовался своим творением, но каждый раз "мираж" казался ему незавершенным. Мало денег, мало, говорил он себе. И рисовал все новые и новые денежные знаки на холсте.

— И чем же все кончилось?

Терзалия хитро улыбнулась:

— В одно солнечное утро пришел заказчик, посмотрел на труды живописца и всплеснул руками: "О! Здесь даже больше, чем на миллион!" — воскликнул он и купил шедевр.

— И это все?

— Да, если не считать того, что не стало на Арис модного художника.

— А что с ним произошло?

— Вышел из моды. Перестал быть художником. После своего миража, чтобы он ни брался изобразить, у него выходили все те же банкноты. Так весь остаток жизни он и рисовал деньги, но, увы, это его творчество сбыта не находило — купюры были фальшивыми.

Минуту мы молчали, затем я, чтобы хоть что-то сказать, пробормотал:

— Занятная сказочка.

— Ты полагаешь, в жизни так не бывает? — спросила Терзалия.

— Бывает, наверное. Меня другое беспокоит. Не пойму, с какой целью ты рассказала эту притчу?

— К слову пришлось, — сказала Терзалия. — К тебе ведь тоже может заглянуть серый человек, и надо успеть захлопнуть перед его носом дверь.

— Опять страсти-мордасти, — сказал я. — Вы что, все сговорились меня запугивать? Степан пугает, Григорий полон таинственности, капитан весь в тревогах и заботах. По дороге к тебе какой-то психопат из автомата лупит по вездеходу. Теперь ты страшные сказки рассказываешь! Это начинает надоедать. Прости, но я больше не хочу говорить о неприятностях. Правда, Тер, не будем больше залазить в такие печальные истории...

— Как выглядел тот тип, что обстрелял вашу машину? — спросила Терзалия, пропуская мои последние слова мимо ушей.

— Тер... — обиженно начал я. — Поговорим о чем-нибудь веселом. У тебя здесь все так замечательно, уютно. И сама ты такая красивая, чудесная. Тер, я в тебя уже окончательно влюбился.

— Вот как, — вздохнула Терзалия. — Конечно, ты выбрал самый подходящий момент. Тима, я тебя прошу — забудь пока свои глупости и отвечай на вопрос. Запомнил ты того, кто стрелял по вездеходу?

— Я не успел его рассмотреть, слишком быстро мы ехали. Возможно, робот запомнил внешность стрелявшего, но это нам мало что даст. Тот бродяга был в плаще с капюшоном. Плащ самый обычный, серый, потертый, а лицо было прикрыто шарфом, так что мы не могли рассмотреть стрелявшего.

— С этим ясно, — сказала Терзалия. — Тебе известно, какие грузы и куда везет "Звездный орел"?

— Нет. Я как-то не интересовался такими вещами, — пробормотал я, чувствуя, что совсем сбит с толку, — Постой, ведь это, кажется, служебная информация. О грузах и пути звездолета знает только команда и диспетчеры космофлота Земли. Я же просто пассажир, меня и не должны были посвящать в такие тонкости.

— Пассажир... А догадки у тебя могут быть?

— Не понимаю твоего вопроса. Конечно, исходя из общих соображений, можно предположить, что за сотни парсек чепуху не повезут. Очевидно, грузы очень ценные. Какие-нибудь уникальные приборы, машины, механизмы, либо редкости, которые встречаются только у нас на Земле.

— А ты мыслитель, — усмехнулась Терзалия. — О ценности грузов, конечно, легко догадаться, но ведь не всякий груз может быть желанной добычей... Знаешь, я думаю, кое-кто на Арис все же, знает достоверно, что именно и куда везет ваш звездолет. Я даже не удивилась бы, если станет известно, что и ваше попадание в метеоритный поток и ваша посадка на Арис были заранее рассчитаны и спланированы определенной группой заинтересованных лиц.

— У тебя богатая фантазия, Тер. Конечно, местный колорит влияет на воображение. И все же мне трудно поверить в каких-то космических злодеев, различные козни, интриги...

— В космических злодеев верить не обязательно, — сказала Терзалия, — злодеи, как правило, бывают самые обыкновенные, заурядные, но вреда от них не меньше. Я тебя прошу передать все мои опасения и соображения твоему капитану. И еще... — Терзалия вынула из кармашка платья небольшой продолговатый конверт из белой пластмассы, — передай и это ему, а на словах добавь: "Не берите попутных грузов". Запомнил? Это важно, не забудь.

— Запомнил, — повторил я тоскливо. — Не брать попутных грузов.

— Вот и чудесно, — Терзалия улыбнулась. — Ты хо-

роший парень, Тима, я уверена, ты сделаешь все, о чем я тебе говорила. Обидно, конечно, что наша встреча получилась такой скомканной, натянутой, но поверь, это не от нас зависело. Она бросила быстрый взгляд на часы. — Тебе уже пора.

"Ах, черт! Уже выгоняет, — невесело подумал я. — Странные какие-то игры. Может, она меня за нос водит? А это письмо к капитану? Что в нем? Или это просто дружеская записка с указанием времени и места свидания?.. Гм!"

— Не обижайся, Тима, — сказала Терзалия. — Тебе, правда, нужно спешить. Мы с тобой еще встретимся и успеем наговориться, верно?

— Да, конечно, — выдавил я из себя, неохотно вставая и направляясь к двери.

Уже в прихожей Терзалия вдруг спохватилась:

— Подожди, я сейчас.

Она убежала в комнату, а через минуту вернулась, быстро сунула мне в карман куртки какой-то небольшой, но тяжелый предмет и прошептала еле слышно:

— Это талисман, на память.

И я почувствовал влажные теплые губы Терзалии на своей щеке. Сердце мое на мгновение остановилось, затем куда-то прыгнуло и заколотилось так отчаянно, словно собиралось выскоочить из грудной клетки. Я попытался было обнять Терзалию, но она выскользнула... Опомнился я уже на ступеньках лестницы.

На улице темнело. Филимон, увидев меня, быстро завел мотор. На звездолет мы успели, как и предполагал капитан, только к ужину.

Глава 9

Прохор Булкин выслушал мою исповедь спокойно.

— Шустро, очень шустро, — проворчал он. — Уже и знакомую завел. Давай письмо.

Прохор, посмеиваясь, взял у меня конверт и извлек из него листок бумаги со стройными колонками цифр. Минуты три капитан внимательно изучал цифры. Затем пристально посмотрел на меня, вид у капитана был очень растерянный.

— Откуда у нее эти данные?

Я покал плечами.

— Не знаю. А что это такое?

Ответом Прохор меня не осчастливили. Он повернулся к застывшему за его спиной Филимону и протянул листок ему:

— Проверь!

Филимон созерцал цифры одно мгновение.

— Совпадает, — доложил он, возвращая бумагу капитану.

Прохор сразу насупился, помрачнел.

— Что еще тебе говорила твоя красавица? — спросил он.

— Кажется, это все... Ах, да, чуть не забыл. Она просила передать, капитан, чтобы мы ни в коем случае не брали попутных грузов.

— Что?

Булкина от моих последних слов даже передернуло всего. Он вскочил со своего кресла и нервно закружил по кают-компании. Сделав кругов пять вокруг стола, он остановился и сказал роботу:

— Филимон, зови Степана и Григория. Пусть бросают все свои дела и бегут сюда немедленно.

Филимон ушел.

Капитан вытер лоб платочком и вновь плюхнулся в кресло, затем печально посмотрел в мою сторону:

— Эх, Тимофей! Где ты был раньше?, И что бы тебе не удрать к своей обожаемой Терзалии днем раньше?

— Вы же сами, капитан... — попробовал я было оправдаться, но Прохор махнул рукой.

— Молчи! Молчи! — сверкнул он на меня глазами.

— Если бы хоть знать точно, что эта твоя красавица в самом деле желает нам помочь. Ты с ней говорил. Можешь ты поручиться, что она не ведет двойную игру? Или она заводит нас в ловушку? Что скажешь?

— Я ей верю, — сказал я твердо.

— Он ей верит! — развел руками Булкин. — Скажи прямо, что влюблен без памяти.

— Капитан, объясните все же, что случилось? Что это за цифры? При чем здесь попутные грузы?

Булкин какое-то мгновение смотрел на меня молча, точно строгий папаша на провинившегося сына, затем, видимо, решив, что я безнадежен, махнул рукой:

— Цифры! Хороши цифры! Это расчеты нашего пути в гиперпространстве от самой Солнечной системы до конечной цели рейса — планеты Ликс. А попутные грузы я уже, к сожалению, взял в твое отсутствие. Пока ты развлекался, мы получили приказ местного отделения космофлота доставить на Риф, это восьмая планета у соседней с Арис звезды, три контейнера с приборами.

— И что же теперь делать? Может, не поздно отказаться от груза под каким-нибудь предлогом?

— Поздно. Контейнеры уже доставили на звездолет и уже загрузили на склад, я еще удивился, зачем такая спешка с погрузкой. Мы же на Арис останемся еще на

неделю до окончания ремонта звездолета, а дополнительные грузы на складах только мешают подготовке к дальнейшему полету.

— Ясно. И что же теперь?

— Что делать? Ремонт заканчивать. С ребятами сейчас посоветуемся, что-нибудь придумаем.

— А что в контейнерах? Вдруг там какая-нибудь бомба? Надо бы проверить, капитан.

— По накладным там приборы для исследовательской экспедиции.

— А кто-нибудь из наших видел эти приборы?

— Нет. Я же тебе говорю — все в контейнерах, опечатано, запломбировано. Стенки непроницаемы для излучений.

— Повезем кота в мешке.

— Я таких котов уже столько раз возил, — махнул рукой Прохор, — пока обходилось...

Капитан замолчал. В кают-компанию вошли Степан и Григорий.

— Что-нибудь случилось? — спросил Степан, внимательно, посмотрев на капитана.

— Пока еще нет, но должно случиться, — буркнул Прохор и, обращаясь ко мне, добавил: — Расскажи им свои похождения.

Я коротко сообщил о своей поездке в город и о разговоре с Терзалией.

— Удирать надо отсюда и как можно быстрее, — сказал Григорий, когда я закончил свой рассказ.

— Боюсь, это нам не поможет, — возразил Степан. — Грузы-то с нами останутся. А что это за планета, на которую мы должны доставить эти контейнеры?

— Планета Риф. В справочнике ее нет, видимо, дикая, необитаемая, какой-нибудь каменный пузырь без

воды и атмосферы. Грузы адресованы исследовательской экспедиции. А какие экспедиции на таких планетах, сами знаете: полуразвалившаяся станция, а на ней три-четыре человека и дюжина проржавевших роботов. — Григорий посмотрел на капитана. — На такой планетке в ловушку угодить легко, а выбраться из ловушки...

— Гадать не будем сказал Прохор, — план предлагаю такой: на складе у контейнеров поставим наблюдателя — хотя бы того же Фили蒙а, при малейшем подозрении, что с грузом что-то происходит неладное, он поднимет тревогу — и мы примем меры. А пока наши задачи прежние — ремонтировать звездолет и продолжать полет. Есть другие соображения?

— У меня вопрос, — сказал я, — могу я встретиться перед отлетом с Терзалией? И второе, мне кажется, что она не хочет оставаться на Арис. Можем ее мы взять с собой?

— Кто о чем, а Тимофея о своих интересах, — ухмыльнулся Степан, — а что, капитан, устроим ему свадебное путешествие?

— Я тебе устрою! — проворчал Прохор. — Неизвестно, самим удастся отсюда выбраться или нет, а они еще девчонку мне в эту историю впутывают. Вы свои глупости оставьте. На обратном пути, если все обойдется, видно будет. Наша задача доставить все грузы по назначению и сохранить звездолет. Всем ясно? Если вопросов больше нет, то сейчас спустимся на склад и осмотрим эти контейнеры еще раз самым тщательным образом.

Не знаю, как остальных, а меня осмотр контейнеров успокоил. Три коричневых пластмассовых ящика,

объемом по кубометру каждый, серьезных опасений не внушали. "В самом деле, — размышлял я, — не бомбы же в них? Кому нужно взрывать звездолет? Это просто глупо. Конечно, Григорий прав — ловушка будет устроена для нас на самой планете Риф, а пока беспокоиться не о чем. Мы уже предупреждены, знаем о грозящей опасности, выкрутимся. Вот если бы Терзалия не предупредила о возможности нападения на звездолет, тогда нас на планете Риф легко поймали бы в любую ловушку. А теперь это не страшно". Я блаженствовал. Еще бы, ведь это я ездил в город за материалами, меня обстреливали в вездеходе, это мне удалось встретиться с Терзалией и узнать об опасности...

Капитан, однако, придерживался более осторожной тактики и оставил сторожить контейнеры Филиона, хотя, наверное, и сам считал это формальной предосторожностью и основную опасность видел в посещении планеты Риф.

— Нельзя ли все же отвертеться от этих контейнеров и полёта на Риф? — спросил я у Степана, когда мы уже расходились по каютам.

— Нельзя, — вздохнул Степан, — то есть, конечно, отказаться можно, но тогда это насторожит наших врагов. Они поймут, что мы заподозрили неладное. Кстати, и твою красавицу можем поставить под удар.

— Ты думаешь, они узнают, что я к ней ездил, — засволновался я, — и что она мне рассказала о грузах?

Степан пожал плечами.

— Всякое может случиться.

Уже в своей каюте перед сном, перекладывая куртку со спинки стула в шкаф, я наткнулся в кармане на что-то твердое и вспомнил о талисмане, который мне

дала Терзалия перед моим уходом. Я удивился, как это мне удалось забыть про него, видимо, обилие событий этого дня совсем закружило мою голову. Осторожно достал я из кармана небольшую продолговатую коробочку из золотистой пластмассы и открыл крышку.

В коробочке лежала маленькая, сантиметров две-надцать высотой, кукла с пышными золотистыми волосами, в коричневой курточке, белых брючках и черных туфельках. Сделана куколка была мастерски, пальцы, глаза, брови, уши, губы — все было как у человека, только очень миниатюрных размеров. Чертами лица кукла напоминала саму Терзалию.

"Печальный сувенир, — думал я, — а как было бы замечательно увидеть здесь на звездолете саму хозяйку куклы, но, увы, как любит повторять Степан, перст судьбы, обстоятельства оказались сильнее нас".

Я немного полюбовался своим талисманом и посадил куклу прямо в коробке на столик у кровати.

Ремонт звездолета продлился еще больше недели. В город мне вырваться так и не удалось. Терзалию до самого отлета я тоже не увидел, но все же утешал себя мыслью, что на обратном пути уговорю капитана заletеть на Арис, обязательно встречу мою красавицу и увезу с собой на Землю.

С Арис мы взлетели без помех и взяли курс на соседнюю звездную систему к планете Риф. Двигатели "Звездного орла" работали так хорошо, как они уже давно не работали, капитан Прохор, довольно потирая руки, сказал, что за неделю мы попадем на место.

Степан уже начал посмеиваться над нашими былыми страхами и планету Арис вспоминал с улыбкой. Григорий опять занялся изучением энциклопедии Штриптерметера, я же все вспоминал Терзалию и мечтал о встрече с ней.

Глава 10

Неприятности начались на второй день полета.

Первым предвестником их оказался кот Василий. Я уже упоминал как-то в начале моего повествования, что Василий был очень дружен с роботом Филимоном. Естественно, когда робота оставили у контейнеров на складе, Василий стал навещать своего приятеля и по-долгу вертелся рядом с ним. Коричневые пластмассовые ящики вызывали у кота глухое раздражение. Каждый раз, проходя мимо, он шипел на них, при этом шерсть у Василия на загривке поднималась дыбом, а когти начинали скрестить пластик пола. Впрочем, Филимон поведению своего мохнатого друга значения не придавал, считая своей задачей наблюдение за ящиками, контейнеры же не шипели, не подпрыгивали и, в общем, вели себя тихо, причин жаловаться на них у робота не было, и он молчал. Однако Григорий, случайно заглянувший к Филимону на склад за какой-то справкой, заметил странности кошачьего поведения и доложил о своих наблюдениях капитану.

Булкин в это время дежурил в рубке, выслушав штурмана, он почесал загривок, потеребил бороду и с горестным вздохом извлек из сейфа папку с накладными на перевозимый груз.

— Ох, чует мое сердце, Григорий, плохо все это кончится, — бормотал Прохор, перелистывая бумаги. — Вот посмотри, что нам подсунули на этой Арис. Какие-то каракули! На каком это языке написано? Ничего не разобрать! Что везем? Неизвестно! Кто поставщик? Непонятно! Кто заказчик? История темная! Какая-то Сверба или Свербов? Два десятка неразборчивых подписей... Какие-то гербовые печати с мышами и крыси-

ными мордами... Провалиться мне, если я понимаю, что все это означает!

— Знакомая Тимофея не рекомендовала брать по-путные грузы, — пожал плечами Григорий, — но раз контракт заключен, будем выполнять полет к Риф. Хотя, признаюсь, думаю, что неприятности с этими грузами у нас обязательно будут, если не в полете, то на планете. Вы же знаете, капитан, у кота Василия чутые ко всяkim неземным пакостям просто уникальное! Если уж Васе что-то в этих контейнерах не понравилось — жди в ближайшие дни какой-нибудь мерзости или неприятности! Примета верная!

— Неприятности... — вздохнул капитан. — Удивил! Да я всю свою сознательную жизнь только и жду каких-нибудь пакостей от окружающей среды. Вся наша жизнь, друг мой, как минимум, наполовину состоит из неприятностей, так что не будем огорчаться преждевременно... — философски заключил капитан и подмигнул Григорию. — Поставь у контейнеров дополнительно еще двух роботов, а через час сменишь меня у пульта. Будем продолжать наш путь...

Однако продолжить путь оказалось не так просто.

— Капитан! Контейнеры набухают! — донесся из динамика над пультом унылый голос Филимона. — Жду указаний.

Булкин яростно сверкнул глазами.

— Григорий, последи за приборами! Степан, Тимофея, пошли на склад! Час от часу не легче! Контейнеры у него, видите ли, вспухают! Я им вспухну!

И мы, оставив штурмана в рубке, бодренько направились вслед за капитаном к злополучным контейнерам.

На складе капитан Прохор минуты две понаблюдал

за Василием, уточнил у Филимона, давно ли кот проявляет признаки беспокойства, и, выяснив, что животное не находит себе места со времени появления контейнеров на борту, сказал:

— Гм! — Прохор обошел вокруг контейнеров, мурлыкая себе под нос какую-то незамысловатую мелодию, дотронулся до пластиковой поверхности одного из контейнеров и тотчас отдернул руку. — Дьявол! Горячая! И в самом деле, кажется, они увеличились в размерах!

— На восемь сантиметров и три с половиной миллиметра! — доложил услужливо Филимон. — Выросли, как изволите заметить!

— Выросли? А ты куда смотрел? Почему раньше не доложил?

— Изменения объёмов начались двадцать две минуты назад, — оправдывался Филимон. — Надо было выявить тенденцию...

— Ага! — капитан Прохор многозначительно поднял вверх палец. — Тенденцию... Тьфу! Слов-то каких где-то нахватался. А ну живо всю эту дрянь в контейнерах за борт! Чтобы через час и следа этих контейнеров на складе не было! Степан! Организуйте роботов! Ташите это быстрее в шлюзовую камеру!

— А как же контракты? — попытался было возразить Степан, но Булкин наградил его таким испепеляющим взглядом, что кибернетик сразу сник и покорно козырнул: — Сей момент!

Капитан подхватил кота Василия, потрепал за ушами и сунул мне в руки.

— Уберите животное. И сами подальше отойдите, а то всякое случается... — с этими словами Прохор извлек из кармана куртки лучевой пистолет и подал знак Филимону и другим роботам.

Работы подошли к ближайшему контейнеру и начали приподнимать его.

Я посмотрел на Степу. Кибернетик стоял рядом с капитаном, оставив между собой и контейнерами металлический стеллаж с приборами, пальцы его правой руки нервно пощелкивали.

"Похоже, сейчас будет жарковато, — подумал я, — как бы нам с тобой не угореть, друг Василий. Ишь, ящики-то эти прямо раскалились. Как бы не взорвались... " Я потихоньку начал пятиться к выходу, рассудив, что в данной ситуации моя преждевременная гибель никакой ощутимой пользы обществу не принесет.

Выйти из склада я не успел.

Контейнер в руках роботов вдруг рассыпался с треском, грохотом и противным, раздирающим нервы скрежетом. И тотчас же на полу склада вокруг нас возникли стройные ряды маленьких металлических предметов. Степан удивленно вскрикнул. И в следующий миг металлическая масса у нас под ногами ожила. Что-то громыхнуло, сверкнул лазерный луч, запахло паленой изоляцией. В ноздри мне ударил резкий запах дурманящего газа, что-то упругое и липкое стукнуло по ногам, я пошатнулся, выпустил из рук кота Василия и, теряя сознание, упал.

Очнулся я от сильнейшей головной боли. Вокруг была непроницаемая тьма. Подо мною лежало что-то упругое, но достаточно твердое, какой-то жесткий матрац. Слева от меня кто-то тихо, но с упоением, постывал, очевидно, сквозь сон.

Я попробовал пошевелиться. Руки и ноги имелись в наличии и, надо полагать, несильно пострадали во время последнего моего приключения, но все тело на-

лилось свинцовой тяжестью, и двигать конечностями было почти невозможно. Я попробовал было вытянуть затекшую левую руку, задел за что-то теплое и пушистое, лежавшее у меня под боком. И это теплое и пушистое с громким обиженным мяуканьем царапнуло меня по руке. От неожиданности я вскрикнул:

— Ох! Васька — дьявол!

И сразу услышал над ухом сердитый голос Григория:

— Тихо, профессор! Что ты визжишь, как девчонка, которой сунули лягушку за воротник.

— Григорий! — обрадовался я. — Где это мы? Где капитан? Что со Степаном? Почему так темно?

— Не трепыхайся! Лежи спокойно, конечностями не размахивай — сломаешь, а не исключено, что тебе они еще могут понадобиться... Капитан слева от тебя стонет, его, кажется, ранило. И Степа здесь около меня, спит кучерявый — сил набирается. Нас всех заперли в гимнастической комнате. Что у вас произошло с контейнерами.

— Произошло... — горестно вздохнул я. — Попытались выбросить из звездолета: Только роботы приподняли этот чертов ящик, а он возьми и рассыпься... Ну и полезла из него какая-то металлическая гадость...

— Я рассказал Григорию подробности нашей неудачной операции по обезвреживанию "попутного груза".

— Дела... — многозначительно протянул Григорий после периода затяжного молчания. — Что делается на белом свете? Меня они в рубке сразу после первых выстрелов скрутили. Быстро действуют...

— Кто они? Ты разглядел нападавших?

— Нас атаковали металлические крысы. Ты, Тимоша, конечно, слышал об этих милых созданиях?

— Откуда? Вы же мне ничего толком не рассказывали. А что они собой представляют?

— Очень маленькие кибернетические зверюшки размером с крупную мышь. Их используют некоторые космические цивилизации, стоящие на низком уровне развития, для различных диверсий в космосе и на планетах. Мы тебе уже говорили, что район Арис и всей этой звездной системы считается сомнительным. Так вот, дурная слава этих мест вполне соответствует кое-каким событиям, имевшим здесь место. В этом районе галактики за последнее столетие исчезло бесследно около десятка звездолетов. Причем ни один корабль не был впоследствии обнаружен. В трех случаях перед потерей связи и исчезновением корабля команда успевала отправить по гравипередатчику сообщение о появлении внутри жилых помещений звездолета каких-то загадочных металлических крыс.

— И это все?

— Все пропавшие звездолеты бывали в космопортах Арис или соседних планет системы.

— Выходит, мы угодили в ловушку, устроенную этими неизвестными хозяевами металлических крыс?

— Твои способности к умозаключениям меня радуют, — фыркнул Григорий. — Не, зря нас предупреждала твоя Терзалия, ох, не зря. Интересно, кто командует всеми этими мелкими грызунами?

— Кто бы ни командовал — дела плохи. Как ты думаешь, что с нами будет?

— О! Возможны самые разные варианты. — Григорий с минуту помолчал, словно прислушивался к далекому гулу двигателей, и добавил: — Многое будет зависеть от нашей сообразительности и от того, куда и к кому, мы попадем. Пока нас не уничтожили, а это уже,

хотелось бы верить, внушает определенные надежды... А вот почему нас не уничтожили — над этим стоит размыслить.

От рассуждений Григория меня стало знобить.

— Может, не будем на эту тему... — слабым, затухающим голосом попросил я штурмана.

— Нет, — сказал Григорий, — обязательно надо разобраться. Если исходить из логики событий — нас должны непременно ухлопать, или, выражаясь по научному, нейтрализовать. Мы свидетели, опасные свидетели, от которых надо либо избавляться, либо...

— Либо?

— Либо переманить на свою сторону. Мы еще живы. Выходит, мы еще нужны тем, кто устроил всю эту карусель. Отсюда, естественно, возникает другой вопрос: зачем, на кой леший, мы им понадобились? Ответов может быть несколько. Первый — мы потребовались кому-то в качестве специалистов.

— Отпадает, — сказал я осевшим голосом. — Вы специалисты, с этим согласен. А из меня какой специалист? Сомневаюсь, что кого-либо из разумных существ галактики могут заинтересовать мои познания в области фольклора и литературы ископаемой цивилизации липофигов, во всяком случае, до сих пор мне такие существа не встречались. Образование у меня, как вы знаете, Гриша, высшее — университет. Сами понимаете, никакого практического применения ему не найти. Что касается моих технических познаний — дальше вождения автомобиля и бытовой работотехники дело не пошло. Как видите, особой ценности мой интеллект для похитивших звездолет не представляет...

— Как знать... Как знать... Тебя, Тимофей, могли и не брать в расчет. Впрочем, не исключено, что со-

ртировку проведут на месте, на той планете, куда нас везут. Так сказать, ценные экземпляры в одну сторону, малоценные — в другую...

— Это почему? Безобразие! — возмутился я. — Все люди равны!

— Помолчи, Тимофей! Не опережай события! Думаю, не так уж безрадостны наши перспективы. Видишь ли, электронный мозг звездолета настроен на прием команд экипажа. Чужакам он не подчиняется. Поэтому они сразу после нападения отключили всю нашу кибернетику и управляют кораблем вручную. Мы все им понадобимся хотя бы для того, чтобы потом деблокировать автоматику, ведь электронное оборудование "Звездного орла" кое-чего стоит. Кстати, перегрузку ощущаешь, тяжесть, головную боль?

— Ощущаю.

— То-то и оно. Корабль маневрирует с двойным ускорением. Управлять в таком режиме звездолетом способен только автомат, причем чужой автомат. Отсюда вывод: среди напавших людей нет.

— К каким еще выводам, Григорий, ты пришел?

— Похоже, за нами давно велась охота.

— С чего ты взял?

— Это элементарно, "Звездный орел" — не тот кораблик, из-за которого стоило идти на риск, готовить нападение, ловушки. Этих космических пиратов, конечно, притягивал наш груз...

— Груз? — Я вспомнил странные вопросы Терзалии о грузах "Звездного орла".

— Да, в этот рейс у нас очень редкий и ценный груз. Мы везем саворбов.

— А это еще что за звери?

— Разве ты не слышал о них? Ох, дремучий же ты,

Тима. Сколько было шуму, споров, когда начали создавать первые модели этих кибернетических устройств...

— А... Кибера? Я почти не интересовался на Земле кибернетикой. Древняя наука. Сейчас больше в моде телеэквилибристика, бюрократистика и иррациональная гастрономия.

— У... Ясно. Молчи и слушай! Саворбы — это самовоспроизводящиеся роботы, по сути, каждый саворб — небольшой компактный завод, способный изготавливать из природных материалов любых твердых планет различные кибернетические устройства и продукты — от тяжелых промышленных роботов и самих саворбов до различных технических инструментов, приборов и синтетических колбас. Конечно, для каждого вида продукции нужна своя программа, свой класс саворбов. Очень многое в эксплуатации этих кибера пока зависит от специалистов, которые с ними работают, от их таланта, способностей. Саворбы — самая современная техника, созданная для быстрейшего освоения планет дальнего космоса. Это, практически, индустрия осваиваемой планеты в зародыше, это будущие миллионы обычных роботов и автоматов, машин и заводов. И еще — это чудовищная сила, которая может причинить и огромный вред людям, если попадет в лапы агрессивных и одержимых манией власти существ. Все зависит от программы, которую закладывают в саворб. Ведь можно создавать не только роботов-строителей, но и построить заводы, на которых будут выпускаться роботы-солдаты. Развив технику на какой-нибудь отдаленной, затерянной на краю галактики планете, можно построить сотни и тысячи звездолетов. Потом эти звездолеты можно оборудовать соответствующим образом, вооружить гравитационными и лучевыми пушками —

превратить их из мирных транспортных средств в боевые корабли. Теперь осознаешь, что может случиться?

— Да, — вздохнул я. — Кажется, пахнет крупным межгалактическим хулиганством. Ты прав, "Звездный орел" с таким грузом просто лакомый кусочек для каких-нибудь мегафюреров. Правда, до последних событий я, признаться, сомневался в их существовании.

— Ну, стариk, ты меня удивляешь, — сказал Григорий. — Формы жизни столь разнообразны. В нашей любимой Вселенной всегда найдется уголок с благоприятными условиями для возникновения и развития какой-нибудь глупости. Так что дремать не приходится.

Мы замолчали.

Я думал о Терзалии, вспоминал подробности беседы с ней и ее рассказ о художнике, погнавшемся за легким заработка. "Выходит, — думал я, — и нам не удалось захлопнуть дверь перед носом серого человека. И этот серый, или это серое, подмял меня, капитана Прохора, Григория... Захватил звездолет... А что произойдет с нами завтра, послезавтра? Что будет с нами на той планете, куда нас везут? Выходит, мы проиграли еще до начала игры..."

— Что, приятель, приуныл? — спросил Григорий. — Мы еще побарахтаемся. Пока живы, не все потеряно. Я еще, например, хочу испортить нашим врагам настроение. А как у тебя, Тима, такого желания не появилось?

— Одного желания маловато.

— Это верно, поэтому будем действовать! — Григорий немного помолчал, словно прикидывая, как именно мы будем действовать, и очень непоследовательно уточнил: — Конечно, при таком ускорении не развернешься, активно сопротивляться насилию будем потом, при более благоприятных условиях. А пока будем

отлеживаться — копить силы для решающего контрдара. Степан вот правильно делает — отсыпается...

Григорий замолчал.

Я хотел было хоть что-нибудь сказать в ответ на его рассуждения, спросить, о каких благоприятных условиях он мечтает? Будут ли они? Можно ли сопротивляться активно в нашем положении? Или это уже бред надломленного сознания? И тут ужасная мысль пронзила меня. Я вспомнил предостережения Терзалии, вспомнил рассказ Степана о специфике условий на планете Арис и вдруг отчетливо осознал, что все мы попали в чье-то литературное произведение, в чей-то фантастический или приключенческий сюжет! И я, о, ужасное ощущение, почувствовал себя вдруг литературным героем. Героем, который полностью зависит от воли и воображения какого-то неизвестного автора. Все во мне запротестовало. Нет! Я хочу сам распоряжаться своей судьбой, своими поступками, своими привязанностями! Наконец, своей любовью к Терзалии! Или эта любовь была кем-то уже запрограммирована, выдумана и привита мне? Не хочу, не желаю, не верю! В конце концов, мы живые люди! Надо бороться, ломать заданный кем-то сюжет! Надо искать свое решение! Хотелось кричать обо всем этом, но я не сказал ни единого слова. Язык мой набух, отяжелел и даже дышать стало трудно. "Вот и поборолись, — лениво подумал я, — самообман один".

В висках билась сгустившаяся кровь. Перед глазами из тьмы стали выплывать один за другим оранжевые, зеленые и голубые круги. И появилось жуткое ощущение своей мизерности, игрушечности, какой-то даже микроскопичности. Тело мое и сознание вдруг сжалось до размеров бусины, пылинки, стали меньше во

много раз самой маленькой кибернетической мыши из тех, что напали на звездолет, и я почувствовал, что проваливаюсь, сползаю, падаю в черную бесконечную и бездонную пропасть.

Долго ли я падал во тьму? Не знаю. Сознание вернулось вместе с ощущением необычайной легкости и тишины вокруг.

Наверное, я застонал, заметался, словом, как-то дал понять окружающим, что очухался. И откуда-то с другого конца бесконечности, и тьмы донесся далекий голос Григория:

— Студент... Живой? Это у тебя с непривычки...
Перегрузочки, они не сахар...

Голос штурмана все приближался, нарастал и вот уже громыхает совсем рядом, близко, над самым ухом.

Постепенно я начал различать и другие звуки: Постанывание капитана, жалобное мяуканье кота Василия, сонное сопение Степана... Я возвращался в мир звуков, в чернильную, бархатную темноту запертого помещения, но чего-то не было, не хватало в этом возвращенном мире. Отсутствовало нечто важное, привычное, что-то очень существенное, от чего, я чувствовал, зависела и моя дальнейшая судьба.

— Лежи, студент, лежи, отдыхай! — говорил Григорий. — Похоже, приехали. Чувствуешь?

И я почувствовал, осознал — не слышно гула двигателей звездолета. Реакторы "Звездного орла" отключены. Исчезла тяжесть. Пропало ощущение стремительного падения. Мир вокруг стал непривычно устойчив.

— Где мы? — тихо спросил я.

— Кажется, сели на какую-то планету, — ответил Григорий. — А вот на какую планету — это вопрос.

— И давно сели?

— Не знаю, мне так уже чудится, что сидим здесь целую вечность, — штурман помолчал и добавил: — А возможно, и будем сидеть вечно...

— Это ты, Гриша, зря, — послышался из темноты голос Степана, — на планете мы не больше трех часов.

— Э! Так ты не спиши? — обрадовался Григорий. — А я думал, что вам с капитаном такую дозу сноторвного эти мышки-норушки вогнали, что вы без посторонней помощи не проснетесь.

— Вот еще! — обиделся Степан, — Я вашу болтовню уже давно слушаю. Попались мы, конечно, основательно. Как там капитан? Надо бы расшевелить Прохора. Если ранен — перебинтовать. У меня в кармане был кусок пластиря. От рубашек можно полоску оторвать. Его вроде сильно задело. Если способны уже двигаться — ползите к капитану. Слышите?

— Слышим, — ответил я, с трудом усаживаясь и разминая затекшие руки и ноги, — сейчас все сделаем...

Григорий тоже зашевелился, засопел, наверное, пытаясь подняться на ноги, и в это время послышались скрежещущие звуки, топот бегущих роботов и, наконец, тяжелые, гулкие шаги в ближайшем к нам коридорчике. Округлая герметичная дверца комнаты распахнулась. Я зажмурился — глаза уже успели отвыкнуть от нормального дневного света и сияние люминесцентных ламп оказалось нестерпимым.

— Сплошное издевательство над нашей изнеженной психикой, — ворчливо пробормотал Степан, недовольно прищуриваясь, — свинство, так сказать, в космическом масштабе. Если так дальше пойдет, мои бедные, издерганные долгими скитаниями по галактике нервы просто не выдержат. Надо иметь совершенно

лошадиную психологию, чтобы терпеть подобные выкруtasы... И вообще... Даже наш Филимон...

Степану так и не удалось закончить фразу про Филимона. Послышались команды: "В две колонны стройся!", "Вперед!" В коридорчике перед дверцей возникла какая-то сумятица, неразбериха. На мгновение все стихло, и вдруг дружный топот потряс пластиковый паркет гимнастической комнаты.

Во мне все сразу задрожало...

Гаава 11

В комнату ввалилось с десяток роботов и четверо коренастых парней в легких скафандрах защитного цвета, с автоматами и карабинами в руках. За ними следом вошел дородный, розовощекий мужчина невысокого роста, лет пятидесяти. Одет он был в совершенно шикарный голубой мундир, расшитый золотом и увешанный многочисленными знаками отличия, орденами, медалями и рубиновыми и изумрудными звездами. Громыхая хорошо подкованными, сверкающими черной лакировкой сапогами, он стянул с головы треугольную шляпу, передал ее одному из своих подручных, затем, неторопливо расправив гусарские усы, достал из кармана белоснежный кружевной платок и, лучезарно улыбнувшись, вытер вспотевший лоб и залисины:

— Господа! Примите мои нижайшие извинения! — радостно объявил он. — Произошло досадное недоразумение. Вас задержали по ошибке. Мы тут, понимаете ли, в состоянии войны с некоторой близлежащей частью вселенной находимся. Ну, то да се! — офицер

растерянно развел руками. — Словом, вас приняли за других... Досадная оплошность компьютера. Бывает! Мы только сейчас из документов в рубке звездолета узнали, что корабль приписан к космодрому Земли! Земля! О! Ля! Ля! Всю жизнь мечтал посетить эту легендарную планету! Словом, сердечно рад! Все, ни слова! Вы наши гости! Почетные гости! Друзья! Рад! Рад приветствовать вас на планете Сверба! Поверьте, вы не пожалеете о том, что шалунья судьба забросила вас к нам! Дни, проведенные на Свербе, останутся, уверен в этом, для вас незабываемыми! Да! Да! Свербиты — самый гостеприимный народ во вселенной! Наш закон гласит: умри, но обслужи клиента, то бишь гостя...

Мы переглянулись. Признаться, в первые мгновения я мало что понял из речи коротышки. Григорий усмехнулся и пожал плечами.

— Идиотизм какой-то, — тихо пробормотал он.

А Степан, очевидно, самый дипломатичный из нас, доброжелательно улыбнулся и сказал:

— У нас раненый... Э... Простите, не знаю вашего титула и имени. Нужна помощь.

— Ах! Ах! Извините великодушно. Совсем забыл представиться. Бонапарт Цезарь Октавиан Нивс, генерал от кибернерии, кавалер изумрудной и рубиновой звезд, заслуженный волкодав республики! Для друзей просто Бони. Прошу называть только так. Имею честь быть! — генерал щелкнул каблуками и с громким сопением вновь полез в карман за носовым платком. — Да, други мои разлюбезные, прошу без церемоний, по-просту, по-солдатски, мы народ простой, зовите меня Бони. А сейчас прошу собрать вещички, самое необходимое! Вы наши гости! Я повезу вас в нашу столицу. Гостеприимство — наш закон. Умри сам, но... Впро-

чем, я уже говорил об этом... Жду вас в своей машине. Мои ребятишки вам помогут. Защитные скафандры надевать не обязательно, Климат у нас благоприятный. Каждому пять минут на сборы — и в дорогу!

Мы не стали дожидаться еще одного приглашения — очень уж нервно как-то задержалось дуло гравикара-бина в лапах у одного из подручных генерала.

Под конвоем двух роботов и одного из "ребятишек", я прошел в свою каюту. Машинально, с каким-то тупым автоматизмом движений побросал под внимательными взглядами роботов и конвойного в наплечную сумку аптечку с медикаментами, кое-какие предметы туалета. Вспомнил о талисмане Терзалии и осмотрел столик у кровати — куколки нигде не было, лишь у самого края столешницы лежала пустая упаковочная коробка.

— Живей! — рявкнул конвойный, заметив, что я мешкаю, и выразительно указал дулом карабина в сторону двери. С разрекламированным свербским гостеприимством все это как-то мало сочеталось, но удивляться местным манерам было некогда, и я понуро побрел в коридор, где меня уже поджидали Степан и Григорий. Здесь же, на носилках, которые держали два серых робота, лежал капитан Прохор и безмятежно похрапывал. Лицо капитана до бровей было залеплено лейкопластырем...

Нас повели к выходу из звездолета. Уже у самой шлюзовой камеры я услышал под ногами обиженное мяуканье, нагнулся и подобрал кота Василия. Я вспомнил доброе старое время, рассказы капитана о своем любимце и хотя отлично понимал, что нам, пожалуй, придется испытать опасностей больше, чем коту, расстегнул молнию комбинезона и посадил Ваську за па-

зуху. Кот немного повертелся, устраиваясь поудобнее, пару раз удовлетворенно мяукнул и затих.

На смотровой площадке в лицо ударил холодный ветер. Дышалось относительно свободно, из чего я сделал вывод, что с кислородом на этой планете все обстоит благополучно.

Над багрово-коричневой, с белыми пятнами, каменистой местностью, изрезанной черными трещинами и ущельями, возвышались нагромождения красно-черных глыб, торчали острые скалы, а вдали, где-то у горизонта, стояли вокруг цепью белоснежные горы.

В тусклом желтоватом небе плыли облака, низкие, тяжелые, изорванные, какого-то странного серо-желтого цвета.

Около звездолета стояло с десяток крупных грузовых вездеходов, бегали серые фигуры с автоматами и сутилось десятка три роботов. Все увиденное привело меня в совершеннейшее уныние. Впрочем, внимательно осмотреть окружающие пейзажи не удалось.

— Сюда, мои любимые! Ко мне, мои драгоценные! Сверба ждет вас! — замахал нам руками в белых перчатках генерал Нивс. И мы, аккуратно подпихиваемые сзади дулами карабинов, уже через две минуты оказались в салоне роскошного генеральского вездехода. На почти воздушных креслах из эфилона были наброшены львиные и тигриные шкуры. И мы, откинувшись на спинки кресел, с наслаждением вытянули ноги и расстегнули молнии комбинезонов.

По потолку машины заиграла светомузыка, из динамиков послышались звуки ноктюрнов Шопена, а на встроенным в панель управления полуметровом экране видеомагнитофона почти голая красавица-блондинка, с очень неплохой фигурой, стала умирать в объятиях

юного усача в голубом мундире. Слышались страстные охи и вздохи.

Генерал Нивс дружески нам улыбнулся, закрутил усы, включил кондиционеры и приказал водителю:

— Трогай! Я полагаю, — сказал Нивс, обращаясь к нам, — эта поездка будет во всех отношениях приятна для вас. Позвольте, я буду вашим гидом. Сейчас мы проедем перевал и спустимся с гор в долину. Космодром наш, как вы изволили заметить, высоко расположен над уровнем моря. Здесь холодновато, а внизу у нас рай! Овощи, фрукты, цветы — сплошное благоухание! Впрочем, сами убедитесь. О! Я вижу, наш неосторожный друг открыл глаза!

Последняя фраза генерала относилась к капитану Прохору, который и в самом деле проснулся и озабоченно заворочался на сиденье. Взгляд его широко раскрытых глаз нервно метался по вспыхивающим разноцветным лампам на потолке салона. Булкин пугливо косился в сторону телевизора и застенчиво помаргивал в самых пикантных местах... Разбитые губы капитана едва шевелились. Мне послышалось, что Прохор бормочет какие-то ругательства...

Между тем генерал Нивс, ничуть не смущаясь нашим несколько растерянным состоянием и бледным видом, продолжал расписывать все прелести местной фауны и флоры. Оживленно толковал о специфике местных условий, о прогрессивности и высокой миссии цивилизации Свербы, о превосходстве свербитов, физическом и психическом, над другими народами и цивилизациями галактики. Он выражал абсолютную уверенность в конечной победе свербитов над всеми своими врагами, как скрытыми, так и явными, как внутренними, так и внешними. Клялся в преданности и го-

рячей любви к правительству планеты и убеждал нас, что нигде во вселенной не существует такого гуманного и высокоморального общества, как на планете Сверба, гостями которой мы имеем честь быть. И вообще, убеждал нас Нивс, интересы Свербы превыше всего. Погибать за них — одно удовольствие...

Мы терпеливо выслушивали всю эту трескучую болтовню новоявленного Бонапарта и размышляли об уготованной нам судьбе. Мысли, самые мрачные и безысходные, томились в наших головах.

Впрочем, кое-какую полезную информацию из болтовни генерала извлечь удалось.

На Свербу первые поселенцы прилетели с планеты Арис еще в незапамятные времена. Сопоставив рассуждения Нивса с рассказами Терзалии, я пришел к мысли, что, вероятно, свербяне или свербиты, что одно и то же, — плод чьей-то нездоровой мрачной фантазии и местных условий, этакий затейливый гибрид реальности и кошмара.

Во главе правительства планеты стоит громых-майстер Хапс Двадцать девятый Дробь Один, по утверждению генерала Нивса, личность незаурядного темперамента, всеобщий благодетель, отец народа... Существует всепланетный парламент, в котором представлены три главные официальные силы общества Свербы:

правительственная партия (или, как ее называют: Партия Всеобщего Процветания), оппозиционная (или Партия Умеренных Вздохов и Нежных Чувств) и так называемая партия "Молчаливое Серое Большинство". Все программные различия между первыми двумя группировками сводились к количественным установкам. Так правительственная партия собиралась, защи-

щая интересы Свербы, завоевать ни больше, ни меньше как весь окружающий сектор галактики и устремиться дальше. Оппозиционная партия ограничивала свои притязания планетой Арис и десятком средних планет близлежащей системы звезд. Молчаливое же серое большинство никакой определенной программы завоеваний не имело и всегда руководствовалось двумя девизами в своей политике. Первый девиз — "Когда нам хорошо — мы молчим", второй девиз — "Мы молчим — поэтому нам хорошо". Как правило, "молчаливые серые" присоединялись к партии, стоящей у власти, и всегда входили в правительенную коалицию. Были в социальной организации общества Свербы и другие странности, так громыхмейстер планеты, он же учредитель и вдохновитель правящей партии, одновременно считался и лидером оппозиции, а также избирался пожизненно почетным опекуном и меценатом партии "Молчаливое Серое Большинство". Такое совмещение постов и титулов громыхмейстера необходимо было, по мнению генерала Нивса, для сохранения единства населения Свербы перед военной угрозой с Арис. Впрочем, в чем заключалась угроза с Арис — Нивс так и не смог нам растолковать, хотя в существование самой угрозы генерал верил свято.

Капитан Прохор попытался выяснить, какова же численность населения Свербы, но на прямой вопрос генерал отвечать отказался, заметив, что если мы не желаем осложнений и обвинений в шпионаже, лучше об этом не спрашивать. На хитроумные же наводящие вопросы капитана Нивс не попался и сообщил довольно противоречивые цифры. Один раз он заявил, что у Свербы почти сто двадцать миллионов стопроцентных граждан. Во второй раз, возможно, забывшиесь, сказал,

что на Свербе уже двести миллионов жителей, а в третий раз по поводу возможного вторжения с планеты Арис заметил очень убежденно, что все свербиты — все тридцать три миллиона одиннадцать тысяч двести двадцать шесть человек — геройски умрут за своего громыхмейстера и жизненные интересы Свербы.

— Если все умрут, то в чем же тогда заключаются жизненные интересы? — удивился Степан.

Генерал несколько смущился, проворчал что-то о непонимании инопланетянами души истинного свербита — и оставшуюся часть пути до столицы мы ехали молча.

Столица Свербы — город Кротон — почти ничем не отличалась от крупных индустримальных городов стандартного типа и не произвела на нас особого впечатления. Пальмы, клумбы с цветочками, двухэтажные каменные особняки — каждый обнесен высокой кирпичной оградой с железными решетками и колючей проволокой. Это в состоятельных кварталах. Попадались и трущобы, полуразвалившиеся сараи, крошечные одноэтажные домишкы барабанного типа, землянки, окруженные многочисленными помойками, свалками, вонючими, черными сточными канавами... Ближе к центру столицы возвышались многоэтажные гигантские здания из железобетонных конструкций. Словом, оригинальностью архитектуры столица Свербы не баловала. Одно из сооружений в центре города, достаточно крупное, но не очень высокое — этажей в семь-восемь — оказалось дворцом самого громыхмейстера планеты. Издали дворец напоминал нечто среднее между развалинами Колизея и старой полуразрушенной водонапорной башней, сложен он был из крупных, грубо отесанных глыб. На площади перед

дворцом возвышалась гигантская, метров тридцать в высоту, ржавая статуя человека в скафандре с поднятым к носу кулаком. Нивс жизнерадостно сообщил, что это памятник первому громдыhmейстеру планеты...

Нас провели во дворец, где после утомительного двухчасового сидения в приемных покоях мы попали все же в парадный зал, где и имели счастье лицезреть самого Хапса Двадцать девятого Дробь Один.

Глава 12

Громдыhmейстер — высокий, поджарый мужчина лет сорока с квадратной челюстью и маленькими горящими глазками — весь сиял золотыми аксельбантами, эполетами, неимоверным числом медалей, орденов, различных бриллиантовых, изумрудных, рубиновых звезд, крестов и ромбов. От наград и отличий на его белоснежном, шитом золотом мундире буквально живого места не было и поэтому владыка Свербы напомнил мне породистого дога, победителя собачьей выставки, увешанного связками медалей за экстерьер.

Сходство это усугублялось и его окружением — среди придворных громдыhmейстера явственно проступали черты борзых, пуделей, болонок и карликовых терьеров.

Хапс Двадцать девятый и в самом деле оказался личностью незаурядного темперамента. После того, как генерал Нивс объяснил Его Совершенству (к громдыhmейстеру все присутствующие обращались только так), кто мы такие, Хапс подскочил на троне, точно ошпаренный, и, дико жестикулируя, поспешил объявить нам, что хотя нападение на "Звездный орел" и было

досадной случайностью, ошибкой, захват звездолета и наше дружественное пребывание в столице и во дворце определяются высшими стратегическими и политическими интересами Свербы. И громыхмейстер тут же весьма недвусмысленно намекнул нам, что, хотя мы и гости Свербы и жизнь нам сохранили, в любую секунду, если мы не оправдаем возложенного на нас высочайшего доверия, наша судьба может перемениться, ибо у каждой головы есть шея, а на каждую шею своя веревка припасена...

— Да! Да! Этого требуют интересы планеты! — кричал Хапс, размахивая кулаками и гремя медалями. — Вы должны оправдать, быть достойными нашей великой милости, нашего, столь драгоценного, великодушия! Служите Свербе — и да будете вознаграждены! — тут громыхмейстер пробежался перед нами и почти тихо, с какими-то скулящими интонациями в голосе, добавил: — Будете верно служить — получите по домику в столице и все удобства: вездеход, огород, бутерброд! — После этих слов все в зале одобрительно захихикали и захлопали в ладоши. Заметив, что из нас никто не улыбнулся, Хапс пояснил: — Это у меня шутка такая. Переходите к нам на службу — и у вас будет все, чего пожелаете, и, возможно, даже немного больше! Вы ведь специалисты. Вы поможете нам! Планете необходимы роботы! Крайне нужны боевые звездолеты! Требуются кибернетические солдаты! Оружие! Для изготовления всего этого нам необходимы ваши саворбы! Вы поможете... Мы победим! Грызи!

И все собравшиеся в зале придворные дружно рявкнули:

— Грызи!

Признаться, мы были здорово ошарашены таким

беззастенчивым натиском и всем происходящим, а от последнего боевого клича свербитов даже слегка зашатались.

Далее по случаю нашего счастливого прибытия на Свербу во дворце был ужин, на котором громыхмейстер произнес короткую получасовую зажигательную речь, еще раз обрисовал присутствующим заманчивые картины будущих завоеваний свербитов и провозгласил конечное торжество своей стратегии. Причем каждая пауза его речи заполнялась восторженным визгом собравшихся и криками: "Грызи!", "Дави!", "В порошок!" и им подобными.

Капитан Прохор в коротком ответном слове вежливо поблагодарил Его Совершенство за оказанное нам гостеприимство и выразил слабую надежду, что нам и далее будет позволено оставаться в живых. Хапс Двадцать девятый благосклонно кивал головой, увенчанной бриллиантовой короной, и загадочно улыбался. Улыбка громыхмейстера, по мнению Григория, ничего хорошего нам не предвещала.

Приборы, расставленные на столах, — золотые и серебряные (в зависимости от ранга едоков) вилки, ложки и тарелки были снабжены аккуратными стальными цепочками и через чугунные кольца, вделанные в столешницы, были прикреплены амбарными замками к столам.

— Дабы не сперли и во избежание соблазна! — пояснил генерал Нивс, заметив наши удивленные взгляды. — Вкушайте, мои изумрудные! Свербское гостеприимство не знает границ. Только не пейте из кубков соседей по столу. Не советую!

Хотя мы и не собирались залезать вилками в чужие тарелки и пить из соседских кубков, Степа полюбопытствовал у заслуженного волкодава:

— Почему нельзя?

На это генерал, подняв вверх указательный палец левой руки — в правой он держал вилку с куском ветчины, — резонно заметил:

— Последствия могут быть непредсказуемыми. Его Совершенство очень не одобряет, когда начинают злоупотреблять свербским гостеприимством. И всегда зорко следит, чтобы гости не съели и не выпили чего-нибудь лишнего.

— Что ж, этикет надо соблюдать, — сказал Григорий.

И в это мгновение захрипел и повалился под стол, ловя воздух широко раскрытым ртом, один из придворных красавцев. К нему подскочили двое лакеев, подхватили под ручки и быстро утащили из зала.

— Что это с ним? — встревоженно спросил Степан.

— Не обращайте внимания, вино в его кубке оказалось отравлено, — спокойно пояснил Нивс, намазывая черную икорку на бутерброд. — Старинная традиция... Кавалер чем-то не угодил Его Совершенству. Обычное дело. Надеюсь, этот пустячок не испортит вам аппетита? Вот соусу извольте, други мои бриллиантовые, к грибочкам. Нь-ах! Вкус божественный. Навались, навались на гусятинку...

Однако наши аппетиты после такой преамбулы как-то сильно подувяли. У меня во рту даже появился привкус какой-то полынной горечи, и я даже, грешным делом, подумал, уж не подсыпали ли и мне какого-нибудь стрихнина в пюре...

Впрочем, пир во дворце шел своим чередом. Кавалеры флиртовали с дамами. Военные обсуждали тонкости каких-то стратегий. Каждые полчаса выносили очередного отравленного.

Громдыхмейстер находился в отличнейшем расположении духа и посматривал в нашу сторону вполне благосклонно. Однажды он даже приблизился к нам и предложил капитану Прохору выпить на брудершафт.

Булкин, однако, вовремя вспомнил совет заслуженного волкодава и со всей утонченностью и подобострастием, на которые был способен, отказался, сославшись на плохое пищеварение, гастриты и тому подобное.

Отказ ничуть не смутил Хапса, и он со сладчайшей улыбкой спросил:

— Как вы полагаете, господа, я достаточно коварен?

Мы поспешили заверить Его Совершенство, что в этом свойстве своей блестательной натуры он не уступает всем Медичи и Борджаи вместе взятым.

Сей комплимент Хапс воспринял с явным удовольствием и заметил, что подумывает над тем, не представить ли ему себя к очередному ордену...

И сразу все собравшиеся дружно заверещали, что давно, давно пора:

— В интересах Свербы совершенно необходимо, чтобы Его Совершенство получил этот новый орден!
— кричали офицеры.

— Да! Да! Остро необходимо! Без этого мы, свербиты, просто не можем двигаться по пути дальнейшего прогресса и завоеваний! — поддакивали им придворные дамы и министры.

Вкусив почти в полном объеме всех прелестей придворной и государственной жизни свербитов, мы были доставлены генералом в отель уже поздно вечером.

Нивс заявил, что завтра у нас насыщенная программа. Знаменитое свербское гостеприимство развернется перед нами в полную ширь. Экскурсии, приемы, посещения музеев... Нужно выспаться и набраться сил...

Глава 13

Когда за генералом захлопнулась дверь, капитан Прохор, насвистывая что-то очень мрачное, кажется, какой-то траурный марш, в задумчивости прошелся перед нами по комнате, поскреб, как обычно, загривок пятерней и с грустью объявил:

— Не знаю, как вам, ребята, а мне от всего этого свербского гостеприимства уже выть хочется. Судороги после нонешнего застолья ни у кого не начались?

— У меня что-то в печёнках покалывает... — прошептал я жалобно. — Вот здесь.

— Хм! Тимофей, вы слишком мнительны. Будем считать, что пока у нас все органы пищеварения функционируют нормально. Если поживем, то увидим, что день грядущий нам уготовил. А пока... — однако капитан не закончил фразы, а вдруг умолк на полуслове и, поманив нас к себе пальцем, осторожно, на цыпочках, приблизился к выходу из номера в коридор. Когда и мы подошли ближе и сгрудились за спиной капитана, он ткнул пальцем в темное, круглое оконце, аккуратно встроенное в центре полированной, богато изукрашенной медными задвижками и запорами двери и спросил:

— Что это такое?

Григорий, ни на минуту не задумываясь, щелкнул по темному окошечку пальцем и хмыкнул:

— Надо полагать, глазок для наблюдения за нами. Если судить по его внешнему виду, снабжен экраном ночного виденья. Поздравляю, капитан! Нас очень це-нят.

— Не будьте таким тщеславным, Гриша, — улыбнулся Степан, — когда нас вели по коридорам в эту чудную обитель, я заметил, что здесь у них все двери,

без исключений, благоустроены такими гляделками. Очевидно, чисто свербское любопытство и ничего более. Одна из местных традиций. Кстати, под потолком в туалетной комнате телекамеру заметили?

— Нет, не успели.

— Напрасно. Советую взглянуть. Очень грациозное сооружение. Они ее даже не потрудились замаскировать.

— М-да... — вздохнул Прохор. — Представляю, сколько вокруг нас понапихано подслушивающей аппаратуры. Что ж, считаю за благо прекратить все разговоры и, последовав совету генерала, хорошенько отоспаться. Надеюсь, что свербиты еще не научились просматривать наши сновидения.

— Напрасно, капитан, напрасно недооцениваете способности наших гостеприимных хозяев, — пробормотал Степан, неторопливо стягивая с себя комбинезон, — я лично собираюсь спать без сновидений. Будем брать пример с кота Василия. Вон он, бедняга, свернулся клубочком в кресле и — никаких кошмаров. Молодец — длиннохвостый, что тут скажешь...

И мы последовали совету Степы. Правда, совсем без кошмаров мне уснуть не удалось. Все мерещились роботы с лазерными карабинами, отправленные придворные кавалеры с посиневшими от удушья лицами, вытаращенными глазами и изумрудными звездами на розовых и голубых мундирах.

На следующее утро, сразу после завтрака, в номер ввалился генерал Нивс в сопровождении четырех адъютантов с самыми зверскими и безжалостными физиономиями. Мы вздрогнули от недобрых предчувствий, хотя подручные генерала и застыли скромно у дверей.

Сам же заслуженный волкодав, обворожительно улыбаясь, объявил нам, что пора собираться:

— Поторопитесь! Поторопитесь! Мои драгоценные! Сегодня очень торжественный день. Национальный праздник! Завершено наконец строительство Большой Новой тюрьмы! Грандиозное сооружение! На двести пятьдесят тысяч мест! По этому поводу намечены фейерверк и раздача бесплатных бутербродов на площади перед Главным казематом. Ожидается также краткий экскурсионный осмотр новой тюрьмы Его Совершенством. Будет и делегация от парламента. Ну, и вас пригласили как почетных гостей столицы...

— А что, посещение, гм, этого сказочного заведения для нас обязательно? — поинтересовался Степан. — Нельзя ли без этого? Есть ведь у вас, наверное, какие-то иные достопримечательности? Музеи разные, окаменелости...

— Как можно?! — Нивс даже поперхнулся, а его парадный, белоснежный мундир, казалось, порозовел от возмущения. — Как можно? Сам будет! Нет! Нет! Чтобы понять все величие замыслов и идеалов свербской цивилизации, просто необходимо каждому побывать в Большой Новой тюрьме! Каждому! Поверьте, об этом посещении вы будете вспоминать с величайшим восторгом! Поехали!

— Генерал, вы нас убедили, — миролюбиво сказал капитан, заметив, как сжали кулаки и напрягли бицепсы стоящие у дверей адъютанты. — Пошли, ребята! — Булкин потрепал за ушами кота Василия и посадил на подушку своей кровати. — Надеюсь, ему-то не нужно присутствовать на церемонии?

— Животное можете оставить в номере, — великодушно кивнул генерал.

Вскоре мы уже восседали в бронированном генеральском лимузине. Опять тихо играла музыка, крутились видеофильмы, а Нивс, поглядывая по сторонам, благородно рассуждал о грандиозной программе социальных преобразований, намеченной Его Совершенством и одобренной парламентом Свербы. Строительство широко разветвленной сети новых, благоустроенных тюрем и было одним из ключевых пунктов программы.

— Да! Да! Мои яхонтовые! — вещал генерал. — Хотя строительство новых тюрем еще и не встречает полного понимания в свербском народе, все истинные свербиты, как один, одобряют этот гуманный шаг в сторону всеобщего прогресса и процветания! Уже выдвинут лозунг: "Каждому преступнику — отдельную камеру со всеми удобствами!" Ну, разве не грандиозная задача? Ведь те обветшальные казематы, которые существуют на Свербе повсеместно, давно уже не справляются с наплывом заключенных и не удовлетворяют быстро растущий спрос. Наконец, это уже вчерашний день! Пора, давно пора подумать о нуждах наших заключенных! Надо расчистить дорогу новому: более совершенной технике дознания, более широкому ассортименту пыточного оборудования... Все эти клещи, тиски, дыбы — это хорошо, это проверено, это надежно, но... не будем закрывать глаза на то, что это вчерашний день свербской истории. Нужна механизация и автоматизация допросов! Пора подумать об облегчении труда палачей... Кстати, много в этом направлении уже сделано, — разгорячившийся Нивс обмахнулся платочком и промокнул лысинку.

— Да, конечно, — вежливо отозвался капитан, — мы видим, что ваши успехи в этой области замечательны и достойны подражания.

— Именно! Именно! Вон на пригорочке видите тринадцатиэтажный особнячок с золочеными решетками на окнах?

— Это тот, что черным деревянным забором и колючей проволокой обнесен? — уточнил Степан. — А вокруг клумбы с цветочками. Рошицы осиновые...

— Да. Да. Новый пансионат имени императора Калигулы. Последняя обитель престарелых надзирателей и работников пыточного труда.

— Как это трогательно, — сказал Григорий. — А там за лесочком что расположено? За чугунной оградой.

— О! Это наша гордость! Туда у нас еще будет экскурсия, если время позволит. Там мемориальный комплекс. Старое кладбище, усыпальницы первых громдыhmейстеров планеты. Монументы главным надзирателям Свербы. Это стоит посмотреть. Один восьмиметровый бронзовый памятник любимому палачу громдыhmейстера Гуго Криворылуому чего стоит — изумительное творение раннего свербского монументализма!

Мы проехали еще с километр по загородному шоссе, и Нивс, указывая пальцем вперед, воскликнул:

— А вот и она, голубушка! Наша законная гордость! Попробуйтесь! Большая Новая тюрьма! Разве не прекрасное сооружение?!

Нашим потрясенным взорам открылся правильный серый куб двухсотметровой высоты, сложенный из плохо отшлифованных гранитных блоков и обнесенный черной каменной стеной четырехметровой высоты, по зубчатому гребню которой были натянуты стальные провода и колючая проволока. По углам стены возвышались сравнительно невысокие бетонные

башенки, на которых прогуливались роботы-снайперы с автоматическими карабинами в руках.

Перед стеной со стороны шоссе были разбиты клумбы. Росли пышные кусты роз, каштаны и магнолии. На узеньких грядках вдоль дорожной канавы выращивались помидоры и огурцы.

Лимузин подъехал к главным воротам. Водитель предъявил пропуск офицеру охраны, и тяжелые металлические створки, на которых красовалась надпись: "Все для блага и процветания Свербы", раздвинулись. И мы въехали в просторный тюремный двор.

Там уже было полно разнаряженных придворных, чиновников и военных. С минуты на минуту ожидали вертолет с самим громдыhmейстером. Встречать Его Совершенство вышло и все тюремное начальство: надзиратели и надзирательницы в голубых и розовыхiformах — шорты, замшевые курточки, черные лаковые сапоги до колен, белые перчатки и береты в черную и розовую полоску.

Многие из собравшихся держали в руках букеты хризантем.

В небе появился сверкающий золотистый вертолет с гербами громдыhmейстера и серыми флагами Свербы по бортам. Толпа затрепетала. Опять мы услышали дружные крики: "Грызи!", "В порошок!", "Дави!". А когда из опустившегося вертолета по золоченому трапу на ковровую дорожку вышел сияющий Хапс, в воздух полетели береты и шляпки придворных дам, и дружное: "Слава отцу и благодетелю Свербы!" обрушилось на наши несчастные барабанные перепонки со всех сторон. Поднялась буря оваций.

Тюремный сводный оркестр из особо одаренных заключенных, обряженных в элегантные полосатые

фраки, заиграл что-то, кажется, из Моцарта. На глазах громыхмейстера и его телохранителей выступили слезы.

— Это великий день, — прошептал генерал Нивс, проделывая перед громыхмейстером реверанс и вытирая глаза шелковым платочком.

Главный надзиратель, пожилой, цветущий толстячок с благостной дежурной улыбочкой на устах и голубыми, почти ангельскими глазами помог Хапсу подняться по ступеням парадного входа и увлек Его Совершенство в недра серого здания.

Свита направилась следом. Последней из почетных гостей под своды обители справедливости вошла наша группа во главе с Нивсом. Как мы заметили, генерал был сильно взъярен.

Первое, что мы узрели в вестибюле, это почти полностью обнаженная мраморная статуя свербской Фемиды — дородная дама весьма развратного вида с безменом в левой руке и столовым тесаком в правой. На глазах у нее были, кажется, темные очки.

Нашей группе продемонстрировали несколько камер люкс для особо опасных государственных преступников. Роскошь всюду была, конечно, несусветная. Даже капитан Прохор, уж на что невозмутимый, был поражен.

— Надо же... — бормотал капитан. — Ну, двери из мореного дуба, никелированные задвижки и запоры, телеглазок — это я понимаю. Но холодильники в камерах, встроенные в стены бары с наборами вин и коньяков! Наконец, нары из сандалового дерева!

— Да! — тихо вторил ему Степан. — На меня, например, наиболее сильное впечатление произвела параша, покрытая слоем сусального золота и инкрусти-

рованная янтарем. Это уже, по-моему, верх идиотизма. Вы не находите, Тимофей?

— С какой стороны на это посмотреть... — бормотал я в ответ, оторопело оглядывая все великолепие, показываемых нам камер. — На меня, Степа, большее впечатление, пожалуй, произвели сами надзиратели. Как они вежливы, предупредительны, образованы. Подумать только, одни из них читают в подлинниках Платона, Конфуция и Толстого, а другие наслаждаются музыкой Баха, Бетховена и Генделя.

— Это что! — поделился свежими впечатлениями Григорий. — У них тут в пыточном зале по стенам копии картин Рафаэля, Рембрандта развешаны. Есть не-плохие работы импрессионистов. Целый музей! И как должно быть приятно заключенным во время допросов с пристрастием, когда со стен на их муки смотрят распятый Христос или, допустим, какая-нибудь мадонна с младенцем.

— Да, молодые люди, — сказал генерал Нивс, — посидеть в таких камерах, как эти, об этом можно только мечтать. Великий гуманизм Свербы проявляется во всем. Даже в замеченных вами мелочах. Вы еще не знаете о последнем достижении нашего гуманизма... — заслуженный волкодав многозначительно поднял указательный палец: — Согласно эдикту Его Совершенства Хапса Двадцать девятого Дробь Один громыхмейстра Свербы и окрестных планет от первого числа августа месяца прошлого года "смертная казнь на Свербе осуществляется отныне только под наркозом".

— Под общим наркозом или местного достаточно? — полюбопытствовал Степан и тут же получил сильный тычок в спину от капитана Прохора. Однако генерал не усмотрел в вопросе Степана насмешки и очень

обстоятельно начал рассказывать, какое это гуманное и великое нововведение.

— Теперь одного укола в зад достаточно, — объяснял Нивс, — преступник засыпает, и его без помех можно четвертовать сколько душе угодно. А что касается местного или общего наркоза, дебаты в парламенте об этом еще ведутся. Мнения сенаторы высказывают различные, но подавляющее большинство склоняется к тому, что, в целях экономии усыпляющих средств, местного наркоза должно быть, как говорят, за глаза.

— О! — поддакнул Григорий. — Вы правы, такое нововведение, конечно, является величайшим благодеянием со стороны громыхмейстера по отношению к своим врагам.

— Генерал, а обычные-то камеры будете нам, показывать? Или увиденного достаточно? — осторожно спросил я.

И получил в награду испепеляющий взгляд капитана.

— Что касается обычных камер, в данный момент они несколько переполнены свежими партиями заключенных, а посему, други мои бриллиантовые, вы посетите их в другой раз. Позднее. Каждому овощу — свое время, как любит повторять Его Совершенство. А на этом ваша экскурсия по Большой Новой тюрьме завершается.

И мы направились к выходу по многочисленным коридорам, каждый из которых начинался раздвижными железными решетками и заканчивался ими же... Однако шкатулка событий этого дня еще не была выпотрошена до дна, как замысловато выразился Степан.

Когда мы со слишком явными следами облегчения на физиономиях выбрались из недр великого архитек-

турного сооружения эпохи расцвета свербского гуманизма, во дворе тюрьмы уже были подготовлены все условия для возникновения стихийного, хорошо организованного митинга. Перед входом в Главный каземат возвышалось некое крепко сколоченное сооружение из хорошо обструганных досок, выкрашенных серой краской (цвет национального флага Свербы), — не то помост для рубки голов, не то сарай для хранения сельхозинвентаря. На крышу сооружения вели деревянные ступени, а вокруг весь двор был заполнен военными, придворными, горожанами, надзирателями, и отдельно, в стороночке, стояли заключенные в загончиках из составных железных клеток.

Капитан уже собирался обратиться к Нивсу за разъяснениями, как все наши недоумения были рассеяны. Из здания в сопровождении свиты вышел громыхмейстер и по деревянным ступенькам вспорхнул на крышу загадочного сооружения, а гвардейцы из роты охраны взяли помост в кольцо, и мы сообразили, что, перед нами типичная свербская трибуна и сейчас Его Совершенство произнесет одну из своих исторических, зажигательных речей.

И в самом деле, Хапс обвел соколиным взором шеренги выстроенных по росту придворных, сенаторов, горожан, отряды военных; одобрительно улыбнулся колонне надзирателей и заключенным (позднее от Нивса мы узнали, что от каждой камеры на встречу с громыхмейстером отбиралось по одному узнику, как правило, самого достойного и примерного поведения) и, одарив капитана Прохора и нас — все же гости некоторым образом — снисходительным кивком, начал:

— Любимые! Друзья! Подданные! Это великий день... Заложен еще один краеугольный камень в ба-

стион прогресса! Наши потомки! Они оценят... Все величие... Не всем дано понять всю глубину задуманных нами благодеяний! Каждый житель Свербы должен быть уверен в завтрашнем дне, должен помнить, что и для него всегда найдется местечко, пусть не в камере люкс, пусть в помещении попроще, но и его, если понадобится, не обойдут вниманием... Мы осуществим намеченные цели! Пусть это даже будет стоить жизни всем свербитам! Мы победим! Наша Бастилия, как ласково назвал в беседе со мной главный надзиратель свое любимое детище, устоит в любых катаклизмах! Да, устоит, потому что ее возводили руки свербитов с любовью и трепетностью, с чисто свербским, неподдельным энтузиазмом! Эта одна из первых ласточек высокого полета, которые принесут нам весну нашего могущества! Победа близка! Никакие козни врагов и предателей не остановят нас!

И Хапс говорил еще очень долго и очень зажигательно. И все присутствующие, и даже заключенные, мелодично позывывающие кандалами, дружно аплодировали, пристально посматривая на соседей и стараясь не отстать в проявлении свербского энтузиазма друг от друга.

Опять каждая очередная пауза в речи громыхмейстера заполнялась криками: "Грызи!", "Дави!", "В порошок!", возгласами: "Помрем, как один, но победим!" И все гремели и гремели бурные овации...

У нас, как наиболее неприспособленных к местным условиям, признаться, к концу митинга даже головы закружились от всего происходящего, и так захотелось куда-нибудь в тишину, в уют тюремных камер люкс... И так захотелось вздрогнуть на нарах из сандалового дерева, что Григорий, прикрыв рот ладошкой, стал

украдкой зевать. А капитан все пощипывал Степана и меня, когда замечал, что глаза наши сами собой закрываются:

— Степан! Тимофей! Держитесь! — шептал он нам.
— Главно, не уснуть! Пропадем... Как пить дать, пропадем!

Наконец Хапс закончил речь, очень терпеливо и с заметным удовлетворением выслушал семиминутные непрерывные рукоплескания и, раскланявшись на все четыре стороны, точно артист на арене цирка, сошел с трибуны в тень своих рослых телохранителей.

А на помост полезли один за другим с ответными речами: министры, придворные, генералы, главный надзиратель, парламентарии... Ничего нового, по сути, они не добавили к сказанному громыхмейстером, а варьировали на все лады отдельные абзацы и фразы из речи Его Совершенства. Поэтому нам запомнилось только выступление представителя от заключенных, бледного изможденного старичка лет шестидесяти, который со слезами на глазах поблагодарил любимого громыхмейстера за неустанную заботу о своих сирых заблудших овцах, за Большую Новую тюрьму. Старичок также заверил Его Совершенство, что он лично, как, впрочем, и все его соседи по камере, мечтает провести остаток своих дней только в этой прекрасной тюрьме, и нигде больше. И поэтому он-де собирается ходатайствовать перед Его Прохиндейством — главным судьей Свербы — о замене ему двадцатипятилетнего заключения пожизненным.

Эта коротенькая выразительная речь бедняги заключенного была встречена надзирателями и многими из собравшихся весьма сочувственно, ибо старичок числился последним в списке ораторов, попросивших слова.

И вот сводный тюремный оркестр и хор мальчиков (видимо, детишки надзирателей) исполнили национальный гимн Свербы. Музыка и слова просто божественные... Многие из собравшихся прослезились... Мне, правда, удалось запомнить только первые две строки:

Камня на камне не оставим...
В развалины и пепел обратим...

Все это рифмовалось с "победим!" Очень, знаете ли, впечатляюще...

Пением гимна церемония посещения Большой Новой тюрьмы для нас и закончилась. Правда, многие из придворных еще оставались во дворе тюрьмы в ожидании фейерверка и бесплатных бутербродов, но генерал Нивс сказал, что по его сведениям, бутерброды будут с синтетической ливерной колбасой и нам уже пора... На всех рассчитано не было...

Глава 14

На следующий день нас повезли осматривать Научный Центр Свербы, расположенный в одном из пригородов столицы.

Мы еще не совсем оправились от посещения Новой тюрьмы и чувствовали себя достаточно скверно. Ночь перед этим почти не спали. Я думал о Терзалии, о далекой Земле и уже не верил, что когда-либо выберусь с планеты Сверба. Капитан же со Степаном и Григорием просидели почти до утра за столом в номере и, переговариваясь азбукой Морзе, видимо, обсуждали возможные

пути к нашему спасению. Азбуки Морзе я не знал, но, судя по унылым физиономиям моих товарищёй, пришел к заключению, что дела наши плохи. Выхода пока никто из нас не видел...

По мере приближения к средоточию свербской премудрости, атмосфера учёности вокруг нас сгущалась, Все чаще по обочине шоссе мы имели счастье созерцать огромные деревянные щиты серого цвета с выскакиваниями громыхмейстера на околонаучные темы:

"Всю мощь духовного потенциала Свербы обрушим на головы наших врагов!"

"Если научная проблема не решается, тем хуже для нее!"

"Из законов природы следует открывать и изучать лишь те, что не противоречат интересам Свербского государства!"

"Если природа не отступает перед свербским гением, ее уничтожают!"

"История — это то, какими бы мы желали видеть себя в прошлом!"

"Истинный гуманизм отрицает жалость к врагам!"

"Цель всегда оправдывает средства, отпущенные на ее осуществление!"

Все эти и многие другие лозунги приятно будоражили наше воображение и пусть ненадолго, но отвлекали от мрачных мыслей.

Денек выдался теплый, солнечный. Здания Научного Центра утопали в зелени. На газонах кучерявились пальмы в кадушках. Росли кусты роз. Кусты крыжовника, смородины. Яблони, абрикосы. Тут же топоршились редкие разновидности кактуса марсианского — перед каждым растением поблескивали таблички с

латинскими и свербскими названиями. В искусственных прудах вдоль шоссе нежились полутораметровые аллигаторы, как сообщил Нивс, — любимые животные громды хмейстера. Шумели фонтаны.

Обилие институтов и количество сотрудников в них радовало глаз. То и дело нам попадались марширующие колонны научных сотрудников в академических плащах и шапочках, в пенсне и с фолиантами в сумках через плечо.

— Молодцы! — одобрительно приветствовал, генерал Нивс очередную колонну воинов науки. — Учатся ходить в ногу... Эх, если бы их еще научить мыслить в одном направлении, и синхронно. Впрочем, мыслить, это, пожалуй, лишнее. Итак слишком грамотные...

Наша экскурсия включала ознакомление с несколькими институтами Центра, встречи с апологетами свербской научной мысли и знакомство с некоторыми их разработками и идеями. Словом, очень увлекательная, по мнению Нивса, и обширная программа.

Среди различных мероприятий этого дня мне запомнилось посещение Института Неразрешимых проблем.

Седовласый, пухленький, очень представительный, директор этого учреждения долго водил нас по коридорам и лабораториям, объясняя, чем занимаются его сотрудники:

— Видите ли, коллеги, — говорил он доверительно, — тематика наших работ обширна! Неразрешимых проблем, на наше счастье, значительно больше, чем разрешимых! Самое же замечательное то, что раз они неразрешимые, их совсем и не нужно разрешать! Важно только не ошибиться и подобрать такую проблему, которая и в самом деле неразрешима. Иначе возможны огромные неприятности! У нас вот два года назад слу-

чился такой прискорбный казус: приняли нового сотрудника — молодого, крепкого парня, знаете, из тех, что кровь с молоком, бицепсы как у быка. Молодой специалист, грубо говоря. Плохого от него никто не ожидал... А он возьми и сдуру-то, не посоветовавшись со своим научным руководителем, и разрешил проблему, которую уже почти десять лет успешно не мог разрешить весь коллектив института! Нет, вам трудно, естественно, представить все последствия такого поступка. Этот стервец нашел решение проблемы за три недели и закрыл тему! Какой это был удар для нас! Для нашего бюджета! На разработку темы выделили из казны десять миллионов и семь из них уже было израсходовано! Постепенно, десятилетиями приближаясь к истине, мы бы получили на эту тематику из научного бюджета Свербы от нашего горячо любимого громыхмейстера еще миллионов пятьдесят, как минимум, и могли бы процветать, а тут какой-то гений закрывает проблему и лишает сотрудников уверенности в завтрашнем дне! Нет, конечно, поведение этого выскочки тут же обсудили на расширенном заседании ученого совета. Направили нашего гения на стажировку в терраиум, где один из любимых крокодилов Его Совершенства, разумеется, совершенно случайно откусил ему столь гениальную голову. Но это было уже позднее... — директор тяжело вздохнул.

Мы притихли. Задумались.

— А сейчас, профессор, если, конечно, не секрет, над чем трудятся ваши люди? — вежливо поинтересовался капитан, дипломатично обрывая затянувшуюся паузу и стараясь сгладить то мрачное впечатление, что осталось после жуткого рассказа директора.

— Какой секрет! — жизнерадостно отозвался ру-

ководитель института. — Мы ищем философский камень!

— Это что же, — почесал Прохор бороду, — способ превращения обычных камней в золото?

— Да. Именно. Тема, как изволите видеть, проверенная, практически неразрешимая! То, что нужно! Главное, все наши довольны. Недавно провели повышение окладов, ввели надбавки за незаменимость, за смелость мысли! Сотрудникам выплачиваем теперь только золотом...

— Вот как! Неужели есть успехи? — спросил Степан.

— А как же! А как же! Мы уже научились превращать золото, которое нам выделяют на эксперименты, в дорожную пыль и ветер, еще немного — и сумеем отладить обратную реакцию. Но для этого, понятно, потребуются дополнительные ассигнования. Полагаю, если министерство финансов, по заказу которого мы трудимся, согласится выделить нам еще миллионов пятьсот-шестьсот, дела пойдут.

— Потрясающе! — восхитился Григорий. — Деньги на ветер! И в таких количествах! Гениально! Примите наши поздравления...

Одно из учреждений Центра, в котором мы также побывали, называлось совсем грандиозно: "Институт Усовершенствования Законов Мироздания".

Как выяснилось в ходе экскурсии, в этом достопримечательном храме науки лучшие умы Свербы уже давно бились над возможностью как-то изменить или обойти фундаментальные законы природы. Особенно раздражал свербитов почему-то закон сохранения материи. Чего они с ним только не проделывали! Пыта-

лись переформулировать, ввести в него дополнительные коэффициенты, вывести нужные народу Свербы следствия и теоремы... Помогало плохо... Кто-то из профессоров предложил отменить закон сохранения, так сказать, в административном порядке! Нет такого закона — и все тут! Идея многим показалась заманчивой, и скоро будет рассматриваться парламентом Свербы.

Много еще диковинного и совершенно ни с чем не сообразного увидели мы в Свербском Научном Центре.

Пожалуй, наиболее сильное впечатление на всех нас, включая генерала Нивса, произвело изобретение профессора Хлюпеншлепа — доцента кафедры глубокомыслия Кротонского университета, заведующего кафедрой подводных течений свербской политики Национальной военной академии, действительного тайного советника, почетного члена Общества любимцев громыхмейстера. Сей высокоученый муж разработал для нужд свербской армии совершенно уникальное оружие — излучатель глупости. Оружие бескровное, вполнеозвучное эпохе расцвета свербского гуманизма, можно сказать, шедевр военной и технической мысли. Глупомет Хлюпеншлепа, как нежно величали это изобретение военные эксперты, должен был после полевых испытаний и некоторой доводки отдельных узлов и деталей поступить на вооружение армии Свербы в самое ближайшее время.

Громыхмейстер, по словам Нивса, одобрил в принципе идею Хлюпеншлепа и очень заинтересовался изобретением.

— Профессор! — сказал Хапс во время беседы с Хлюпеншлепом. — Если вы оправдаете мои надежды и дадите нашей непобедимой армии такие иэлучатели,

можете считать себя президентом Свербской академии и моим заместителем по научной части. Просите любые субсидии. Вы их получите! О! Как это будет прекрасно! Мы задавим всех своей глупостью! Любую армию сотрем в порошок! Никто и не пикнет! Ибо не придумано еще во вселенной более страшного оружия, чем направленный идиотизм! Грызи!

Естественно, вдохновленный такой могучей поддержкой, профессор дни и ночи не вылезал из лабораторий, и вот первая действующая модель излучателя, мощностью десять мегаидиотов в секунду, возвышалась перед нами в демонстрационном зале так называемого Пантеона Мудрости Свербского Научного Центра.

Глупомет представлял собой стационарную, довольно громоздкую установку с медным выдвижным распределителем. Сам профессор, находившийся рядом со своим созданием, очень подробно и популярно отвечал на все вопросы толпившихся вокруг любопытных:

— Принцип действия? Создается направленное излучение, воздействующее на мозговые центры и нервные окончания высших млекопитающих, к которым, как известно, относится и человек. Результат? При незначительных дозах облучения — замедленность реакций на внешние раздражители, сонное состояние. При более ощутимых дозах — тупость, полная апатия и пассивность. При больших дозах возникает устойчивое слабоумие и полнейший идиотизм. Радиус действия установки зависит от ее мощности и колеблется от пятисот метров для миниатюрных ручных глупометов до нескольких десятков километров в дивизионных глупометах, развернутых на армейских тягачах.

— Не отразится ли действие установки на способ-

ностях обслуживающего ее персонала? — поинтересовался Степан, внимательно рассматривавший все детали излучателя.

Хлюпеншлеп, очевидно, не ожидавший такого провокационного вопроса, с минуту озабоченно моргал, словно не мог взять в толк, о чём его спрашивают, наконец, просветленно улыбнулся: — Нет! Нет! Для наших воинов никаких вредных последствий при аккуратном обращении с излучателем не может быть! Исключено, разве что кто случайно попадет под поток излучения... Впрочем, сегодня вечером можете сами убедиться в эффективности и доброкачественности прибора. Я буду демонстрировать действие моего изобретения самому громыхмейстеру и членам военной коллегии. Приглашены также все министры, сенаторы, придворные и генералитет. В их присутствии будут поражены из глупомета три группы патриотов, выразивших желание принести свои мозги в жертву свербской науке. Вы увидите, так сказать, наших камикадзе! Естественно, нация их не забудет! Приглашаю и вас всех на это радостное и великое событие.

— Весьма признательны, — поблагодарил Хлюпеншлепа капитан, — но знаете, мы как-то не привыкли к таким зрелищам. Да и переутомились за эти дни.

И мы простились с уважаемым профессором...

И какое же это было счастье, что нам удалось избежать присутствия на этой демонстрации свербской глупости! Просто перст судьбы! Чудом, чудом избежали непоправимого!

Уже на следующий день по бледному и растерянному виду заслуженного волкодава, который, кстати, тоже не присутствовал на испытаниях глупомета, чувствовалось, что произошло нечто непредвиденное.

И действительно, из новостей, передаваемых по телевидению, и местных газет мы узнали, что во время демонстрирования боевых качеств своего излучателя Хлюпеншлеп чего-то недоучел, возможно, врожденной глупости многих из присутствующих в демонстрационном зале, и, потакая начальственным крикам собравшихся: "Давай! Давай! Сильней! Сильней! Поднажми!" — настолько раскалил свою установку, что полетели какие-то клапана, сорвало раструб, и все присутствующие а Пантеоне Мудрости подверглись неконтролируемому воздействию оглушителя.

По мнению журналистов оппозиционных газет, изрядно поглупели очень многие из придворных, академиков, министров, а также много военных, чиновников и сенаторов. Расценивалось случившееся чуть ли не как национальная трагедия, из чего мы заключили, что и сами журналисты не избежали общей участи всех находившихся в Пантеоне Мудрости.

Сообщалось, что и профессор Хлюленшлеп получил сильнейшую дозу глупости, впал в детство и в крайне тяжелом состоянии, граничащем с идиотизмом, был доставлен в тюремный госпиталь Научного Центра.

Причины аварии излучателя выясняются. Подозревается, что все это — происки экстремистов с Арис. Первые двадцать человек уже повешены. Начато официальное следствие.

Правда, газеты в один голос утверждали, что громыхмейстер почему-то не пострадал. То ли иммунитет у него к этому делу был, то ли, как говорится, для него все это семечки. Словом, крепкий организм! Впрочем, не исключено, что журналисты просто опустили щекотливую тему состояния здоровья Его Совершенства...

— Гм! — сказал Григорий, ознакомившись с этими новостями. — Теперь они за нас возьмутся.

— Почему же только теперь? — возразил Степан. — Нас давно уже обрабатывают в свербском стиле. С чего ты решил, что с сегодняшнего дня что-то изменится в нашей судьбе?

— Обязательно! А как же! Они тянули время всеми этими экскурсиями и светскими раутами, а сами разворовывали грузы с нашего звездолета. Пытались, я уверен в этом, освоить технологию производства савобров. И, возможно, уже освоили! Нас держат про запас — вдруг свои специалисты что-нибудь напутают в деталях, не справятся. А теперь и мы можем понадобиться! Свои-то гении свербские, если верить этим сообщениям в газетах, поди, все от слабоумия лечатся.

— Так уж и все? — с сомнением спросил капитан.
— Умных мерзавцев на Свербе, думаю, пока хватает. Другое дело, что каждый умен для себя. У них тут идет какая-то скрытая борьба. Все эти угрозы в адрес скрытых врагов и предателей что-то же означают... Если Хапс, желая быстрее использовать земную технику, начнет спешить, нас и в самом деле начнут трясти. Впрочем, не будем пока обсуждать эти опасные темы. Подождем немного — посмотрим, чем свербиты нас еще порадуют. Мне думается, если то, о чем написано в этих газетках, хоть отчасти справедливо, события не заставят себя долго ждать.

Капитан оказался прав и на этот раз, в чем мы убедились уже на следующий день, когда по телевидению Свербы имели удовольствие наблюдать выступление громдыхмейстера.

Сияющий, при всех регалиях, как будто даже помолодевший, Хапс в своей обычной зажигательной манере призвал всех жителей планеты к бдительности, к выявлению предателей и скрытых врагов. Затем поведал о наступлении на планете Сверба новой эпохи:

— Мы поразмыслили тут на досуге, посовещались с нашими министрами и пришли к выводу, что все у нас на планете хорошо, разумно, никаких особых проблем не существует. Нашиими усилиями воздвигнуто царство мудрости и справедливости, а посему, согласно нашему постановлению от сего числа сего месяца и сего года, приказываем считать, что Золотой Век во вверенных нашему попечению территориях и планетах уже наступил. А поскольку Золотой Век — есть осуществление всех наших чаяний и мечтаний, объявляю, что отныне всякие мечты моих подданных о чем бы то ни было вредны и будут рассматриваться как государственное преступление и подрыв основ! И второе, как следствие вышеизложенного, на рассмотрение парламента выносится эдикт: "О запрете на размышления". Связано это, мои дорогие, с тем, что слишком много развелось умников, рассуждающих на темы, о которых им рассуждать непозволительно. Согласно новому эдикту, всех уличенных в рассуждениях и размышленииах на темы, не связанные с их прямыми служебными обязанностями, предлагается пропускать через оглушилели великого профессора Хлюпеншлепа! И вообще, пора, давно пора разобраться в мыслях наших подданных и упорядочить их умственную деятельность. Нужно четко определить, кому какие мысли и в каком количестве позволительно иметь...

Хапс еще минут двадцать, путаясь в словах, излагал свою новую программу всеобщей идиотизации населения, учреждения табели об умственных рангах. А мы сидели перед экраном в номере отеля, слушали весь этот бред и размышляли о безнадежности своего положения. Перспективы впереди замаячили самые пакостные.

— Что ж, — вздохнув, сказал капитан Прохор, щелкая выключателем телевизора, — если судить по этой речи Его Совершенства, демонстрация изобретения Хлюпеншлепа в Пантеоне Мудрости не прошла для Хапса без последствий.

— Да, видимо, доза оказалась критической, — кивнул Григорий. — Боюсь, Хапс долго не протянет.

— Это мы долго не протянем! — проворчал Степан. — Надо что-то делать, пока нас на этой планете дураков не превратили в среднестатистических идиотов! Капитан, пока мы еще способны размышлять, надо как-то выкручиваться! Ведь пропадем! Придумайте какой-нибудь гениальный ход!

— Придумайте... Легко сказать, — насупился Прохор. — Конечно, обстановка осложняется, кто с этим спорит? Однако у меня появилась маленькая надежда на изменение нашей судьбы к лучшему. Ведь как только глупость Хапса станет для его приближенных очевидной, начнутся, думаю, волнения. Не все же его поданные такие отпетые дуралеи. Возможно, кто-нибудь из царедворцев попытается перехватить у спящего правителя власть. Вот тут бы нам не сплоховать, поманить их нашими саворбами и попытаться вырваться со Свербы... Если еще удача будет сопутствовать нам...

— Как? Как мы вырвемся? — спросил я.

— Там видно будет, — пожал плечами Григорий. — Капитан у нас мудрец. Главное, Тимофей, не дергайся раньше времени. Тебя ведь еще не загнали в оглушиль Хлюпеншлепа и не повесили. Значит, будем жить и мечтать, пока нам все это не запретили. Мужайтесь.

Глава 15

На этот раз генерал Нивс уже не улыбался и треуголку свою не снял, когда вошел к нам утром в номер.

— Быстро собирайтесь! — приказал он железным тоном. — Всех вас срочно требует к себе во дворец Его Совершенство!

— Что произошло, генерал? — спросил капитан.
— Мы еще не успели даже позавтракать. К чему такая спешка? Опять очередная экскурсия?

— Нет. Экскурсий больше не будет. Завтракать некогда! Нас ожидает громыхмейстер, а он долго ждать не любит!

— А... Конечно... Конечно... — Засуетился капитан. — Мы мигом.

Через три минуты мы уже катили во дворец. А еще через пятнадцать минут оказались перед троном Хапса.

Его Совершенство, одетый в ослепительный, расшитый золотом и серебром, усыпанный с головы до пят бриллиантами, изумрудами, рубинами и тысячами других драгоценных камней мундир и самодовольно выпятив вперед челюсть, восседал с закрытыми глазами.

Уже в самом дворце, перед входом в тронный зал, Нивс предупредил нас, чтобы ничему не удивлялись.

Оказывается, вчера вечером на заседании сената Хапсу, в ознаменование его величайших заслуг перед свербской цивилизацией, было присвоено звание супергенералиссимуса I ранга. Если учитывать, что, согласно официальным верованиям свербитов, супергенералиссимусом II ранга был господь Бог, то можно понять законную гордость Хапса — чин он отхватил

себе весьма солидный. Придворные вокруг трона трепетали.

У меня, признаться, тоже ползали по спине мурашки.

И вдруг Хапс открыл глаза, стукнул кулаком по подлокотнику трона и, обнаружив нашу группу в толпе придворных, уставился совершенно безумным взглядом на генерала Нивса и заорал:

— Почему? Почему они еще здесь? Повешу!

— Пощадите, — пролепетал заслуженный волкодав, падая на колени, — пощадите.

— Немедленно на полигон — и за работу! — орал Хапс, не обращая внимания на генерала. — Нельзя терять ни минуты! Сверба в опасности! Пусть немедленно отлаживают своих саворбов! Немедленно! Грызи!

Тут все придворные, конечно, дружно взревели свое:

— Грызи! Дави! В порошок!

А нас быстро вывели из зала и потащили куда-то по ступенькам дворцовой лестницы.

Когда мы выходили из дворца, случилось происшествие, чуть не стоившее жизни штурману Григорию.

Надо заметить, что события последних дней изрядно подрасшатали наши нервишки и, что называется, мы все были уже на пределе, а тут один из свербских чиновников, увидев, что мы выходим из дворца, вдруг шагнул нам навстречу и, подскочив к Григорию, шагавшему впереди, вскинул руку, сжатую в кулак, к самому носу штурмана и заорал:

— Свербит! Григорий вздрогнул от неожиданности, решил, очевидно, что его собираются бить, и с завидной быстротой сделал чиновнику подсечку и скрутил руки за спиной. Мы еще не успели сообразить, что произошло, как на штурмана набросилась охрана. По-

сле непродолжительного сопротивления нас повязали... Мысленно я уже готовился к вторичному посещению Большой Новой тюрьмы, на этот раз к экскурсии в обычные камеры... Однако подоспевший генерал Нивс успокоил охранников, показал им какие-то бумаги и очень оперативно замял инцидент. Уже в кабине вездехода по дороге на полигон заслуженный волкодав популярно объяснил нам, что встреченный нами чиновник не собирался нападать на штурмана, отнюдь, он всего лишь дружески поприветствовал Григория.

Оказывается, возглас "Свербит!" и кулак, приставленный к носу встречного, — всего лишь широко распространенное среди жителей Свербы дружественное приветствие, что-то вроде принятого на других планетах "Здравствуйте!" или "Как поживаете?". Сами же возглас и жест в совокупности переводятся, по словам генерала, как выражение крайней преданности громыхмейстеру и стремление положить жизнь, свою и встречного, за интересы Свербы.

Григорий после разъяснений генерала вяло оправдывался:

— Ведь нам никто не объяснил все эти причуды местной экзотики. С подобным приветствием мы сталкиваемся впервые. Тип этот подскочил ко мне, сует кулак чуть не в нос и кричит: "Свербит!" А я откуда знаю, что у него там свербит? Мне и размышлять-то было некогда. Теперь-то понимаю, что "свербит" в данном случае производное от названия планеты Сверба...

— Ты уж поосторожнее, Гриша, — успокаивал штурмана Прохор, — чужая цивилизация, с местными обычаями еще плохо знакомы... Глупостей наделать легко, а исправить их, сами знаете, не всегда удается.

Всю дорогу до полигона я размышлял о нашей судьбе и приходил к неутешительным выводам. Главное же, что мучило меня, — это непонятная пассивность моих товарищней. Признаться, от капитана я не ожидал такого олимпийского спокойствия. Ведь что ни говори, над нами на Свербе совершили одно насилие за другим: и запугивали, и уламывали, а теперь везли на какой-то полигон неизвестно с какой целью. Может, мы и живыми-то с этого полигона уже не выберемся, а Прохор благодушно дремлет на сиденьях... Я посмотревал на хмурые лица штурмана и кибернетика и не понимал, что же с нами происходит? Почему мы не протестуем, не боремся, а с какой-то овечьей покорностью судьбе потакаем идиотским замыслам различных громыхмейстеров и всяких нивсов? Уже ночью в домике, куда нас поместили, прислушиваясь к шагам часовьев за дверью, я тихо спросил капитана, что с нами будет, и высказал ему свои недоумения.

Булкин цыкнул на меня и посоветовал спать. Степан же, слышавший мои рассуждения, довольно резко заметил:

— В помещении отличная слышимость. Тимофей, не ломай голову над задачей, условия которой тебе неизвестны.

— А тебе, Степа, условия известны? — обиделся я.

Степан фыркнул:

— Естественно, всего я не знаю, но кое-какие предпосылки для оптимизма, по-моему, уже есть.

— Парни, на этой дурной планете слишком быстро темнеет. Завтра потребуется много сил — надо отдохнуть, отсыпаться, — примирительно сказал Григорий и подмигнул мне, предостерегающе помахав рукой. — Тимоша, не считай себя лучше других — это заблужде-

ние. И еще, старина, больше доверяй товарищам, ясно?

— Вполне... Но я хотел бы...

— Никаких но! — оборвал меня капитан. — Сколько повторять? Спать! А завтра будешь трудиться на благо Свербы и громыхмейстера — трудиться на совесть! И помни, у нас пока нет другого выхода! Все понял?

— Как не понять? Гасите свет... — проворчал я, кутаясь в одеяла.

И хотя, надо признаться, из разговора с друзьями я ничего нового не узнал, самочувствие мое немного улучшилось. Раз Степан разглядел в нашем безрадостном существовании какие-то проблески надежд, раз капитан и штурман его поддерживают, значит, еще не все потеряно. Со временем, видимо, что-то изменится к лучшему. Но что? Как нам удастся выкрутиться и вырваться со Свербы, как мы спасемся от всех этих заслуженных волкодавов и громыхмейстеров? Я себе этого не представлял.

Засыпал я в эту ночь с великими муками. И почти до утра меня мучили кошмары: то мне снилось, что я пишу прошение на имя Нивса о замене десятилетнего заключения в Большой Новой тюрьме на пожизненное, то чудилось, будто меня собираются четвертовать под местным наркозом, и я вздрогивал и просыпался в холодном поту, ощущая каждой клеточкой тела смертельный ужас...

Глава 16

На следующий день, утром, я впервые отчетливо рассмотрел место, где нам предстояло пребывать отныне. И, увы, осмотр полигона и его окрестностей

оптимизма мне не прибавил. Мы находились в самом центре обширного каменистого плато, стиснутого со всех сторон скалами, крутыми горными склонами и ущельями, на дне которых бушевали горные речки.

Пять приземистых каменных построек, десятка два развороченных контейнеров с деталями саворбов, две дюжины сонных молодцов с автоматами, сотня роботов, вездеход генерала Нивса, сам генерал и с ним трое спецов-кибернетиков из местных апологетов научной свербской мысли, да на далеких скалах серебристые пирамидки наблюдательных постов — вот, пожалуй, все, что хоть как-то оживляло пустынный пейзаж.

— Любуюешься? — спросил подошедший капитан.
— Да, местечко не из самых веселых. — Прохор внимательно осмотрел скалы и горные склоны, заметил наблюдательные пункты и ухмыльнулся: — Охраняют зорко. Удрать отсюда трудновато будет.

— А есть надежда? — встрепенулся я.

— Если хорошенъко поискать, надежда всегда найдется, — пробормотав эту фразу, капитан буркнул: — Пошли. На нас уже охрана косо смотрит. Надо помочь Степану.

И мы направились к контейнерам, у которых сутились роботы, переругивались с солдатами спецы генерала Нивса, а сам генерал, размахивая руками, подгонял роботов и своих подчиненных:

— Живей! Поторапливайтесь! Куда? Отставить!
Сюда тащи! Осторожнее! Уроните — повешу!

Степан с Григорием и свербскими кибернетиками сосредоточенно колдовали над узлами и блоками первого саворба.

Вскоре и мы с капитаном уже сортировали и перетаскивали детали, чистили от смазки кристаллы схем

и помогали Степану подключать узлы и закреплять механизмы. Степа весело посвистывал и, мне даже показалось, занимался сборкой с большим энтузиазмом. Заметив мои недоуменные взгляды, он улучил минутку и, наклонившись ко мне, прошептал:

— Все великолепно, лучше и не придумаешь. Не знаю, в какой конюшне обучались кибернетике и робототехнике здешние аристотели, но их познания меня вдохновляют. Если они и программирование освоили на таком же уровне, то мы не пропадем...

Сборочные работы продолжались два дня. На третьи сутки оба так называемых исходных саворба были собраны и запущены.

Мне до этого не приходилось наблюдать этих киберов, и я с любопытством следил, как ползли по долине две гигантские полусфера. Каждый саворб напоминал чудовищную, высотой до тридцати метров, медузу, сотни длинных металлических щупальцев которой непрерывно колебались, вбиная под серебристый металлокерамический колокол остатки контейнеров, железный лом, обрывки пластиковой упаковки, песок и мелкие камни, словом, все, что оказывалось в зоне досягаемости щупальцев. За каждым саворбом тянулся глубокий черный след.

— Пасутся, значит, буренушки, — с удовлетворением отметил капитан Прохор, поглаживая усы и поглядывая почему-то не на саворбов, а в сторону генерала Нивса и его подручных.

Генерал сердито отчитал спецов за какую-то провинность, заставил каждого из свербских кибернетиков рассмотреть его кулак со всех сторон, причем изучение генеральского кулака проводилось в самой непосредственной близости от носа каждого из апологетов и

если судить по их реакции, внушило известное трепетание и способствовало возникновению просветления в умах и развитию чисто свербского неподдельного энтузиазма. Свербиты тут же извлекли из карманов блокноты и принялись что-то лихорадочно записывать. А генерал направился в нашу сторону.

— Хватит ли саворбам энергии? — спросил он у Степана. — Мощность встроенных источников питания, мне кажется, маловата.

— Успокойтесь, генерал, — небрежно заметил Степан, — этим штуковинам достаточно небольшого инициирующего запаса энергии для начального разогрева. Затем внутри саворбов начнутся химические реакции с выделением тепла и энергия будет вырабатываться при поглощении и разложении различных материалов. Саворбы, генерал, это вам не примитивные роботы, что нуждаются в заправке энергией от стационарных источников. Это уже, если хотите, первичные киберорганизмы — своеобразная неорганическая жизнь. Сейчас они насыщаются металлами, кремнием, углеродом — и начнут размножаться.

Вскоре все убедились в правоте Степана. Саворбы начали выбрасывать из себя черные и серые шары метрового диаметра. Шаров этих становилось все больше и больше, затем, точно притягиваемые друг к другу, шары стали скатываться в кучи, а из куч постепенно монтировались, росли полусфера, приобретающие очертания новых саворбов. Причем скорость создания шаров и вновь рождаемых саворбов была постоянна. Число киберов примерно за сутки удваивалось.

Прошла неделя после рождения первых саворбов, а по горной долине вокруг построек полигона ползали

уже около трех сотен этих странных кибернетических животных. А еще через неделю численность саворбов достигла нескольких десятков тысяч. К этому времени вся долина была уже изрыта глубокими ходами и шахтами, а количество тепла, выделяемого киберами в окружающую среду, было таким, что воздух вокруг нагрелся на десяток градусов — и начали таять снега на склонах окрестных гор.

Нивс был в восторге, довольно потирал руки и все чаще с умилением восклицал:

— Какая сила! Огород, вездеход, бутерброд! Нет, какая силища! Сверба вас не забудет! Теперь я покажу всем этим анархистам, экстремистам и бездельникам, что такое настоящая свербская мощь! Ух, я им покажу!

От нас уже никаких особых усилий не требовалось. И мы с любопытством и, признаться, с некоторым страхом наблюдали за рождением на полигоне своеобразного кибернетического муравейника. И в отличие от генерала не радовались...

Теперь с саворбами работал один Степан, он часами сидел за маленьким переносным пультом управления и посыпал рождающимся киберам все новые и новые команды. Спецы кудахтали вокруг Степана, как цыплята вокруг наседки.

Капитан, штурман и я больше бесцельно слонялись по долине. Саворбы на нас внимания не обращали. Зато охранники и подручные генерала следили за каждым нашим шагом. Даже ночами, ворочаясь в жестких походных кроватях, мы чувствовали незримое присутствие чьих-то внимательных глаз и чутких ушей. Пожалуй, среди команды "Звездного орла" относительной свободой пользовался один кот Василий. Этот неисправимый бродяга, ничуть не пугаясь ползающих

и шипящих громадин, по-моему, облазил все окрестные скалы и посетил все посты и заставы вокруг полигона. Я, признаться, побаивался за него, ведь любой из местных головорезов вполне способен пристрелить Василия просто из идиотской прихоти, какого-нибудь дурацкого желания похвастаться перед приятелем своей меткостью.

Однажды вечером я высказал свои опасения друзьям. В ответ Прохор и Григорий вздохнули, сухо заметив, что Василий, конечно, рискует хвостом и своей драгоценной шкурой, но и сами мы подвергаемся ежесекундно тем же опасностям. Местные громыхмейстеры, по мнению капитана, способны прихлопнуть нас в любую минуту и не сделали этого только потому, что еще рассчитывают на нашу помощь в управлении саворбами.

Похождениями кота заинтересовался, к моему удивлению, Степан:

— Ты говоришь, Васька гуляет, где ему вздумается. Гм! Это же замечательно! Как только наш скиталец вернется — тащите его ко мне. Надо будет проверить одну идею.

На этом разговор о коте закончился. А двумя днями позднее, прогуливаясь среди построек полигона, я вновь заметил неунывающего Василия, бегущего к горам. Кот резво перебирал лапками, лихо перепрыгивал через траншеи и трещины и ловко уворачивался от ползущих саворбов и прыгающих шаров. Хвост его торчал трубой, точно антенна.

"Опять бродяжничать подался, — подумал я, — эх, если бы и нам так легко было убежать с этой планеты. Глупый Васька, конечно, он побегает, попрыгает и вновь вернется к своему хозяину Прохору, к нашему временному жилищу..."

Тут я случайно взглянул на постройку, где мы обитали, и не поверил своим глазам. На пороге нашего бункера лежал, поджав лапы и подвернув хвост, Василий. Кот благодушно взирал на ползающих невдалеке саворбов, на суetu охранников, на генерала Нивса, что-то кричавшего адъютантам, и жадно втягивал носом запахи, доносившиеся с кухни. Я обернулся, кто же тогда убежал к горам? Еще один кот? Откуда он взялся? Нужели Василий завел знакомых среди местного кошачьего общества? А есть ли на Свербе еще коты? Откуда они в этих мертвых горах? В появлении второго кота была какая-то дикая загадка.

За обедом я хотел рассказать о появлении двойника Василия, но едва я заикнулся о втором коте, как почувствовал, что Степан под столом очень аккуратно наступил мне на ногу.

— О пустяках говорить у меня желания нет, — сказал капитан, бросая вертевшемуся у его стула Василию кусочек синтетической котлеты и со вздохом отодвигая тарелку. Опять концентратами кормят.

Григорий, услышав о втором коте, тихо зевнул и заметил:

— Дела плохи. У Тимофея от нервного истощения, видимо, начинаются галлюцинации. Завтра он заявит нам, что, повстречал среди саворбов тень отца Гамлета, а послезавтра начнет доказывать, что все события последнего месяца нам приснились.

Я промолчал, сообразив, что с Василием связана тайна, которой, пока наши разговоры прослушивают, лучше не касаться.

В этот же вечер раздраженный генерал Нивс сообщил нам, что саворбы, численность которых, судя по всему, достигла уже нескольких миллионов, начинают

потихоньку расползаться из долины по окрестным горам.

— Что же вас смущает, генерал? — спросил Степан.

— Они просто осваивают новые пространства, ищут нужные им металлы.

— Не морочьте мне голову! — взорвался Нивс. — Мы уже больше двух недель торчим на полигоне! И пока не получили от саворбов ни одного кибер-солдата, ни одного боевого звездолета, ни одного орудия! А саворбов уже развелось более, чем достаточно! И они продолжают плодиться без всякой пользы для интересов Свербы! Я подозреваю...

— Оставьте, генерал, — презрительно прервал Нивса Степан, — если вы считаете, что ваши специалисты добились бы большего за эти недели. Что ж, пусть они управляют развитием киберов, руководят их эволюцией и добиваются от них производства требуемых предметов. Я могу и отдохнуть, понаблюдать со стороны, что у ваших кибернетиков получится.

— Что? — Нивс поперхнулся от злости, покраснел, из глотки его вырвалось какое-то хриплое сипение. — Я прикажу... Я прикажу...

Генерал, очевидно, не в силах был закончить свою угрозу, и только медленно сдавливал пальцы рук перед собой, точно душил невидимого врага.

— Стоит ли так волноваться из-за пустяков? — сказал Григорий. — У вас, генерал, возможен приступ. А если вы скончаетесь здесь, на полигоне, так и не дожив до окончательной победы свербитов, то, подумайте, как будет огорчен громыхмейстер, какая это будет потеря для армии.

— Каждому овощу — своя грядка, — улыбнулся Степан. — Придет срок — и вы, генерал, получите же-

лаемое. Как это выразился громыхмейстер? Вездеход, огород, бутерброд. Уже скоро.

— Когда скоро? — взвизгнул Нивс. — В Кротоне ждут результатов! Громыхмейстер терпит наши проволочки уже четвертую неделю! Эта медлительность может стоить жизни всем вам! Слышите?

— Мы понимаем, — спокойно ответил Степан, внимательно и неторопливо осматривая долину и наблюдая за возней саворбов. — Сами видите, опять неполадки, — Степан кивнул на застывший прямо перед бункером купол саворба и добавил: — Придется посмотреть, что с этой малышкой.

Не дожидаясь разрешения генерала, Степан достал из кармана фонарик и, освещая себе дорогу, быстро направился к застывшему киберу.

Все успели за ним.

Близилась ночь. Небо над долиной темнело. Уже зажглись над вышками постов лучи прожекторов и заметались по полигону гигантские тени от миллионов киберов и раскатывающихся по траншеям шаров.

Степан осмотрел саворба со всех сторон, осветил фонариком узкий проход между металлических щупальцев, проворно скользнул по этому проходу и нырнул под панцирь.

Прошло минут пять. Никто не проронил ни звука. Затем из-под панциря саворба послышался слегка приглушенный голос Степана:

— Генерал! Мне нужны помощники!

Нивс повернулся к своим специалистам. Кибернетики Свербы поеживались от холодного ветра, переминались с ноги на ногу, но желания лезть в чрево кибернетического зверя ни у кого из них почему-то не возникало.

— Что же вы ждете! — прохрипел Нивс уже нам. — Помогайте своему приятелю!

Мне показалось, что капитан Прохор и Григорий только и ждали этого генеральского окрика. Они так поспешно прошмыгнули под купол саворба, что я едва не потерял их в лабиринте кибернетических лап, каких-то присосков и тонких трубочек, среди которых с трудом протискивался. Неожиданно несколько лап подхватили меня и втянули в сумрачное тесное помещение, где было довольно жарко. Постепенно глаза привыкли к сумраку, и я различил рядом капитана и Григория. Напротив меня, перед пультом и большим, мерцающим зеленоватым светом экраном сидел Степан. Под нами внизу что-то ворочалось и трепыхалось.

— А ничего, здесь довольно уютно, — сказал Прохор, поглаживая свою бороду, — почти как в планетолете класса "Малютка". Правда, Гриша?

— Если учесть, что те пакостники остались снаружи, то мне в этом кибернетическом брюхе нравится даже больше, чем в вездеходах генерала Нивса, — сказал штурман.

— Правильно, — согласился я, — а что будет дальше?

— Сейчас увидишь, — тихо сказал Степан, щелкая клавишами пульта.

Одна из боковых стенок медленно раздвинулась, из тьмы возникла фигура еще одного Степана и провалилась куда-то вниз.

"Опять галлюцинации", — подумал было я, но сразу услышал ободряющий возглас кибернетика:

— Порядок! Кажется, получается! Капитан, кота не забыли?

— Ты за кого меня принимаешь? — прогудел Про-

хор, расстегивая молнию комбинезона и вытаскивая сонного кота Василия. — Друзей не бросают.

В эту минуту одна за другой перед нами появились еще три фигуры, в одной из которых я, уже перестав чему-либо удивляться, узнал самого себя, а в других — Прохора и Григория.

— Что это? — прошептал я, наблюдая, как наши странные двойники проваливаются вслед за первой фигурой.

— Спокойно, студент, — сказал Григорий, — это не тени папаши Гамлета, как ты уже догадался.

— Работы, — пояснил Степан. — Саворб синтезировал наши кибернетические имитации. Вся эта операция называется "подмена". Сейчас почти ночь. Нивс уверен, что мы вылезли из саворба и пойдем спать. Посмотрите на экран, видите, все уже расходятся по своим комнатам. Остаются одни часовые. Фокус в том, что генерал полагает, что мы спим там, а мы на самом деле здесь. Пусть он подольше пребывает в такой уверенности. Мы же в этом саворбе, как в шапке-невидимке, постараемся удрать подальше от этих мест. Не знаю, как вам, а мне уже изрядно надоели рожи наших конвойных и физиономия самого Нивса. Погостили на Свербе, пора и честь знать.

— Степа, я всегда утверждал, что у тебя светлая голова, — сказал Григорий, — но объясни мне, бестолковому, как ты собираешься проскользнуть мимо постов, контролирующих выход из долины?

— Штурман, внимательнее надо быть! — проворчал капитан Прохор. — Слышал, что говорил сегодня Нивс?

— По-моему, кроме глупостей, он ничего не сказал.

— Э! Нет, — возразил капитан. — Генерал сообщил

нам, что саворбы начинают расползаться по окрестным горам.

— Понимаю, — обрадовался штурман. — Значит, наш саворб может, не привлекая пристального внимания охранников, потихоньку ползти и ползти...

— Григорий, твои успехи в логическом мышлении меня радуют, — сказал Степан. — Мы уже движемся к выходу из долины. Посмотрите, как удаляются на экране огни прожекторов на крыше лабораторного бункера. Кстати, успехи делает не один штурман. Мы кое-чем обязаны и Тимофею, его зоркому глазу.

— При чем здесь мой зоркий глаз? — спросил я. — Не понимаю...

— И понимать нечего, — сказал Степан, — благодаря твоей наблюдательности мы найдем дорогу к нашему звездолету. Помнишь свой рассказ о похождениях Василия? Ты подал мне тогда великолепную идею. Я как раз мучился, придумывал, как незаметно послать из долины кибернетических разведчиков, которые бы нашли нам дорогу к "Звездному орлу".

— Постой, значит, тот, второй, кот был кибернетическим двойником этого пушистого прохвоста? Никаких галлюцинаций у меня не было. Вы водили меня за нос?

— За нос водили, положим, не тебя, а наших знакомых с полигона, — сознался Степан. — Кстати, синтезирован был не один ложный кот Василий. Котов, если хочешь знать, было шестьдесят восемь штук — целое стадо.

— И твои коты нашли "Звездный орел"? — спросил Прохор.

— Да, капитан. Сегодня утром я получил сигнал об этом и сразу приказал саворбам расползаться из долины.

— Красиво сработано, — похвалил Прохор. — Что ж, надо спешить к звездолету.

— Корабль приблизительно километрах в сорока от полигона, — сказал Степан. — Саворб ползет со скоростью пешехода. К рассвету доберемся.

— Все это хорошо, мужики, — сказал Григорий, — но что мы там будем делать? Звездолет занят людьми громыхмейстера. Оборудование разворовано, роботы отключены. Возможно, уже и топлива нет. У нас ни оружия, ни запасов пищи!

— Зато у нас есть здоровый оптимизм! — сказал Прохор. — Это главное!

— У нас есть саворбы, — возразил Степан, — а значит, будет и необходимая техника. Правда, с продуктами и в самом деле труба, но запасы продовольствия были на складе "Звездного орла". Не могли же эти тараканы все растащить. Наверное, звездолет взят на вооружение армии свербитов, а, следовательно, запасы пищи на нем должны быть. Конечно, продукты для нас — это самое сложное. Если бы у нас был хотя бы недельный запас пищи, я бы никогда не рискнулозвращаться на "Звездный орел", проще дать саворбам приказ изготовить новый звездолет.

— А нельзя действовать в духе самого громыхмейстера? — спросил я, — Изготовить кибер-солдат и расколошматить все это змеиное гнездышко?

— Ишь ты, агрессор! — покачал головой Прохор. — Расколошматить — это не наш метод. Мы мирные люди, скромные труженики вселенной, как говорит-ся. И потом, надо уважать чужие обычай и чужую глупость. Как они тут живут, это их внутреннее дело. Наша задача — защитить свои интересы и предупредить о возможной опасности соседние со Свербой цивилизации. Осознаешь?

— Осознаю, — вздохнул я.

— Тимоша, — улыбнулся Степан, — для создания киберов-солдат в саворбах должна быть заложена тщательно разработанная программа, а такой программы у них нет. Саворбов ведь создавали в помощь человеку, для мирного труда, но не для агрессии, не для производства оружия уничтожения и кибернетических убийц.

— Зачем же тогда свербиты так стремились заполучить саворбов в свои руки? — спросил Прохор.

Степан хмыкнул и махнул рукой:

— Э! Капитан, свербиты еще просто не знают, с чем столкнулись. Во вселенной пока еще не появилось ничего более глупого и страшного, чем обладающие властью тщеславные дураки. Невежество, некомпетентность всех этих громыхмейстеров и генералов Свербы просто фантастичны. Они ни о людях, ни о саворбах почти ничего толком не знают, но воображают, что способны управлять и людьми, и саворбами, и целой галактикой, которую собираются завоевать. Конечно, саворбы — чудовищная сила, мы в этом успели убедиться за недели на полигоне. Однако с этой силой надо еще справиться. По счастью, кроме меня, на планете, кажется, нет ни одного специалиста, разбирающегося в саворбах. Способностей же самого громыхмейстера и его генералов хватает лишь на то, чтобы отдавать приказы.

— Как же нам быть? — спросил Григорий. — Вернуть звездолет без помощи роботов, я полагаю, невозможно. С нами в полете в два счета расправились кибернетические мышки, а сейчас там засели зверюшки покрупнее. И вспомните, среди них уже есть роботы-солдаты.

— Мышки оказались для нас неожиданностью, — вздохнул Прохор, — а сейчас наше нападение будет для засевших в звездолете внезапным. И потом, у нас нет другого выбора.

— А саворб сумеет подползти незаметно к "Звездному орлу"? — спросил я.

— Подползать незаметно придется нам самим, — нахмурился Григорий. — Ты бы, Степа, соорудил нам для такого случая хоть что-нибудь дырокольное, не с голыми же руками идти на абордаж своего родного корабля.

— Разбирайте! — Степан извлек откуда-то из мрака короткоствольные никелированные пистолеты и протянул нам.

Штурман повертел свое оружие в руках, прикинул на ладони и неопределенно хмыкнул:

— Что это за игрушка?

— Саворбы не умеют изготавливать смертоносное оружие, — пояснил кибернетик, — это портативный парализатор, стреляет полыми иглами с жидкостью. Попадание жидкости в кровь парализует человека часов на двадцать.

— Этих толстокожих, пожалуй, такой чепуховиной не проймешь, — проворчал Прохор. — А с роботами как быть?

— Ничего лучшего пока предложить не могу, — ответил Степан и вдруг насторожился: — Смотрите, на экране что-то движется нам навстречу!

— Поверни саворба куда-нибудь в сторону, — посоветовал Григорий. — Это кто-то из местных, а с ними нам встречаться еще рановато.

— Не успею! У них большая скорость. Какая-то машина.

В это время водитель машины наконец заметил саворба на дороге и резко затормозил метрах в десяти от нас. Открылась дверца. Из кабины высунулась голова в шлеме, и вдруг короткие вспышки прорезали темноту.

Где-то над нами послышались гулкие хлопки.

— Идиот! Стреляет разрывными... — процедил сквозь зубы Степан, лихорадочно щелкая кнопками пульта.

В последующее мгновение щупальцы саворба метнулись через весь экран к автомобилю.

Через минуту перед нами лежал полумертвый от страха свербит. Руки его были аккуратно связаны за спиной, а зубы стучали, точно парня лихорадило.

— Напрасно ты, Степан, скромничал, — сказал штурман, осматривая автомат пленника. — Твои саворбы — шустрые ребята. Эк ты поддел этого поросенка, точно карася на удочку!

— Ничего другого не оставалось! Разрывные пули. Он мог нас всех погубить.

— Кто такой? Откуда? — напустился Прохор на дрожащего свербита.

— Лейтенант Пус. Из Кротона.

— Куда ехал?

— На полигон к генералу Нивсу.

— По какому делу?

— С донесением.

— Что за донесение? Живо отвечай!

Свербит испуганно шмыгнул носом:

— У меня пакет к генералу.

— Где пакет?

— В кармане, — Пус кивнул на левый карман походного комбинезона и отвернулся.

Прохор проворно вывернул карманы лейтенанта,

изъял лучевой пистолет, несколько обойм к нему и небольшой квадратный конверт, обильно изукрашенный жирными черными печатями.

Капитан неторопливо вскрыл конверт и пробежал глазами бумагу:

— Нас приказано доставить в форт Хох.

— Выходит, мы улизнули вовремя, — сказал я.

— Странно, — поворчал Григорий, — пока они не должны были нас тревожить. Видимо, что-то произошло... Впрочем, все складывается удачно. У нас теперь появился лейтенант Пус и его машина.

— Ты прав, — после непродолжительного размышления и поглаживания бороды сказал Прохор, — это значительно облегчает дело. Кстати, лейтенант, что такое форт Хох? Надеюсь, вполне приличное место?

— Форт Хох — тюрьма в сотне километров от Кротона.

— А! Очередная экскурсия? — улыбнулся Степан.

— Эти свербиты просто помешаны на туризме. Чудесно! Истинно свербское гостеприимство! Капитан, мы, конечно, воспользуемся случаем и посетим сей уголок?

— Форт Хох... Наверное, что-нибудь очень древнее. Памятник старины... Карцеры... Каменные мешки, пыточные камеры... Жаль, лейтенант, жаль, но на этот раз у нас возникли другие планы. И я надеюсь, вы с чисто свербским великодушием и предупредительностью поможете нам их осуществить. Посещение же форта Хох отложим до лучших времен. Экскурсия эта, право, не горит.

— Конечно, не горит, — подтвердил Григорий.

— А я так еще под впечатлением от посещения Большой Новой тюрьмы, речь громыхмейстера, — заметил Степан, — излишние эмоции только вредят нашему организму.

— Да, — подтвердил я, не желая отставать от товарищей, — обилие впечатлений иногда сильно расшатывает нашу нервную систему. Тут важно не перегнуть палку.

— Да, да, Тимофей, — оживился капитан, — ты прав, главное не перегнуть палку. Но времени у нас мало, перейдем к делу. Степан, ты, конечно, остаешься в саворбе?

— Да. Здесь от меня больше пользы будет.

— Отлично! А мы пересаживаемся в машину лейтенанта. Надеюсь, лейтенант, вы не возражаете?

Нет, лейтенант не возражал. По-моему, у него от наших речей и нахальства иссяк запас слов. Пус лишь слабо кивнул, не в силах оторвать взгляд от могучих волосатых рук капитана Прохора. В левой руке капитан держал бумаги, изъятые при обыске у лейтенанта, а в правой небрежно вертел лазерный пистолет.

— Р-р-ради всего с-святого, — прошептал лейтенант, — уберите оружие, у пистолета очень слабый спусковой крючок.

— А он заряжен? — удивился капитан. — Извините великодушно, не знал. Как же это вы, Пус, ночью, один и с заряженным пистолетом? Ай! Ай! Неосторожно. Пересаживайтесь в свою машину, только без глупостей.

— П-понимаю...

Мы залезли в машину лейтенанта. Вездеход, хотя и далеко не генеральский, выглядел вполне надежно. Григорий сел за руль, рядом с ним на переднее сиденье посадили Пуса. Прохор развязал руки лейтенанту, но предупредил, чтобы тот вел себя очень тихо и слушался старших.

Пус в ответ как-то весь нервно передернулся, что-

то еле слышно прохрипел невразумительное и обмяк на сиденье. Он оказался достаточно сообразительным пареньком и всю дорогу был тих и застенчив.

Капитан мурлыкал одну из своих любимых песенок о героях-первопроходцах, поглаживал высунившегося из комбинезона кота Василия и благодушно посматривал по сторонам.

Правда, рассмотреть что-либо вокруг было трудновато: все утопало в густой, маслянистой тьме, и даже кусок дороги, вырываемый у ночи фарами машины, казался призрачным и абсолютно черным.

Глава 17

Григорий выжимал из мотора все, что мог выжать из автомобиля в условиях горной дороги в ночное время. Мы торопились. Вездеход катил очень резво, порою мне казалось, еще секунда и на очередном крутом повороте машина перевернется и сорвется в пропасть, но штурман как-то ухитрялся вывернуться и проехать в таких местах, где обычный робот-водитель давно бы разбил и вездеход и пассажиров. Признаться, эта поездка в горах через какие-то ущелья и темноту свербской ночи запомнилась надолго и не раз потом снились мне обрывы, трещины, скалы и разломы горных пород. Капитан же внешне почти не волновался и, как я заметил, больше следил за физиономией Пуса, его руками. И лишь однажды, когда вездеход развернуло на крутом скользком склоне и машина чуть ли не зависла над пропастью, Булкин бросил быстрый взгляд во тьму за окошком и тихо сказал:

— Осторожней, Гриша... Подушек там на дне нам

никто не подготовил, а этот тарантас, к сожалению, не умеет летать...

Мы ехали уже около двух часов, когда дорога стала ровнее и неожиданно в свете фар появилась небольшая каменная будка с одним крохотным оконцем, а на обочину перед вездеходом вылезла сгорблена фигура с автоматом и замахала рукой.

— Что еще за привидение? — спросил Григорий у лейтенанта, нажимая на тормоза.

— Пост при въезде в охраняемую зону, — ответил Пус.

— Опять зона, — вздохнул капитан. — От кого ее охраняют?

— От штатских, от посторонних, от экстремистов.

— До звездолета отсюда далеко?

— Сматывая до какого звездолета, — сказал Пус.

— До нашего звездолета, — уточнил капитан, — до "Звездного орла". Ты, парень, брось крутить!

— До вашего километра два будет, но вокруг него тоже охрана.

— Ясно! — Прохор весь напрягся, точно перед прыжком, и, толкнув легонько пистолетом в спину лейтенанта, скомандовал Пусу: — Опусти стекло, высунь голову и успокой этого бедолагу. Соври часовому что-нибудь правдоподобное, но без шуток! Если потребует, предъявишь свой пропуск и документы, держи бумаги! А ты, Григорий, следи за будкой!

Пус поспешил выполнить указания капитана, он высунулся из окошка вездехода и крикнул подошедшему солдату:

— Я лейтенант Пус из Кротона. Вот мои документы. Пропустите машину! Я спешу!

Часовой вяло поднял кулак к носу, рявкнул: "Гры-

зи!" — и, взяв у лейтенанта пропуск и другие бумаги, при свете фонарика стал медленно перелистывать. Сравнив фотографию на пропуске с физиономией Пуса, удовлетворенно хмыкнул и вернул всю пачку бумаг лейтенанту. — Эти с вами?

— Со мной, — подтвердил Пус с готовностью, — специалисты из столицы, из Научного Центра.

— А... Ездят тут всякие. Хорошо вам там, в столицах, — вино, женщины, развлечения. А здесь стой и мерзни на ветру, как какой-нибудь последний робот... Ладно, проезжайте, — часовой махнул рукой и, поеживаясь, направился к будке.

Григорий нажал на педали, и вездеход быстро покатил по дороге.

— Фу... — облегченно выдохнул я. — Признаться, думал, тут нас и повяжут...

— Да, — хмыкнул Григорий, — свербская бдительность оставляет желать лучшего. Впрочем, на планете они одни хозяева. Кого им тут особо опасаться? Каких-то загадочных экстремистов? Их, может, и в природе не существует. Очередное вранье громыхмейстера...

— Нас, во всяком случае, в расчет не брали, это точно, — сказал капитан с заметным удовлетворением.

— М-да, проскочили... А вот проскочит ли Степан на своем саворбе — это вопрос...

— Конечно, его они задержат или уничтожат вместе с саворбом, — всполошился я, — что же делать, капитан?

— Действовать! — капитан горделиво поднял голову. — Будем действовать! Попытаемся вернуть себе звездолет, сейчас это главное! Степа достаточно умен и осторожен, чтобы как-нибудь обойти все эти заслоны со своими саворбами. А нам надо очистить "Звездный

орел" от свербской гадости и после этого выручать Степана и саворбов.

— Куда теперь? — спросил Григорий у лейтенанта.
— Показывай, где Звездолет? Живо!

Пус кивнул в сторону поворота дороги:

— Это там, за поворотом есть сверток в ущелье. Проедете по нему километра два и увидите свой звездолет. Только я хотел бы выяснить, что вы собираетесь делать со мной?

— Посмотрим на твоё поведение, — вроде бы с некоторым сожалением вздохнул Прохор. — Будешь слушаться и поможешь нам вернуть корабль, отпустим к папе с мамой.

Вездеход проехал мимо каких-то строений за сторожевой будкой, обогнал нагромождение скал и свернулся с широкой дороги в ущелье. Вскоре мы различили впереди в свете прожекторов знакомые очертания корпуса "Звездного орла"... Вездеходов и солдат рядом со звездолетом видно не было. Это нас немного успокоило.

— Надо бы, наверное, Степана дождаться, — сказал я. — Он со своими саворбами что-нибудь изобразил бы, помог.

— Нет! — отрезал Прохор. — Главное, внезапность. Времени терять не будем! Григорий, гони прямо к кораблю! Будем нахальными! Подготовься, Пус! Скажешь часовым, что приехал из столицы, и потребуешь начальника! Ясно?

— Да. Конечно. Я все сделаю, как вы хотите...

— Тимофей! Григорий! Не зевать! Усиленной охраны в звездолете не должно быть. Человек пять-шесть, не больше. Если будем действовать быстро и дружно, то справимся! Следите за лейтенантом, если появятся сомнения, не церемониться! Приготовить оружие!

Вездеход подкатил уже почти к звездолету — осталось каких-то пятьдесят метров до входного люка. И тут на дороге перед машиной выросли фонтанчики грязи и где-то впереди загрохотало.

Над нашими головами, почти над самой крышей кабины, засвистели трассирующие пули.

Мы инстинктивно втянули головы в плечи и пригнулись.

Григорий резко затормозил.

Раскаты автоматных очередей смолкли. Из какой-то ямы перед самым звездолетом высунулась голова очень грязного и порядком помятого робота, и металлический голос проскрипел:

— Не двигаться! Кто такие?

Пус, получив ощутимый тычок в спину пистолетом — Прохор и в самом деле не церемонился, — опустил стекло дверцы и отбарабанил положенное:

— Прекратить огонь! Я лейтенант Пус из Кротона! Срочное дело! Вызови командира!

— А ты не покриквай! Не покриквай! Не в столице! Раскомандовался тут, — недовольно прорычал робот. — Командира ему. Быстро из машины! Оружия не брать! Руки за спину и вперед по лестнице на смотровую площадку и в шлюзовую камеру. Там вас встретят! Быстро! Быстро!

— Кажется, опять попались, — прошептал я, в беспомощии опуская руки, — и крепко, а так все хорошо начиналось...

— Да, — покачал головой Григорий, — выходя из машины и закладывая руки за спину. — Это вам не солдатик у входа в охраняемую зону. Киберы с автоматами шуток не понимают. Это судьба.

— Что ж, надо подчиняться, — сказал Прохор. —

Вылезайте, лейтенант, а то как бы они нас не ухлопали.

Стоит ли говорить, как неохотно и с какими чувствами мы подходили к родному звездолету... Если бы какой-либо из свербских придворных живописцев задумал создать аллегорическую картину на тему "Приговоренные к смерти", полагаю, лучшей натуры, чем наша группа, ему было не найти. Вид у нас был еще тот, как выразился капитан. Даже лейтенант Пус почему-то не радовался, что возвращается к своим.

Когда мы в сопровождении двух роботов-автоматчиков прошли шлюзовую камеру и очутились внутри жилых помещений корабля, первое, на что я обратил внимание, это следы пуль на пластиковой обшивке стен и потолков.

В трех местах коридора герметичные перегородки были смяты и изрезаны лазерными лучами. На площадке перед рубкой лежали в углу три сильно изувеченных взрывами и лазерными лучами робота, тут же валялись чьи-то оплавленные кибернетические потроха...

В наше отсутствие на звездолете явно происходило побоище. И, видимо, если судить по следам пуль и оплавленной пластмассе, сосульками свисавшей с потолка, схватка была жаркой, и потери с обеих сторон ощутимыми.

— Такое впечатление, — пробормотал Григорий, — что "Звездный орел" в эти дни побывал в битве и участвовал в абордажных боях. Что бы все это значило?

Прохор недовольно морщился, с болью душевной созерцая результаты погрома на его родном "Звездном орле", и молчал.

Нас выстроили вдоль стены.

Дверь в рубку растворилась. И на пороге возникла фигура робота, с ног до головы увешанного базуками,

автоматами, лучевыми пистолетами и сумками, из которых торчали пулеметные ленты и ручки противотанковых гранат. На голове робота был укреплен шлем снабженный прибором ночного виденья и миниатюрной рентгеновской установкой, позволяющей смотреть сквозь стены и в почву на глубину до десяти метров.

Признаться, когда я в нескольких шагах перед собой увидел это кибернетическое страшилище, последние силы оставили мой организм и, если бы не Григорий, подхвативший меня за руку, я бы свалился.

— Что еще за лейтенант Пус из Кротона? — прокрипел вышедший из рубки робот удивительно знакомым голосом.

Я еще не успел сообразить, чей же это голос, как из капитанского комбинезона высунул морду кот Василий и оглушительно мяукнул.

Робот-страшилище сразу потерял всю свою важность, сдернул с головы шлем с рентгеновской установкой и прибором ночного виденья и, с явным облегчением передав сей предмет роботу-адъютанту, вытянулся перед нами по стойке смирно.

— Филимон! — в один голос воскликнули капитан и Григорий. — Что тут происходит? Как тебе удалось?

По-моему, если роботы способны испытывать смущение, Филька был смущен. Его большие электронные глаза смотрели на капитана виновато и жалостливо.

— Разрешите доложить! — отчеканил Филимон. — Звездолет "Звездный орел" очищен от посторонних кибернетических предметов и контролируется силами двадцати восьми земных роботов-повстанцев под моим непосредственным руководством. Командование звездолетом и его кибернетическими силами я принял на себя ввиду отсутствия капитана и членов экипажа.

В процессе боев внутри звездолета нам, в результате успешно проведенных операций, удалось вывести из строя четырнадцать киберов-автоматчиков противника, пятеро из них сильно покорежены и приведены в полную негодность, девять роботов демонтировано. Захвачено также в качестве заложников и военнопленных семеро солдат и офицеров враждебной звездолету армии. Наши потери: восемь роботов полностью выведены из строя, тринадцать киберов получили серьезные пробоины и повреждения и нуждаются в капитальном ремонте и восстановлении. Остальные имеют отдельные пулевые и лучевые повреждения и годны к эксплуатации в условиях жилых помещений и температурного режима звездолета. В ходе операций было захвачено много вражеского обмундирования, оружия и боеприпасов. Доклад окончен. Передаю командование звездолетом капитану и экипажу.

— Командир роботов-повстанцев... Гм! Это нечто новое. Я и не предполагал, что у тебя, помимо прочих достоинств, есть еще и задатки полководца, — сказал Прохор, заметно оживляясь и извлекая из-за пазухи рвущегося к родным запахам звездолета кота Василия. — И все же кое-что из твоего доклада мне понять трудно. После захвата корабля свербитами, насколько я понимаю, вся наша кибернетика была отключена. Каким образом ты вновь оказался в активном состоянии?

— Меня включил микроробот.

— Какой еще микроробот? — удивился Прохор. — Не было у нас никаких микророботов.

— Микроробот в виде куклы-игрушки. Он прятался в каюте пассажира Тимофея. Этот микроробот и помог отбить звездолет у врагов.

— Это талисман! — воскликнул я. — Какое счастье, что Терзалия подарила мне эту игрушку!

Прохор хмыкнул и повернулся ко мне:

— Микроробот — не игрушка! Привыкай называть вещи своими именами. Интересно, как эта кибернетика попала к твоей dame? Сейчас же отыщи этого робота, Тимофея. Твой талисман, возможно, еще нам понадобится.

— Микроробот в данный момент находится в каюте Тимофея, — услужливо подсказал Филимон, с благоговением поглядывая на своего дружка кота Василия, трущегося о его ноги и что-то самозабвенно мурлыкающего.

— Ладно, — сказал Прохор. — С этим ясно. В каком состоянии звездолет? Надеюсь, своей стрельбой вы не продырявили его окончательно?

— Шестнадцать повреждений, — сознался Филимон, — но крупных поломок и пробоин нет. Приборы и двигатели не пострадали. Ремонтные работы ведутся. Взлетать с планеты можем уже сейчас.

— В самом деле? — расцвел Григорий. — Это меняет дело! Я готов...

— Погоди! — остановил его Прохор. — Горючее? Запасы? Что с этим?

— Горючим свербиты заполнили резервуары. Продукты и снаряжение на складе сохранились. Даже появились свежие припасы...

— Вот как! Значит, готовились к полетам. Ай, ай! Какие прыткие эти свербиты! — Прохор довольно улыбнулся. — Мы тоже проявим известную шустроту. Да, самое главное, как отреагировали свербские власти на твою операцию, Филимон?

— Информация о действиях свербских властей на звездолет не поступала, — отчеканил Филька. — Возможно, свербиты все еще уверены, что "Звездный орел"

в активе их армии. На запросы и шифровки свербского командования мы посылаем в эфир соответствующие ответы, чтобы не возбуждать никаких подозрений. При необходимости имитируем голоса наших пленных в радиопереговорах.

— Сколько же дней вы так водите за нос этих громдыхмейстеров? — поразился Григорий.

— Тридцать два часа и двадцать минут.

— Всего?

— Да. Подготовка к операции захвата звездолёта потребовала нескольких недель, изучения привычек и принципов поведения врагов, их замыслов. Конечно, помогло то, что контейнеры с кибернетическими крысами солдаты громдыхмейстера куда-то вывезли с корабля. Мы выбрали наиболее благоприятный момент и скрутили агрессоров.

— Где пленные?

— В гимнастической комнате.

— Угу... — удовлетворенно пробормотал Григорий, — все меняется, давно ли мы там сидели. Пусть теперь поскучают.

— Филимон, отведи к пленным этого типа, — кивнул Прохор в сторону лейтенанта. — Пусть составит им компанию. Григорий, надо проверить двигатели, систему ориентации и готовиться к взлёту. Дождемся Степана, погрузим его саворба и стартуем.

— Капитан! Вспомните пост перед въездом в зону. Сегодняшняя стрельба могла их всполошить, — сказал я. — Надо бы помочь Степану прорваться к нам.

— Свербиты, как я заметил, любят стрелять и поднимать шум, — Прохор почесал бороду и с удовлетворением посмотрел на меня. — Возможно, обойдется... Впрочем, Тимофей, мысль у тебя правильная. Надо по-

мочь. Филя, десяток роботов с автоматами. Сделаете вылазку. Лишнего шума не поднимать, но при необходимости подстрахуете Степана. Выполняйте приказ!

— Погодите! — взмолился Пус. — Что вы собираетесь с нами делать?

— Как что? — изумился Прохор. — Уж не воображаешь ли ты, что мы потащим всю вашу шайку с собой на Арис? У нас каждый килограмм массы на счету! Не волнуйся, под местным наркозом четвертовать вас в любом случае не собираемся. Перед стартом отпустим на все четыре стороны. Пусть громды хмейстер с вами нянчится. Но только перед самым стартом отпустим, иначе вы мне такой шум поднимете, я вас, мерзавцев, знаю, наслушался на Свербе ваших речей!

— Капитан, умоляю, будьте милосердны, — прошептал Пус, падая на колени перед Прохором, — не губите, я так молод, не оставляйте меня на Свербе! Заберите с собой! Я вам пригожусь! Вы же добрые!

— Это еще что за шутки? Лейтенант, а как же ваш свербский патриотизм? Стремление отдать жизнь, свою и встречного, за идеалы Свербы?

— Не отдавайте меня свербитам! Когда мои начальники узнают, что я помог вам проникнуть в зону и попасть на звездолет, они меня в порошок! Замучат пытками! Четвертуют... Я буду вам полезен. Я уже сейчас могу вам рассказать кое-что важное, если вы пообещаете выполнить мою просьбу.

— Что? — возмутился Григорий. — Он еще торговаться будет! Вот я тебе сейчас...

— Стоп! Отставить, штурман! — сказал Прохор. Я вас слушаю, Пус, выкладывайте свои тайны, если они того стоят, мы доставим вас на Арис. И поднимитесь с колен, вы все же солдат, а не клоун, нечего тут кривляться.

— О! Благодарю! Благодарю! Ни о чём другом я и не мечтаю. Всё расскажу! Всё! Да, вы и сами уже знаете, что я ехал к генералу Нивсу, чтобы увезти вас в форт Хох...

— Это-то мы уже выяснили из твоих бумаг, — сказал Григорий.

— Да, но вы не знаете, почему такой приказ был отдан.

— А ты знаешь?

— Да. Наши агенты схватили в Кротоне женщину, которая призналась, что прилетела с Арис.

— А мы при чем? — удивился капитан.

— В ходе допросов выяснилось, что ей известно о том, что вы и ваш звездолет захвачены свербитами. Естественно, громыхмейстер опасается разглашения тайны, возникновения межпланетного скандала и различных ответных акций со стороны земного космофлота. Ему важно выяснить, с кем вы еще встречались на Арис и кто еще может догадываться о судьбе "Звездного орла" и его экипажа.

Я похолодел:

— Это Терзалия! Капитан, Григорий, это Терзалия! Ее схватили! Мерзавцы! Негодяи! Надо ее спасать!

— Стой! — Григорий попытался удержать меня за руку, но я вырвался и бросился бежать по коридору. — Погоди! Куда ты, Тимофей?

— К вездеходу!

— Отставь! — рявкнул Прохор. — Тимофей, вернитесь! Вы что, совсем сдурели? Мы еще сами спастись должны, прежде чем кого-либо спасать!

— Капитан, — я вновь подошел к Прохору. — Там женщина! Она в опасности. Мы должны помочь!

— А мы и поможем, — невозмутимо произнес Прохор. — Поможем, но сначала надо помочь Степану.

Гм! Терзалия... Это та девица, за которой вы волочились на Арис? И которая подарила куклу-микроробота?

— Да... Я люблю ее!

— Кого "ее", куклу?

— Терзалию, капитан.

— В самом деле? И давно это у вас?

— С первого взгляда.

— А... Это меняет дело. Девушке, конечно, надо помочь! Но сначала Степан. Идите, Тимофей, и помогайте Григорию. И поспешите, Степа вот-вот появится. Мы со своей помощью можем и опоздать. Филимон сколько тебе повторять, уведи пленника. Всем заниматься делом.

Глава 18

Участие в кибернетической атаке — давно ли у меня о таких экзотических акциях и мысли не возникало. Но, как говорит капитан Булкин, судьба играет... Известие о плениении свербитами Терзалии меня разъярило, и я уговорил капитана дозволить мне участвовать в операции "Прорыв". Булкин, правда, помялся для приличия, с большим сомнением поглаживая бороду, оглядел со всех сторон мою фигуру, вздохнул, точно навек прощался, и сказал:

— Будем надеяться, что ничего летального во время этой маленькой вылазки не случится. Пойдешь с Григорием на правом фланге. Филимону старайтесь не мешать, у него уже есть кое-какой опыт партизанской войны. Зря не высовывайтесь и под пули не лезьте!

— Все будет в лучшем виде, — заверил я капитана,
— мы им покажем!

Близился рассвет. Уже вершины гор начинали выступать из тьмы. Из ущелий тянуло холодом, и легкий горный ветер ощутимо будоражил наши, натянутые до предела, нервы. Вскоре должен был появиться Степан на своем саворбе — приходилось спешить.

Филимон сделал смотр нашему войску и, обратив мое внимание на то, что пистолеты перед боевой операцией полезно бывает зарядить хотя бы усыпляющими пулями, приказал выступать.

Работы выстроились цепью и короткими перебежками, а порою и ползком, по-пластунски, — тяжела служба солдатская, — устремились к заветной цели. Мы за ними с Григорием едва поспевали.

По дороге я где-то обронил свой карабин, но Григорий сказал, что возвращаться за ним не будем — примета плохая.

Вскоре мы вышли, как говорится, на заранее подготовленные позиции (не знаю, кто их для нас подготовил, но выбраны они были Филимоном вполне удачно). Мы залегли за большими валунами, среди скал у поворота дороги, приблизительно в пятидесяти метрах от сторожевого поста. Часовые наших передвижений, к счастью, не заметили.

— Чего ждем? — тихо спросил я Григория. — Главное, внезапность! Пора в штыковую!

— Спокойно, — осадил меня штурман. — Есть указание капитана, нападать только в крайнем случае. Шум нам ни к чему. Потерпи чуток. Подождем Степу.

Как пишут в страшных исторических романах, минуты сочились медленно, точно капли крови из остывающей раны убитого наповал гренадера. Вот уже совсем рассвело, а нашего товарища все не было.

Григорий нервничал:

— Где Степку черти носят? Еще час назад должен был подъехать. Что его задержало?

Я сосредоточенно помалкивал, мысленно проигрывая все свои действия по сигналу "К атаке!". Главное, не забыть снять пистолеты с предохранителей, вспоминал я последние наставления капитана:

И вот нам передали по цепи:

— Внимание. Готовность ноль целых пять десятых.

Рентгеновская установка на шлеме Филимона засекла появление саворба у выезда из ущелья, в двух километрах от сторожевого поста.

Наступил, как опять же пишут в романах, решающий час...

Саворб медленно приближался к въезду в охраняемую зону. Сердце мое колотилось, как будильник древней, но надежной конструкции. По спине ползали мурашки, ноги немного онемели. Казалось, сама смерть прикоснулась к нам своим изрядно проржавевшим, но безотказным инструментом... Сморкалось. Кажется, я подхватил насморк...

Часовой возле будки заметил движение на дороге и стал всматриваться в серую мглу.

— Сейчас начнется, — прошептал Григорий. — Рискует Степан, рискует. Видит же свет прожектора. Мог бы направить саворба через лощину, там, между камней, в него попасть труднее. Так нет, катит вперед по дороге, точно к бабушке в гости. Филимон!

В это мгновение часовой из автомата выпустил предупредительную очередь вверх.

Саворб замер, выбросил из себя на дорогу с десяток золотисто-оранжевых упаковочных ящиков и, быстро пятясь, скрылся за скалами поворота дороги.

Кажется, появление саворба и все эти манипуляции с ящиками порядком озадачили часового. Бедняга даже присел на камень и, положив на колени автомат, лихорадочно начал шарить по карманам шинели, надо полагать, в поисках курева или другого какого успокоительного средства.

Из будки на выстрелы вылезло еще пять сонных, встревоженных охранников и робот с лазерным карabinом.

Один из охранников, рослый усатый детина, по виду начальник, сразу направился к часовому:

— В чем дело? Почему шум? — рявкнул он так, что соседние скалы отозвались эхом и с ближайшего горного склона сорвалось несколько камней. — Я же предупреждал, чтобы не беспокоили по пустякам! Я кому говорил?

Солдатик на посту занервничал, вскочил с камня, поправил ремень, выпрямился и, взяv автомат на плечо, доложил:

— Капрал! Тут какая-то ерунда по дороге ползла, вроде огромной черепахи. Пугнул я ее. А она вон те ящики бросила и скрылась.

— Я тебе покажу ерунду! — прогромыхал капрал, размахивая кулакищем перед носом присмиревшего часового. — Совсем сдурели! В карцер захотелось. Какие еще черепахи? Какие ящики? Приснились они тебе, что ли?

— Да вон лежат на дороге, — слабо оправдывался солдат. — Сами смотрите...

Какое-то время длилось безмолвное созерцание ящиков, но вот капрал опомнился:

— Вы двое и робот, посмотрите, что там навалено, быстро!

Прошло еще несколько минут, пока свербиты и робот добрались до ящиков и вскрыли упаковки. Наконец один из свербских храбрецов радостно завопил:

— В ящиках спиртное. Бутылки с коньячными этикетками и вина!

— У! — дружно вырвалось у собравшихся вокруг часового охранников, и в следующую секунду все побежали к ящикам.

Григорий облегченно хмыкнул:

— На этот раз, кажется, обойдемся без душегубства. Молодец Степан, подкинул им то, что требовалось. Филимону можно трубить отбой. Через час, уверен, среди этих тореадоров не найдешь ни одного трезвого. И по дороге не только саворбу, а тысячному стаду быков можно пройти через пост незамеченным.

Так оно и оказалось.

Вскоре один из свербских удальцов под бодрящие взглазы приятелей сорвал зубами пробку с первой коньячной бутылки, принюхался к содержимому и, видимо, удовлетворенный качеством аромата, запрокинул голову, и в три приема ополовинил бутылку, крякнул, занюхал проглоченное кулаком, и, пробормотав что-то отдаленно напоминающее: "Эх, хорошо!", передал со- суд ближайшему соседу.

Вскоре каждый из свербитов, в том числе и часовой, прихватив по ящику, скрылись за дверью будки. Вслед за ними, аккуратно связав попарно оставшиеся четыре ящика и взвалив их на плечи, ушел в будку и военный робот. Воцарилась непродолжительная тишина.

Мы ожидали возвращения на пост кого-либо из охранников. Однако никто не выходил. А из будки послышалась хриплая разноголосица, удары чем-то тяжелым о что-то жесткое, и пьяные голоса затянули свербский национальный гимн.

На дороге опять возник саворб и спокойно прополз в сторону "Звездного орла", где Степана поджидал капитан.

Филимон скомандовал "возвращение", и мы, так и не сделав ни единого выстрела, направились к кораблю. Надо ли говорить, что во мне все пело. Первое боевое крещение прошло, можно сказать, успешно. Главное, никто не пострадал. А в этом, по-моему, и состоит глубинный смысл любой, успешно проведенной, боевой операции.

Глава 19

Военный совет состоялся в каютах-компаниях. Наконец-то все мы собрались вместе в привычной обстановке родного звездолета и могли обсудить наше положение.

Капитан Прохор благодушествовал, опять у него на коленях восседал кот Василий, а за спиной стоял верный Филимон и подливал в бокал из большой бутылки вишневый сок.

Григорий вновь был причесан, подстрижен, вымыт, одет в форму космофлота и застегнут на все пуговицы. Он с вожделением поглядывал на многотомную "Историю населенных планет" Томаса Штриптерметера и постукивал по крышке столика пальцем, на котором сиял его излюбленный перстень с розовым камнем и надписью по ободку на неземном языке.

Мы слушали Степана.

— Я прекратил дальнейшее размножение саворбов, — объяснял он, — их уже около пяти миллионов, более чем достаточно. Два часа назад ввел им новую программу, а ключ-сигнал к выключению этой программы

и введению иных программ исходного пакета известен только мне. Можно быть уверенным, что местные апологеты не скоро научатся управлять саворбами.

— Выходит, до твоей команды саворбы будут бесцельно ползать по склонам гор? — спросил капитан.

— Почему же бесцельно, действующая сейчас программа позволяет им накапливать и концентрировать в себе полезные элементы, металлы, а попутно саворбы синтезируют остро необходимые свербитам золотистые ящики с тонизирующими напитками. Так сказать, удовлетворяют насущные потребности свербских контингентов.

— Хорошо, с саворбами ясно, — сказал Григорий, перестав стучать пальцем по столу, — а что теперь делать нам?

— А что, есть разные мнения? — удивился Степан.
— По-моему, как только роботы загрузят изготовленные саворбом контейнеры с деталями для воссоздания двух исходных киберов, надо удираТЬ отсюда. Мы итак злоупотребляем свербским гостеприимством слишком длительный срок. Вспомните, громыхмейстер злоупотреблений гостеприимством не одобряет. Корабль, насколько я понял, в рабочем состоянии и горючего до ближайших населенных планет нам хватит.

— Не в горючем дело, — отмахнулся капитан. — Пока тебя не было с нами, выяснилось, что свербиты как-то умудрились похитить ту женщину, с которой вы познакомились на Арис. Она еще предупредила нас об опасности, советовала не брать попутных грузов.

— Степа, они схватили Терзалию Крис, — не выдержал я, — надо ее выручать!

— Спасти бедную девушку — это наш долг! — сообщил Степан, поднимаясь из-за стола. — Я готов!

— И я готов! — сказал я, вставая рядом со Степаном.

— В принципе я всегда готов участвовать в благородном деле, — заметил Григорий, внимательно посмотрев на капитана, — а спасение дамы, что может быть более благородным?

— Спасать надо! С этим никто не спорит, — хмуро сообщил Прохор. — А вот как спасать? Если вы такие быстрые, может, подскажете. Форт Хох, как я подозреваю, вполне солидное сооружение с достаточно сильным гарнизоном. Прямой атакой, как говорится, с наскока, тут ничего не сделаешь, даже если привлечь Филимона с его кибер-гвардейцами и попытаться как-то использовать саворбов. За ними армия свербитов, генералы, громды хмейстеров, техника. И пробовать нечего. Сотрут в порошок!

— Вы правы, капитан, — сказал Степан, — сил у нас маловато, но можно ведь перехитрить противника. Вспомните, нас должен был доставить в форт лейтенант Пус. У него даже бумаги соответствующие имелись.

— Имелись бумаги, — согласился Прохор, — до сих пор у меня в рубке на столике лежат. Что дальше?

— Вот мы и отправимся с лейтенантом в форт Хох. Пус парень покладистый, думаю, если мы его хорошенько уговорим, он покажет нам туда дорогу и сделает все, о чем мы его попросим. Проникнув в форт, отыщем нашу красавицу и, проявив чудеса изворотливости и героизма, все вместе спасемся. Как вам этот план?

— Гениально! — буркнул Прохор. — Более идиотской идеи мне от тебя давненько выслушивать не приходилось. Начинаю подозревать, что экскурсия в

Научный Центр, особенно осмотр изобретения Хлюпеншлепа, на тебя подействовали не самым благоприятным образом. Авантуризм чистой воды! Самим сунуть голову в петлю! Нет! Нет и нет! Как я могу позволить подобное? Я командир и отвечаю за вас. Самое разумное — лететь на Арис за подмогой, предупредить соседние планеты о возможности нашествия свербитов и вернуться сюда через неделю с эскадрой Организации Галактического Содружества. Вот тогда с нашими громыхмейстерами можно будет очень душевно потолковать, не опасаясь четвертований, глупометов и ядохимикатов.

— Самое разумное — еще не самое верное! — возразил Григорий. — В предложении Степы я нахожу известную привлекательность, этакое благородное нахальство, что ли.

— Капитан, как вы можете так говорить? — возмутился я. — Да за те дни, пока мы будем летать на Арис, эти негодяи десять раз успеют убить Терзалию! Нельзя медлить! Капитан! Я в любом случае без Терзалии никуда не полечу! Останусь и буду спасать ее один! Я пассажир и могу распорядиться своей судьбой сам!

— Ишь, герой! Как заговорил! В начале полета из каюты выходит опасался, а тут... М-да... Хоть к ордену представляй... — Прохор помедлил, выдержал паузу и закончил: — ... посмертно. Ладно, что с вами поделаешь. Попробуем осуществить эту идею. Только всем в лапы свербитов лезть ни к чему. Тебе, Степан, оставаться на "Звездном орле". Управлять кораблем умеешь! Если через шесть часов мы не вернемся или не сообщим о себе никаких вестей по передатчику, включай двигатели и лети к Арис за помощью! Ясно? А теперь иди и подготовь нам все необходимое для пу-

тешествия в этот чертов форт! Филимон, приведи сюда пленного лейтенанта. Надо с ним побеседовать, угостить его вишневым соком...

С лейтенантом Пусом капитан беседовал часа полтора, причём во время беседы лейтенанту было не до вишнёвого сока. Мне еще не приходилось присутствовать на более тщательном и детальнейшем допросе. Капитана интересовал форт Хох и подробности биографии самого Пуса. Кто родители? Кто родственники? Кем была прабабушка по материнской линии? По отцовской? Есть ли у лейтенанта родственники на других планетах? Выезжал ли он когда-либо со Свербы? Если выезжал, то куда? На какое время? Какие планеты посетил? Где учился? Как? С какого года в свербской армии? Приходилось ли участвовать в военных кампаниях? Каких? Есть ли награды? Ранения? Есть ли у Пуса увлечения? Какие? Привычки, излюбленные словесные обороты, ругательства? Перечислить! Какими скрытыми и явными пороками обладает лейтенант? С кем он знаком из офицеров и солдат форта Хох? Численность гарнизона форта? Какой дорогой безопаснее и лучше проехать к форту? Какое время займет путь туда и обратно? Может ли Пус показать по карте, как проехать в форт Хох?

Тут Филимон притащил свербскую военную карту местности (карты и атласы Свербы были изъяты у одного из пленных) и положил на столике перед лейтенантом. Пус нашел нужный квадрат и подробно рассказал, как ехать.

А капитан продолжал допытываться, проявляя, на мой взгляд, даже излишнее любопытство.

Как зовут коменданта форта? Есть ли у комендан-

та в самом форте родственники? Жена? Кто из офицеров гарнизона ее любовник? Их несколько? Фамилии, имена? Охарактеризуйте их поподробнее. Много ли часовых охраняет ворота форта? Что предпочитает комендант на обед? На ужин? Выпивает? В меру? Конкретнее, укажите объемы одноразовой загрузки в миллилитрах. А каковы ваши собственные гастроonomicкие пристрастия, лейтенант? Обожаете жареную говядину с хреном? А почему? А спиртные напитки употребляем? Не скромничайте! Какие именно? Перечислите названия? Сорта укажите и градусность. Ваше отношение к женщинам? Угу! Допустим. Каких предпочитаете? Блондинок, брюнеток? Говорите, на Свербе сейчас рыженькие в моде? Ценная деталь, надо запомнить. Укажите тип, пропорции, рост, темперамент. Так. А вас, лейтенант, какие женщины предпочитают? Подробнее! Да, если не затруднит, всех ваших близких знакомых...

Словом, когда Прохор закончил задавать свои вопросы, у Пуса была пунцовава физиономия, а на лбу выступили капли пота. Лейтенант настолько ослаб, что едва стоял на ногах. Роботы уводили его в каюту, поддерживая под руки.

А капитан был доволен:

— Будет помнить мою науку. При необходимости и мы всем их громыхмейстерам сто очков вперед дадим! Всю полученную информацию пусть Степан немедленно введет в кибер-двойника этого мымрика. Надо спешить! На опасное дело идем! Каждая деталь важна! Каждая подробность!

Тяжелый армейский вездеход быстро катил по горной дороге. В машине в сопровождении трех охран-

ников (в форме свербской гвардии) и лейтенанта Пуса находился экипаж "Звездного орла": капитан, штурман, кибернетик и пассажир. Со стороны, по крайней мере, это выглядело так. В действительности же была совершена небольшая подтасовка. Степана с нами не было, его и всех нас, а также и самого лейтенанта Пуса, изображали роботы-имитации, созданные саворбом. Мы же, капитан, штурман и я, переодетые в мундиры рядовых свербской гвардии, загrimированные, вооруженные автоматами и лучевыми пистолетами, конвоировали своих же кибернетических двойников и сопровождали лейтенанта.

Мы ехали в форт Хох спасать Терзалию. Я верил в успех и был полон энтузиазма. Героизм во мне так и бурлил, а храбрость клокотала.

Утро выдалось солнечное, теплое. Склоны здешних гор были покрыты могучими хвойными лесами. На придорожных камнях, грелись изумрудные ящерицы, в сочных, душистых травах весело стрекотали кузнечики. Над дорогой, пронзительно каркая, кружились грязные, растрепанные вороны.

Я настынивал песенку и думал о Терзалии, о встрече с ней, о том, что я ей скажу...

— Говорят, повстречать ворону — примета плохая, — глубокомысленно заявил Григорий, притормаживая на очередном повороте.

— На дорогу внимательнее смотри, раз за рулем сидишь, — ответил я. — Утро-то какое чудесное! Лучше всяких примет!

— Да... — в раздумье протянул капитан. — Утро славное... В такое утро особенно неприятно умирать от сквозного пулевого ранения в области печени. Помню, в молодости ходил я вместе с капитаном Дребсом.

Могучий был стариk. И вот в созвездии Стрельца... Мы тогда испытывали новый звездолёт класса "Поиск", надо сказать, дурная модель, потом их сняли с производства... Попали тогда в переделку: восемь дырок и три лучевых ожога! Как он мучился, обезболивающих никаких — аптечка сгорела вместе с катером... Туземцы так и лупят в нас из бластеров, так и лупят!

— Капитан, — сказал я умоляюще, — не рассказывайте больше эти страсти. Лучше — в другой раз. Я, кажется, становлюсь суеверным...

— Нервы надо укреплять! — обиделся Прохор. — Что уж я такого ужасного рассказал? Обычная житейская история. Сейчас приедем в форт, и такая же история, если не хуже, случиться может... Крепитесь, Тимофей, вы мужчина. Всегда надо быть готовым к самому худшему, тогда лучшее будет для вас приятной неожиданностью, подарком...

"Тыфу на вас, — думал я, — вы своими приметами и рассказами кого угодно доведете до изнеможения. Тут сосредоточиться надо, собрать всю волю, все нервы в кулак, продумать каждую деталь будущей операции! А они..."

И я сосредоточился и стал обдумывать панораму будущей операции.

Значит, так! Въезжаем в ворота форта. Лже-Пус предъявляет пропуск, потом раскланивается со своим приятелем-комендантом и вручает ему соответствующие документы. Сдает "пленников-землян" тюремщикам и требует выдать ему их сообщницу, будто бы для отправки в столицу.

Комендант улыбается Пусу, справляется о делах, о здоровье, небрежно перелистывает документы, смотрит приказ и, конечно, не замечает подделки (печати и росписи Филимон рисовал очень старательно).

— А что, лейтенант, — говорит комендант благодушно, — не желаете отобедать в моем обществе? У нас на второе жареная говядина с хреном. Есть ликеры. А мои люди пока оформят на преступницу сопровождающие документы.

— Нет! Нет! — конечно, восклицает Лже-Пус. — К сожалению, мой друг, не могу. Рад бы, но не могу. Спешим! Служба! Приказ! Завидую, старина, завидую — говядина, приготовленная руками вашей уважаемой супруги, — это божественно! Божественно! Но обстоятельства! Начальство рвет и мечет. Не могу, не могу задержаться. Извини, извини, старина!

— Что ж, понимаю, служба, — естественно, отвечает комендант, — не смею задерживать. Будете возвращаться из Кротона, привезите мне пару бутылочек "Марсианского-вырубного". Очень тонкий букет, вкус — я ценю этот напиток.

— Какая проблема? Я куплю для вас, мой друг, ящик этого вина! — отвечает наш Лже-Пус.

В это время конвойные приводят бледную, измученную Терзалию. Комендант делает знак рукой, и я увозжу ее в вездеход. Вскоре к нам присоединяется Лже-Пус с оформленными бумагами и мы выкатываем за ворота форта. Григорий дает газ! Терзалия спасена!

Так... А если комендант пожелает связаться с Кротоном по видеофону и подтвердить приказ о передаче пленицы Пусу? Это было бы ужасно! Нас разоблачат, и мы погибнем! Нет! Не бывать этому! Прорвемся! Как только рука коменданта потянется к клавише видеофона, я всажу ему в зад пулью с усыпляющим веществом. Григорий и капитан нейтрализуют, ближайшую охрану. Я хватаю на руки потерявшую сознание Терзалию и выношу ее к вездеходу.

Конечно, гудит сирена. Переполох! Стрельба, топот солдат по коридорам. Капитан и Григорий прикрывают наш прорыв, отстреливаются. Возможно, придется взорвать пару гранат! Мы садимся в вездеход. Стремительно катим к воротам. Охранники в растерянности. Разрезаем лучами лазерных пистолетов створки ворот и, набирая скорость, вылетаем на дорогу. Измученная, но благодарная Терзалия обнимает меня и...

— Эй! О чём задумался, студент? — прервал мои сладкие грезы в самый захватывающий момент Григорий. — Заснул, что ли?

— Нет, — вздохнул я, — карту изучаю. До форта не более семи километров осталось.

И в это самое мгновение дорога перед вездеходом стала дыбом. Ухнуло так, что уши заложило.

Григорий резко надавил на тормоз, и я чуть не воткнулся головой в ветровое стекло.

Где-то сбоку на пригорке в кустах дикой сирени зарокотал пулемёт. Вездеход сразу осел набок — лопнули, пробитые первыми же пулями, шины правых передних колес.

Григорий с капитаном молча подняли руки. Я последовал их примеру.

— Опять попались, вздохнул Григорий. — Говорил же, вороны — это не к добру, вот невезуха...

Прохор молчал.

Откуда-то из придорожных кустов с бодрыми криками выскочили молодые, здоровые парни в защитных комбинезонах, с автоматами. Было их человек двенадцать, не меньше... Последний слабый луч надежды угас для меня и товарищей.

Нас грубо вытащили из машины и погнали через колючие заросли, подталкивая в спину дулами автоматов

и заставляя держать руки на затылке.

— Не могли бы вы, уважаемые, повежливее обращаться с нами, — попросил я одного из толкавших меня дулом в спину. — Мы все же живые люди.

— Пока живые, — услышали мы ужасный ответ, — но скоро это маленькое упущение будет исправлено. И тебе, сосед, не придется больше досадовать на наши грубые манеры. Гы! Гы! Гы!

Вокруг захочотали. И в наш адрес посыпались самые грубые и глупые шутки...

И в этот самый чёрный час моей жизни я вдруг услышал впереди голос и звонкий, открытый, серебристый женский смех.

Нет, никогда и ни при каких обстоятельствах я бы не спутал этот голос и этот смех ни с чьим другим голосом и ни с чьим другим смехом. Так могла смеяться только Терзалия Крис.

Да, то была она!

В элегантном, защитного цвета, комбинезоне, в темно-коричневой кожаной куртке, с двумя лучевыми пистолетами в кобурах у пояса, Терзалия выглядела очень мило и воинственно. В нашу сторону она даже не взглянула, а сразу остановилась перед роботами-имитациями. Радостно улыбаясь, она что-то негромко сказала им и в следующую минуту улыбка исчезла с ее лица. И красавица на какую-то секунду растерялась. Я сразу сообразил, что пассивное, безучастное поведение наших кибер-двойников вызвало удивление, Терзалия почувствовала подвох...

И вот она уже смущенно оглядывается по сторонам, пытается оценить обстановку, взгляд Терзалии на мгновение встречается с моими глазами. Я не выдерживаю и улыбаюсь, делаю шаг навстречу, и тут же

один из моих сторожей хватает меня за плечо и толкает назад. Я пытаюсь вырваться и слышу:

— Оставьте его! — Терзалия подходит ближе, поправляет рукой свои дивные огненно-рыжие волосы, выбившиеся из-под берета, и, уже оценив юмор ситуации, добавляет: — А вам идет военная форма, Тимофей, но только не свербская. Освободите пленников, ребята! Это и есть те люди с Земли, которых мы спасали. А те, в летных костюмах, роботы-имитации.

— Вы нас спасали? — брови капитана Прохора полезли вверх. — Интересно, чем же тогда занимались мы? Однако...

— Мадам, объясните, пожалуйста, мне, неразумному, что здесь происходит? — спросил Григорий. — Я понимаю... Перст судьбы, обстоятельства... Попасть в плен к такой женщине, как вы, об этом можно только мечтать тихими лунными ночами... Но ведь он, то есть студент, то есть, я хотел сказать, Тимофей... Мы были уверены, что вы пленница форта Хох, и собирались спасать вас из лап коварного громыхмейстера. А теперь выходит, что вы здесь, в горах. Что случилось? Вас освободили?

— Да. Да. — Встрепенулся капитан. — Расскажите, что происходит? Кто кого спасает?

Один я молчал и не задавал никаких глупых, ненужных вопросов.

Я был счастлив...

По-моему, и Терзалия была довольна. Она вновь улыбнулась и, подмигнув мне, сказала:

— Все очень просто. Не вы одни умеете создавать кибернетические имитации. В форт Хох я никогда не попадала. Свербиты задержали моего кибер-двойника. Мы рассчитывали, что на очную ставку с псевдо-Тер-

залией в форт привезут всех вас, и устроили эту засаду. Я рада, что вы сумели освободиться сами. Как вам это удалось? Охрана полигона была очень сильна.

— Чем толще тюремные стены, тем сильнее тяга к свободе, — удовлетворенно произнес Прохор. — Мы убедились, что наше дальнейшее пребывание на Свербе влечет за собой известные неприятности, и решили покинуть эту столицу гостеприимную планету даже вопреки желанию ее правительства. Единственное, что нас слегка задержало, это известие о вашем пленении.

— Так вы и звездолет себе уже вернули?

— Разумеется, — снисходительно улыбнулся Прохор. — Правда, с призательностью должен отметить, что возвратить нам "Звёздный орел" помог ваш маленький талисман, который вы подарили Тимофею. От имени экипажа и от себя лично, как говорится, имею честь поблагодарить вас, милочка, за все то хорошее и доброе, что вы для нас сделали. А, ладно, — тут Прохор махнул рукой. — Хватит мне — старому дураку нести околесицу. Дайте-ка я вас, ласточка вы моя ненаглядная, обниму и расцелую.

Я и глазом моргнуть не успел, как Прохор, по-гусарски расправив усы, приобнял, надо отметить, с большим энтузиазмом Терзалию и влепил ей такой звучный и пылкий поцелуй, что все вокруг засмутились и покраснели. А Терзалия высвободилась, достаточно непринужденно, из объятий капитана и, улыбнувшись, сказала:

— Ну, хватит заниматься пустяками, У нас еще полно дел. По дороге к звездолёту расскажете мне все подробности ваших приключений. Тимофея, почему вы так побледнели? Что с вами?

— Студент ревнует, — ехидно заметил Григорий. — Капитан, вы, кажется, травмировали нежную психику нашего пассажира. Мадам, объясните хоть вы ему... Боюсь, как бы дело не кончилось дуэлью... Впрочем, пистолеты с усыпляющими ампулами к вашим услугам, джентльмены.

— Фу, какие глупости, Тимофей! — воскликнула Терзалия. — Сейчас же улыбнитесь! Разве вы забыли, капитан, поцеловал меня от имени всего экипажа и от себя лично.

Что мне оставалось делать? Больше секунды я не в силах был сердиться на Терзалию. И я улыбнулся. И сказал, что тоже жажду поцеловать ее от имени экипажа, а потом еще тысячу раз от себя лично.

Прохор на эти мои слова одобрительно улыбнулся и пробасил:

— Во! Это по-нашему...
И мир был восстановлен.

Глава 20

Вновь с привычной монотонностью гудели двигатели звездолета. Из коридора доносился ворчливый голос Филиона и обиженное мяуканье кота Василия. Знакомые звуки убаюкивали, успокаивали. Полет продолжался. И сквозь дрему, сквозь какое-то сонное оцепенение трудно уже было разобрать, какие из событий последнего месяца мне пригрезились, а какие произошли в действительности. Впрочем, едва ли это имело хоть какое-то значение — ведь реальность и выдумка всегда переплетены так тесно, что составляют, фактически, единое и неразрывное целое.

Я вспомнил свое расставание с Терзалией, и тоска, зеленая и безысходная, вновь охватила меня.

Терзалия не могла лететь с нами. На Свербе, по ее словам, назревали решающие события. После принятия эдикта "О запрете на размышления" и проведения в самых широких масштабах кампании по регламентации умственной деятельности, как и следовало ожидать, экономика Свербы с удивительной быстротой стала разваливаться.

В ходе кампании по борьбе с мыслящими кадрами, как это обычно бывает в результате подобных социальных экспериментов, чиновники несколько переусердствовали, и законопослушные жители Свербы совсем перестали думать. Теперь даже решение самых элементарных житейских и производственных вопросов целиком возлагалось жителями Свербы на плечи начальства, которое, надо отметить, и до введения в силу эдикта "О запрете на размышления" особым глубоко-мыслием никогда не страдало и в силу некой странной закономерности, еще до конца не объясненной психологами, все более-менее рациональные и разумные решения насущных проблем планеты отклоняло. И, напротив, глупейшие, и даже явно идиотские, проекты получали у начальников, что называется, горячее одобрение и продвигались в жизнь в кратчайшие сроки. В связи с этим стоит, например, вспомнить одобренный как раз после введения а силу запрета на размышления проект перекачки воды из океанов Свербы в центральную гористую часть Большого континента планеты с целью создания искусственного океана внутри высокогорных областей и увлажнения, таким образом, засушливого климата здешних мест. Согласно проекту, наме-

чалось обнести Великую черную пустыню континента кольцевой дамбой протяженностью в тридцать восемь тысяч километров и высотой до километра и заполнить этот гигантский искусственный резервуар океанскими водами. В газетах уже появилось и название будущего водохранилища: "Великий верхний океан имени громыхмейстера Хапса Двадцать девятого Дробь Один". Конечно, стали возникать и другие, столь же грандиозные по своей нелепости проекты и планы, и все они, надо заметить, в силу тех или иных причин рассматривались в парламенте Свербы и находили своих горячих приверженцев. Увы, энтузиазм создателей подобных сверхграндиозных "проектов эпохи" сдерживался только отсутствием соответствующих средств в свербской казне...

По мнению Терзалии, концентрация глупости в административном аппарате Свербы достигла своей критической величины и грозила всеобщим и скорым катаклизмом. Громыхмейстер объявил уже тотальную мобилизацию дураков и, очевидно, проявляя излишний либерализм и делая уступки оппозиции, приказал составить и опубликовать "Перечень мыслей, разрешенных к употреблению в пределах свербского государства". "Перечень..." составлялся, очевидно, лично самим громыхмейстером, либо под его непосредственным наблюдением и содержал изречения и цитаты из речей самого громыхмейстера почти на все случаи свербской жизни. Увы, среди неблагодарного населения планеты начались волнения. Особенно буйствовали студенты — их собирались с лопатами отправить в пустыню на возведение Великой дамбы. Кое-где возникли отряды сопротивления существующему

режиму. Трон громыхмейстера зашатался. Политическая обстановка на Свербе сильно осложнилась и требовала личного присутствия Терзалии. Почему? Этого Терзалия мне не сказала. А задавать лишние вопросы любимой женщине я не отважился.

Возможно, Терзалия была связана с повстанцами. Во всяком случае, история с саворбами ее очень заинтересовала. Она сказала, что теперь, когда Степан передал ей свои шифры и программы по системе управления этими киберами, повстанцам будет легче бороться с громыхмейстером и его генералами.

Я хотел остаться вместе с ней. Уговаривал ее, но Терзалия отказалась от моей помощи. Нет, сказала она, тебе, Тимофей, надо лететь дальше. У каждого свой путь и своя звезда, к которой и нужно стремиться. У тебя другая цель. Лети к А-13 — С-147 и раскрой тайны липофигов. А потом, выполнив намеченное, мы обязательно встретимся.

На память о себе она оставила мне все ту же маленькую куклу — кибернетический талисман. И теперь эта кукла-робот сидела в коробке на моем столике. И я смотрел на эту куклу, вспоминал Терзалию и думал, как все же сложно определить свой путь в жизни и отыскать свою единственную, персональную звезду, к которой только и стоит стремиться.

Что ж, размышлял я, путешествие продолжается. Впереди исследования на планете не то третьей, не то четвертой звезды А-13 — С-147... Загадки липофигов! Со своей задачей я, естественно, справлюсь, а затем... Что мне делать потом? Я чувствовал, надо что-то менять. К привычному течению земной жизни в институте возвращаться не хотелось. Я не мыслил дальнейшего

существования без Терзалии и не находил себе места. Арис, Сверба, недели полета на "Звездном орле", встречи и расставания с Терзалией — все это одурманивало, очаровывало, уводило все дальше от будничной земной жизни в какой-то немыслимо экзотический, сказочный мир, возврата из которого к привычному уже не было.

Приближался час ужина. И я направился в кают-компанию.

В кают-компании на своем обычном месте за столиком сидел капитан Прохор и неторопливо цедил вишневый сок из бокала. Филимон гремел тарелками. Кот Василий лениво прохаживался вокруг столика и почесывал спину и бока о ножки кресел. Ни Степана, ни Григория еще не было.

— Садись, — сказал Прохор, — ребята сейчас по-дойдут. Филька обещал через десять минут приготовить ужин. Да, у меня для тебя послание имеется.

— Капитан протянул мне голубой конверт и пояснил:

— Твоя подружка с Арис оставила. Просила вручить, когда "Звездный орел" вылетит за пределы их созвездия.

— Как? И вы сутки молчали!

Я выхватил у капитана из рук конверт и поспешно распечатал.

Письмо Терзалии. Что в нем?

В конверте на белом листке бумаги было всего несколько строк.

"Тимофей, простите за все. Я очень виновата перед вами всеми. Боюсь, что главной причиной тех неприятностей, что произошли с вами, была я.

Увы, воображение иногда заводит нас слишком да-

леко. И все же надеюсь, что после вашей командировки вы заглянете ко мне на Арис.

Ваша Терзалия Крис".

Признаюсь, поначалу, прочитав эти строки, я мало что понял.

Она просит прощения! За что? Причина неприятностей? Что это значит? Недоразумение с ее неудавшимся спасением? Нет, что-то не то... Куда заводит нас воображение? Зачем это письмо? Почему мне передал его капитан через сутки после вылета с Арис?

При чем здесь воображение? Чье воображение?

И тут меня осенило.

Терзалия — уроженка Арис! Так вот кто был автором того нелепого приключенческого романа, в который мы все угодили! Планета Сверба, громыхмейстер Хапс, генерал Нивс и другие — все они созданы воображением самой Терзалии... А потом туда, на Свербу, попали и мы, пришельцы из обычного мира. А затем и сама Терзалия уже в качестве героини своего же произведения кинулась нас спасать, пытаясь исправить свой же сюжет... Так вот куда завело нас воображение!

Ничего не скажешь — история!

Выходит, я — литературный герой, влюбившийся в автора произведения... Гм! А с другой стороны, и сама Терзалия вдруг из автора стала героиней — пыталась, причем несколько раз, предостеречь нас, выручить, спасти, так сказать, вопреки логике сюжета... Опять концы с концами не сходятся... Что же мне делать? Я ведь теперь жить не смогу без неё. Но как же быть? Я взглянул на капитана. Прохор безмятежно отхлебывал

свой любимый вишневый сок и, как мне показалось, старался не смотреть в мою сторону.

— Капитан, — спросил я. — Вы догадываетесь, о чем она пишет в этом письме?

— Я не гадалка, — заметил Прохор, опуская бокал на столик и поглаживая бороду, — но могу предположить, о чем могла идти речь. Наверное, твоя Терзалия написала тебе о своей трудной и опасной профессии, кстати, одной из самых уникальных профессий в галактике. И одной из самых неблагодарных... Сам подумай, что приятного можно находить в таком занятии, как выправлять чей-то чужой бред, делать его наименее опасным для окружающих, спасать таких, как мы, случайно попавших в сюжет героев...

— Ничего не понимаю, — признался я. — Так кто же она такая?

— Фея, это по-ихнему, — ответил капитан, — а по-нашему — редактор придуманных действительностей. Иногда она помогает авторам, вносит какие-то поправки в их выдумку, а чаще, как в нашем случае, старается свести к минимуму вред от чьей-то бредовой фантазии.

— Теперь понимаю, она извинялась, что не сумела оградить нас от выдуманного мира Свербы... А я было решил, что она сама автор этого романа...

— М-да! — пробормотал Прохор. — Это, пожалуй, было бы уже слишком... Впрочем, не следует забывать, что все мы, в сущности, герои и соавторы одной и той же истории, которая называется историей человечества, а посему, помогая друг другу в беде и творя добро, мы исправляем наш общий сюжет. Именно поэтому я полагаю, Тимофей, что со временем мы еще отпразднуем ваше бракосочетание с Терзалией, ведь

любая фея всегда остается женщиной. И не надо придавать своей физиономии такое постное выражение, не будем портить друг другу аппетита. А вот и Филимон, кажется, на этот раз на ужин он приготовил нечто совершенно восхитительное.

И капитан Прохор, как обычно, оказался прав...

Прошли месяцы и годы.

Вновь была встреча с Терзалией.

Были новые путешествия и приключения.

Много чего было, но об этом в другой раз.

РАССКАЗЫ

После второго прыжка во времени мы очутились у подножия какого-то сильно действующего вулкана.

Сотрясалась почва, сыпались камни, по склонам горы сползали лавовые потоки, вокруг грохотало...

— Скорее, Вася! — не выдержал я. — Жми на педали, пока нас здесь камушками не засыпало! Удирать надо! Разбираться с аппаратом потом будешь! Жми!

СКРЫТЫЕ РЕЗЕРВЫ

С понедельника Степаныч решил начать новую жизнь. Степаныч всегда начинал новую жизнь именно с понедельника. Почему-то он был убежден, что ни вторник ни среда, ни другие дни недели для начала новой жизни не годятся. Только понедельник! И еще лучше, если понедельник в начале месяца или даже в начале года.

И на этот раз к началу новой жизни Степаныч готовился серьезно, со всей обстоятельностью. Уже в воскресенье был наведен порядок в квартире. Степаныч наконец, разгреб многолетние наслоения бумаг и пыли на письменном столе. После получасовых прерываний заставил своего домашнего робота Копачку (удивительно ленивое сооружение) вымыть полы в комнатах. И хотя Копачка потом почти час дребезжал, что хозяин, мол, нарушает правила эксплуатации домашних роботов. Дескать, от влажных уборок у него, у Копачки, суставы ржавеют, но полы все же вымыл, натер до блеска и даже смахнул паутину со стен и пропылесосил стеллажи с книгами, чем привел Степаныча в совершеннейшее изумление.

— Невероятно! — бормотал Степаныч, созерцая плоды Копачкиных трудов. — Ну, на меня накатило. Порыв энтузиазма, можно сказать, вдохновение! Перед началом новой жизни со мной такое иногда бывает, но Копачка! Этот лоботряс, лентяй, тунеядец, позорящий славное семейство домашних роботов! Кухонный робот, которого почти невозможно уговорить приготовить сносный обед! Бездельник, которого нельзя за-

ставить сходить в ближайшее кафе за продуктами! И вот это кибернетическое безобразие, можно сказать, само, по собственной инициативе, сметает паутину и включает пылесос! Нет, положительно, должно что-то случиться! Копачка, да исправен ли ты? Такой приступ трудолюбия! Этим надо непременно воспользоваться. Копуша, я решился. Слушай меня внимательно и не смей возражать!

— Можно подумать, хозяин, что скажете что-нибудь умное, — презрительно процедил робот.

— Молчать! — рявкнул Степаныч. — Я начинаю новую жизнь! Ясно? Слышишь ты, самовар никелированный? Отныне возражений не потерплю! Чуть что — сдам в металлолом, понятно?

— Да уж не глухие, — сухо ответил Копачка. — И чего это на вас, хозяин, сегодня накатило? Жили себе тихо мирно, занимались науками...

— Не возражать! Мне уже скоро тридцать, а я все дурака валяю. Вон, Николай Семипядев — дружок мой уже в трех межзвездных экспедициях побывал! Капитан-лейтенант космофлота, заслуженного астронавта не сегодня завтра присвоят, а я? Все в игрушки играю. Или Фрол Абрикосов — двадцать девять лет — уже профессор, семейный человек, двое детей — сын и дочка, жена — красавица! А я? Все в холостяках...

— И мы живем не хуже! — все же возразил Копачка.
— Ну и что ж, что Колька Семипядев в заслуженные астронавты вышел? Подумаешь, невидаль — межзвездные путешествия! А здоровье свое как он подорвал? Хронический космический насморк, все зубы регенерированные. Только марсианской лихорадкой три раза переболел! А этот Фрол-семьячин! Жена — красавица! А теща — Бомбарда Бертолетовна, о ней ты забываешь? А прочая родня? А семейные скандалы? А...

— Молчать! Тебя послушать — так и умрешь холостяком! Не выйдет! Вот с понедельника начинаю новую жизнь, подстригусь, сбрею бороду, отпушу усы, надену свой новый кремовый костюм и женюсь... Да, женюсь! Тебе, старому холодильнику, этого не понять! Это человеческое! Годы уходят! Вокруг полно красивых, добрых и одиноких женщин. А у меня уже от твоих обедов и завтраков желудок портиться начинает. Да, и не возражай!

— Интересно, чем это вас, хозяин, моя кулинария не устраивает? Все по рецептам из поваренной книги делаю: и борщи, и котлеты, и салаты.

— Как же, как же! А кто вчера мне к ужину манную кашу машинным маслом заправил? Может, скажешь, по поваренной книге действовал?

— С кем не бывает, — извинительно прогудел робот.

— Я уже объяснял, этикетки на бутылках перепутал.

— Вот и помалкивай! Нет, пока ты меня не угробил окончательно, надо кардинально менять образ жизни. Решено — или записываюсь в экспедицию к Порциону или становлюсь семейным человеком!

— Ну, не знаю, не знаю! — проскрипел Копачка. — Встречаются, конечно, женщины со странными вкусами, но едва ли, хозяин, найдется сумасшедшая, которая с готовностью свяжет свою судьбу с вашей.

— Хо! Старая железная труба, что ты понимаешь в женщинах? Кто бы рассуждал! Возьмем, к примеру, хоть мою лабораторию. Алина Викторовна — младший научный сотрудник, помнишь?

— Крашеная блондинка. Двадцать три года. Рост — метр семьдесят пять. Полнота средняя. Глаза карие нос прямой. Характер спокойный. Практическая хватка. Интеллектуальные способности — ниже среднего...

— А, вот видишь, даже тебе запомнилась... Способ-

ности — это ни к чему! Она вчера раза три на меня смотрела таким долгим, изучающим взглядом. Ах, как она на меня вчера смотрела!

— Ничего не выйдет, хозяин, у нее уже есть муж!

— Разве?

— Да. Шатен. Двадцать семь лет. Рост — метр девяносто. Вес — девяносто пять. Первый разряд по фехтованию, вольной борьбе и стрельбе из лука. Знаком с боксом. Убойная сила кулака...

— Хватит, меня не интересуют эти подробности! Подумаешь, трагедия! Хм... А шут с ним! В конце концов, с моей женитьбой можно пару недель подождать пока мы не найдем другую, более подходящую, кандидатуру... А вот экспедиция к Порциону...

— Хозяин, у вас слабое здоровье. Вы же сами всегда жалуетесь, что плохо переносите тяготы пути. На Луну слетать к родной тетушке никак не соберетесь, а тут... межзвездная экспедиция... Гиперпространственные переходы! Порцион! Опасности неизученных планет! Космические чудовища! Бrr! Хозяин, положа руку на карбюратор, это не для вас! Ваша нежная душа, ваш утонченный вкус, что будет с ними?

— Молчать! Все уже решено! Тебе не удастся меня отговорить на этот раз. Да! — Степаныч зажмурился, пытаясь отогнать навязчивые видения ужасов иных миров. — Завтра же уезжаю. Начну новую жизнь! Хватит диван протирать! А сейчас мы с тобой займемся самым главным! Копа, мы разберем завалы в нашей кладовой. На этот раз не отвертишься. Надо подготовить вещи и снаряжение в дорогу, упаковать чемоданы!

— Хозяин... — прошептал Копачка и зашатался. Наверное, если бы роботы могли бледнеть, Копачка бы стал белым.

Разговоры о разбиании кладовушки, или, как ее еще

называли, темной комнаты, Степаныч заводил каждый раз перед началом новой жизни вот уже в течение десяти, а то и пятнадцати лет, но дальше разговоров дело обычно не шло. Стоило Степанычу открыть дверь в большую, заваленную от пола до потолка приборами тюками, коробками, ящиками, пакетами с результатами исследований, старой одеждой и обувью, банками с химреактивами и прочим хламом комнату, как всякая охота к наведению порядка и к новой жизни у него проходила. Однако на этот раз Степаныч с треском распахнул дверь кладовушки и с непонятным для Копачки осторожением начал выбрасывать на пухистый палас большой комнаты вещи.

Тонкий знаток хозяйствской души — Копачка минуты две молча наблюдал за усилиями Степаныча, очевидно, все еще смутно надеясь, что хозяин устанет и уговорится, затем стал помогать.

— Космический скафандр, списанный, — бормотал Степаныч. — Откуда здесь скафандр? В утиль! А это что? Микроскоп? Устаревшая конструкция — в металлическом ломом! А эти железяки зачем? Копа, я уверен, это ты натаскал сюда всякой дряни с городской кибернетической свалки! Все выбросить!

— Хозяин, это запчасти, очень ценное оборудование! Как вы можете?

— Помалкивай! А ну-ка помоги! Взяли! Хм! Как сюда попал этот титановый бак? Зачем он вообще нужен? А это что за конструкция? Это что такое? Степаныч с трудом приподнял металлический ящик полуметровой длины, передняя панель которого была утыкана сотнями разноцветных кнопок.

— Помоги, чего стоишь? — прохрипел он. И они вдвоем с Копачкой водрузили загадочный прибор на обеденный стол.

После этой трудоемкой операции Степаныч смахнул тряпкой с корпуса прибора пыль и, вытерев той же тряпкой пот со лба, сурово посмотрел на робота.

— Это не моя вещь, — поспешил ответил Копачка.

— Это ваш брат, Николай Степанович, из прошлого своего путешествия привез и попросил меня сохранить до его будущего возвращения. Уже лет шесть пылится.

— А для чего она предназначена?

— Для чего-то, наверное, нужна, раз он ее почти через всю галактику сюда тащил. — Копачка обошел вокруг непонятного прибора и осторожно прикоснулся к панели с кнопками.

— Тише ты, бульдозер! — одернул его Степаныч. — Не трогай кнопки! Неизвестно, что это! Взорвется еще чего доброго! Кто его знает, что там внутри!

— Нет, вещь явно полезная, нужная. Взрывчатку бы Николаю Степановичу на звездолете провезти не позволили. Зачем она ему? Да ее и на Земле хватает. Тут другое! Это какая-то редкость. Экспедиция-то была к Арас-аль-Гетти. Альфа Геркулеса, — пояснил Копачка, заметив недоумевающий взгляд хозяина. — У них вполне мирная, высокоразвитая цивилизация. Надо посмотреть бумаги вашего брата, найти какие-нибудь правила пользования этой штукой, инструкции по эксплуатации... А еще лучше, подождите, пока сам Николай из экспедиции вернется, у него все и выясним.

— Хо, — нервно хихикнул Степаныч, — выясним! Он может, только через десять лет вернется, что же мне десять лет еще ждать? Ты не увиливай! Раз решили разбирать кладовку — все сегодня же разберем и сами додумаемся, зачем эта штуковина моему братцу понадобилась! Продолжим уборку!

И они продолжили чистку кладовки и рассмотрение ее содержимого. Работы этой хватило до поздней ночи.

На следующее утро, в понедельник, Степаныч, все еще с твердым намерением начать новую жизнь, поехал в свой институт, предварительно поручив Копачке разобрать папки с бумагами брата и к вечеру выяснить, зачем был нужен загадочный прибор и как им пользоваться. Естественно, Копачка пытался возражать, но затем смирился и занялся своими обычными домашними делами — стал устранять следы вчерашней уборки, водружая выброшенные из кладовки вещи на их прежние места. Он спешил — к приходу Степаныча свалка в центре большой комнаты должна была исчезнуть.

Вечером, после напряженного трудового дня в институте, Степаныч возвратился домой порядком подуставший и, как обычно, озабоченный. Вчерашние радужные намерения переменить свой пакостный характер и начать новую жизнь, увы, к исходу рабочего дня значительно подували и пожухли, сказывалась всегдашняя институтская текучка и утверждение новой темы для лаборатории. Степаныч уже почти успел забыть и о загадочном аппарате в центре обеденного стола, и об указаниях, данных Копачке, однако сам робот напомнил обо всем самым недвусмысленным образом.

Не успел Степаныч еще войти в комнату и прикрыть за собой дверь, как его домашний робот с криком "Эврика!", размахивая пыльной папкой и какими-то схемами и чертежами, возник перед ним, точно сама судьба, неумолимая и безжалостная:

— Нашел! Хозяин, эврика! — оглушительно рявкнул Копачка, вытягиваясь перед Степанычем по стойке смирно. — Это документация на прибор! Хозяин, это то что нам нужно! Лучше не придумаешь!

— Спокойнее! Спокойнее! Копа, ты, кажется, перевозбудился? Опять с токами высокой частоты баловался? Смотри у меня. Сбавить громкость! Понизить

тембр! Докладывай тихо, обстоятельно и последовательно. В чем дело? Что ты еще нашел?

— Этот прибор, — заговорщики прошептал Копачка, указывая рукой с папкой в сторону обеденного стола, — называется "Импульсный универсальный корректировщик действительности". Радиус воздействия до десяти километров. Избирательность на квантовом уровне. Исправление отдельных поломок в считанные секунды, устранение сложных функциональных расстройств в течение суток. Фирма гарантирует качество, надежность и универсальность применения агрегата. Питание прибора от любой электросети, энергоемкость незначительная. Для нас, хозяин, это просто чудо, а не прибор! О! Подумать только, такое сокровище годами пылилось у нас в кладовке! Нет, не зря ваш гениальный брат вез это чудо через всю галактику! Я знал, я был уверен — плохого Николай Степанович из экспедиции не привезет!

— Хм! — Степаныч поморщился — похвалы в адрес брата совсем не вдохновляли. — Помолчи. Если учитывать, что и тебя на мою бедную голову Коленька привез из какой-то своей очередной экспедиции, то твое последнее утверждение весьма и весьма сомнительно. Так ты говоришь, нашел документацию на этот ящик?

— Да, хозяин, — подтвердил Копачка. — Правила эксплуатации прибора элементарно просты. Я до вашего прихода позволил себе воспользоваться этой техникой.

— Даже так. И что же ты тут без меня корректировал?

— Вы, хозяин, всегда утверждали, что я ленив, малоподвижен и апатичен. Я указал прибору на эти свои качества, как отрицательные, и попросил проверить

все мои характеристики и отрегулировать — и вот результат. Я ощущаю небывалый прилив энергии! Мои системы работают так, словно меня вчера изготовили на заводе робототехники, причем изготовили в экспортном исполнении! О! Даже в лучшие дни своей далекой юности на испытательном полигоне мои механизмы и электронные системы не работали так слаженно и четко!

— Ладно, — махнул рукой Степаныч, — восторгов, я думаю, достаточно. Ужин мне не забыл приготовить?

— Простите, хозяин, не успел! — виновато промямлил Копачка. — Но я сейчас же займусь кулинарией.

— Погоди! Как, говоришь, называется эта штуковина?

— "Импульсный универсальный корректировщик действительности", ИУКД сокращенно.

— Понятно, значит, эта машина умеет исправлять ошибки и поломки. Умеет механизмы настраивать и регулировать. Этакий универсальный наладчик. Что ж, и в самом деле, похоже, ценная вещь.

— Хозяин, — прошептал Копачка. — Тут вы не совсем правы. Возможности корректировщика неизмеримо шире. Он корректирует, то есть улучшает, совершенствует не только механизмы и машины, но все, что угодно! Любую действительность! Любой материальный объект, каким бы сложным и чувствительным этот объект ни был. Более того, из технического паспорта видно, что этот прибор способен, правда в небольшом объеме, менять свойства самого окружающего мира.

— Копа! — строго сказал Степаныч, с некоторой опаской посматривая на универсальный корректировщик. — Надеюсь, ты не испытывал способности данного агрегата в этой области применения?

— Еще нет, хозяин, но, если вы разрешите, можно попробовать! — бодро ответил робот.

— Нет, нет, лучше не будем! Изменение действительности, как правило, ни к чему хорошему не приводит.

— Тогда, хозяин, не проще ли вам самому, пока я готовлю ужин, воспользоваться ИУКДом?

— Это еще зачем?

— Как же? Вы же собирались с сегодняшнего числа начать новую жизнь! Хозяин, вы достаточно самокритичны и всегда были недовольны собой и своим характером. Сама судьба дает вам великолепную возможность улучшить параметры организма, обновить и усовершенствовать свои системы, то есть, простите, я хотел сказать, вы сможете создать свой характер заново! Станете другим человеком! Помолodeете, наконец, телом и душой!

— Изыди на кухню, искуситель! Как-нибудь без тебя и твоих указаний разберусь, что мне делать.

Степаныч подождал, пока Копачка скроется за кухонной дверью, и в растерянности уставился на инопланетный агрегат.

— Ишь! Штуковина какая! — покачал он головой.

— Неземная техника — универсализм, одним словом. И роботов, значит, исправлять может, и людей. Ей все едино. Однако...

"Попробовать, что ли? Вреда, наверное, и мне не будет. Копачка-то от этого корректировщика в восторге... А с другой стороны, — в нерешительности задумался Степаныч, — что хорошо для роботов, то не всегда подходит людям. И вообще, эксперименты сразу на человеке... Надо бы на мышах проверить, на кроликах... А уж потом, получив разрешение министерства здравоохранения и "добро" от дирекции института..."

И тут он вспомнил свои вчерашние фельдмаршальские планы и мечты и покраснел.

— Тыфу! Ох, и размазня же я, — пробормотал Степаныч, — ни настойчивости, ни решительности, ни умения доводить задуманное и начатое до конца... А! Была не была, начнем новую жизнь.

Степаныч уже почти решился на эксперимент над собой и взял в руки инструкцию по эксплуатации корректировщика, но вновь появился Копачка и сообщил, что яичница с гренками готова, чай заварен и хозяину можно садиться за стол.

— Вот и славненько, — с облегчением вздохнул Степаныч, — откушаем, чайком побалуемся, а потом решим как лучше поступить.

И он пошел за Копачкой на кухню.

За столом Степаныч был задумчив, рассеян, поедал гренки и яичницу чисто машинально, даже не замечая что Копачка впопыхах вылил одно из яиц на сковородку вместе со скорлупой, и эта скорлупа теперь противно скрипела на зубах, крошилась и царапала язык.

— Что, хозяин, решились воспользоваться ИУК-Дом? Или пока раздумываете? — любопытствовал Копачка колдун над кухонной плитой.

— Там видно будет... — бормотал Степаныч, наливая в чашку бульон. — С чем пирожки? Опять синтетика?

— Пирожки с капустой, хозяин. На третье какао с пирожными.

— Не хочу. Налей горячего чаю. Что-то у меня сегодня аппетит пропал. И поясницу ломит, и голова побаливает, и вообще...

— Вот. Вот. И я об этом же, хозяин, вам толкую, капитальный ремонт вашему драгоценному организму давно требуется. ИУКД — верное средство. Я же уже на себе проверил, лучше не бывает! Как заново изгото-

вили, точно вчера с завода! Решайтесь, хозяин, решайтесь!

— Без тебя как-нибудь решу, что делать, — Степаныч со вздохом отставил тарелку и поднялся из-за стола.

В комнате он еще долго с сомнением разглядывал загадочный прибор, затем взял инструкцию и, поудобнее устроившись на диване, углубился в изучение.

Вскоре Степаныч убедился, что никаких особых сложностей в управлении ИУКДом нет. Требовалось сформулировать задание, указать, к какому сроку нужны требуемые изменения, и включить оперативную программу. Все остальное прибор, похоже, делал сам.

"Что ж, особых трудов от меня, к счастью, не требуется, — подумал Степаныч, — великое дело — техника. Была не была!"

Бодро вскочив с дивана, Степаныч уселся в кресло перед ИУКДом и нажал кнопку ввода задания:

— Хочу стать сильным, красивым, юным человеком да, еще обязательно, чтобы обладал несокрушимым здоровьем, — немного подумав, Степаныч добавил: — Хотелось бы и мыслительные способности развить в значительной степени... М-да. И волю, волю, вот чего у меня нет, так это силы воли, решительности, а эти вещи мне просто необходимы. Вроде бы все. Кажется, ничего не забыл. Ах, да — сроки исполнения! Ну, над этим долго думать не приходится — я, конечно, не Копачка, посложнее, но, наверное, месяца ИУКДу хватит.

И Степаныч, после минутного колебания, надавил на кнопку запуска оперативной программы и в следующее же мгновение пропали куда-то привычные очертания столь дорогого сердцу Степаныча холостяцкого жилища, исчез и сам ИУКД, и наш герой оказался в со-

вершенно незнакомой ему обстановке. Он стоял в центре сравнительно небольшой, твердой и ровной площадки огороженной высокими — метров десять, а то и все двенадцать — стенами из какого-то очень твердого серого камня.

Присмотревшись внимательнее, Степаныч обнаружил в стенах площадки две плотно закрытых металлических двери. И все... И никаких других сооружений ничего.

"Хорошенькая история, — подумал Степаныч. — Куда это меня занесло?"

Он попытался отворить одну из дверей, но как ни бился, как ни дергал за ручку, как ни надавливал на металл плечом — результатов не было. Так же основательно была заперта и вторая дверь. Даже сильнейшие удары Степаныча всем корпусом не давали ни малейшего эффекта — звук от ударов получался приглушенный, вязкий, точно там, за этими дверями, была все та же каменная, глухая поверхность стены.

"Выходит, я пленник", — уныло подумал Степаныч, но вдруг обнаружил рядом с одной дверью в стене правильный матовый четырехугольник экрана, и только было Степаныч задумался, к чему бы в глухой стене возник этот экран, как на экране вспыхнула надпись:

"Тест на сообразительность. Условия задачи: дано... Система уравнений..."

Степаныч крякнул:

— Экспериментаторы! Я им что — школьник? — однако после некоторых размышлений попытался все же осилить задачу. Минут за десять ему удалось разобраться в математических построениях и найти правильный ответ.

На экране вспыхнула надпись:

"Ответ верный, но вы не уложились в отведенное время, не засчитано. Предлагаем другую задачу..."

Степаныч посинел от злости, но выхода не было. Пришлось решать. И опять он не успел решить в заданное время.

Задачи на экране появлялись одна за другой. Степаныч, мысленно мобилизовав все свои знания в области математики, решал их — и не успевал по времени, а порою и ошибался в ответах. Пот лил с него градом. Появилось чувство голода, а проклятый экран все выдавал новые и новые тесты, задачки, уравнения. И Степаныч, чертыхаясь, учился быстрее соображать... И вот после трехчасовых усилий, почти отупев от мелькания цифр и данных на экране, он решил очередную задачку правильно и за положенное время.

Металлическая дверь с тихим гудением распахнулась и обрадованный Степаныч вошел в новое просторное помещение, где стоял прекрасно сервированный стол с различными, наиболее излюбленными нашим героям деликатесами.

"Ну, так еще жить можно, хоть что-то..." — подумал Степаныч и облизнулся, созерцая яблочный пирог, порцию домашних пельменей, блины с медом, большую жаровню с гусем, тушенным с картофелем и черносливом, и многое, многое другое, чем уже очень давно не баловал Степаныча ленивый Копачка.

Поудобнее устроившись в большом мягким кресле Степаныч плотоядно потер ладони и протянул руку, чтобы придвигнуть к себе жаровню с гусем, однако не тут-то было, жаровня взмыла со стола, точно тяжелый истребитель-бомбардировщик вертикального взлета, а вслед за ней упорхнули из-под рук Степаныча и все остальные деликатесы. Они разлетелись по всей комна-

те, точно стайка воробьев, в которую бросили камень.

Это уже ни в какие ворота не лезло. Степаныч сразу почувствовал просто зверский голод и чуть не заплакал от обиды.

— Ах, вы так! Издеваться решили! — вскричал он, все больше зверея от голода и чувствуя какое-то внутреннее остервенение. Быстро сняв с себя куртку, Степаныч попытался накрыть ей один особенно нахальный пирог порхающий перед самым его носом и источающий ни с чем не сравнимый, восхитительный запах домашней сдобы. Однако уловить пирог оказалось не так-то легко. Пришлось-таки побегать, попрыгать по комнате и даже проявить определенную охотничью смекалку. С тем большим аппетитом, впрочем, загулявший пирог был съеден, после чего взор Степаныча остановился на жаровне с гусем, летавшей где-то в четырех метрах от пола. Поразмыслив, Степаныч снял ботинки и, взвесив на ладони, прикинул, как лучше сбить жаровню. Осуществить задуманное удалось только после сорок третьей попытки. Гусь был съеден. На Степаныча при этом страшно было смотреть, на его ботинки тоже.

После еды Степаныч почувствовал себя таким усталым и измученным, что заснул тут же в кресле.

Мы не знаем, что снилось нашему герою, какие математические и гастрономические кошмары его мучили только проснулся он от холода и какого-то животного ужаса, охватившего все закоулки сознания.

В первое мгновенье пробуждения Степаныч не сообразил, что произошло. Затем почувствовал, лежит уже не в кресле, а в достаточно жесткой и густой траве. Вокруг сумрачно, едва различались могучие, уходящие в небо стволы деревьев. Где-то вдали слышался волчий

вой. Вот этот-то вой и всколыхнул сознание Степаныча, заставил вскочить на ноги и в три минуты, обдирая в кровь кожу рук и ног, цепляясь за сучья и ветки вскарабкаться на ближайшее дерево.

Если бы Степанычу еще неделю назад кто-нибудь заявил, что он способен лазить по деревьям, Степаныч бы рассмеялся в лицо этому чудаку, однако жизнь всему научит...

И потянулись дни, полные трудов, упражнений на сообразительность, на выносливость и на выживание.

То Степанычу приходилось часами искать выход из каких-то немыслимых каменных лабиринтов, то решать все усложняющиеся задачки по математике, физике, химии, инженерному делу и еще очень многим другим областям знаний. То неведомые силы заставляли его тренировать память и запоминать на скорость тексты, мелькающие на экранах. То приходилось гоняться за тарелкой с манной кашей, правда, Степаныч быстро сообразил, что каждую калорию пищи надо отрабатывать двигательными упражнениями, а сообразив, больше в жареных гусей ботинками не кидался, а просто, сосредоточив взгляд на каком-либо лакомом блюде, возникшем перед ним в очередном помещении на столике, спокойно начинал заниматься гимнастикой, например, приседать. После пятидесяти, а обычно, сотни приседаний пищевые продукты от него уже не убегали. Зато самому Степанычу то и дело приходилось удирать от различных зверюг, которых на него напускал ИУКД, очевидно, с чисто тренировочными целями.

Однако ужас при виде какой-нибудь пумы или львицы Степаныч испытывал в первые дни самый настоящий и развивал всегда максимальную для него скорость в беге и лазании по скалам и деревьям.

А с каждым прожитым днем испытания, выпадающие на долю Степаныча, усложнялись. Из лабиринтов все труднее становилось выбираться, все больше усилий, приседаний приходилось затрачивать для получения пищи, а сама пища становилась все грубее и жестче. Все быстрее, на пределе возможностей, требовалось убегать от хищников, и вот ведь, что странно, Степанычу удавалось выстоять, спастись, не умереть с голоду, его силы, сноровка, сообразительность с каждым днем росли.

Поначалу он не понимал, как все возрастающие нагрузки, стрессы выдерживает его несчастная, загнанная вконец, нервная система, как он не получает от всей этой беготни, лазаний и подпрыгиваний какой-нибудь инфаркт или инсульт? Ведь каждый день, каждый час на пределе сил и возможностей!

Но нет, не только не умирал, организм, кажется, становился закаленнее, крепче. В тканях тела происходили какие-то изменения, метаморфозы. Что это за изменения?

Степаныч чувствовал, дело нечисто. По ночам, во время сна, с его организмом что-то творилось, тело получало не только отдых, но и какие-то стимуляторы, витамины... Кто-то неизвестный внимательнейшим образом следил за всеми физическими характеристиками Степаныча, опекал его, тщательно проверял все внутренние органы...

А с пробуждением вновь начинались испытания, бег с препятствиями, дабы не быть съеденным, и бег за пищевыми продуктами, чтобы хоть немного насытить себя.

Обстановка же с каждым днем вокруг Степаныча менялась совсем не в лучшую сторону. Если первые

дни и ночи были летними, теплыми, почти тропическими, то постепенно температура и дневная, и ночная стала понижаться на градус, на два... Похоже, неизвестные тренеры собирались еще и закаливать бедный организм Степаныча.

"Ах, только этого мне не хватало, — горестно размышлял Степаныч, — И как меня угораздило попросить у ИУКДа несокрушимое здоровье, теперь они из меня определенно какого-нибудь моржа сделают..."

И он не ошибся. Вскоре ему пришлось преодолевать водные преграды, бороться со стремительными потоками и нырять, и плавать, и спасаться от акул. Причем температура воды колебалась иногда в течение одного часа от двадцати — тридцати градусов до двух-трех.

Однажды Степаныча настолько доконали все эти тесты на сообразительность, чередующиеся с убеганием от диких животных и плаванием в ледяных водах, что он решил больше за жизнь не цепляться.

"Сожрут так сожрут. Чем так жить, пусть мною этот тигр закусит", — решил он и сбавил темп, однако, когда тигриные когти изодрали в клочья куртку и почти до кости порвали правую руку, а от дикой, нестерпимой боли мутлилось сознание, Степаныч вновь ощущил желание жить и в последнем, стремительном рывке прыгнул с обрыва в быстрый водный поток. И этот поток подхватил его, истекающего кровью, и ласково понес.

Когда на следующее утро к Степанычу вернулось сознание, осталось только воспоминание о сильнейшей боли, о ранах, но самих ран, и даже шрамов от них, на теле уже не было. То ли воды потока оказались столь живительными, то ли вся схватка с тигром померещилась Степанычу, этого он так и не понял, но отныне в поддавки уже не играл никогда. Если убегал от очеред-

ногого чудовища, то изо всех сил, если гонялся за какой-нибудь вареной курицей, то со всем энтузиазмом, если решал задачку перед экраном, то как можно быстрее и самым коротким путем.

Так оно и шло.

И однажды наступил день, когда наш Степаныч вдруг почувствовал, что он уже не тот, что прежде. Он ощутил в себе новые силы и новые возможности, каждая клетка его тела излучала спокойную, уверенную энергию.

И Степаныч, возможно, впервые в своей жизни почувствовал вкус к борьбе, к этому бесконечному преодолению препятствий, к новым, неведомым еще сложностям существования. И он впервые, услышав звериный рык и отлично зная, что зверь идет по его следу, не показал спину очередному хищнику, а повернулся лицом к опасности и, отломив от старого дерева увесистый сук, пошел навстречу противнику.

И вот кончился месяц.

Однажды, решив перед очередным экраном новую математическую головоломку, Степаныч вошел в уже знакомый ему зал, с которого и начались его испытания и тренировки на сообразительность и выживаемость.

Он прошел в центр зала и, кое о чем догадываясь, плотно закрыл глаза. Когда же Степаныч соизволил открыть очи, то уже ничуть не удивился, обнаружив, что сидит в своей родной квартире в кресле перед ИУК-Дом, а с кухни доносится стук посуды и обиженное бормотание Колпачки:

— Что ни приготовишь, всё не угодишь... То у него аппетита нет, то желудок побаливает. Нет бы ИУКДом воспользоваться, но куда ему... Все некогда...

— Эй, Копа, иди сюда! — приказал Степаныч. Ко-пачка, услышав голос хозяина, ничуть не удивился вы-шел из кухни и осталбенел:

— Лучше не бывает! — провозгласил он. — Хозяин вас как заново изготовили! Точно вчера с завода! Вос-пользовались, значит, услугами прибора. Я же говорил лучше не бывает! Раз, и все!

— Ничего путного ты никогда не говорил! — спо-койно произнес Степаныч, с заметным удовлетворе-нием рассматривая свою помолодевшую, атлетиче-скую фигуру в большом настенном зеркале. — Гм! Так сколько говоришь, весит этот Цербер, я имею в виду мужа Алины Викторовны? Какая у него убойная сила кулака?

На этот раз Копачка безмолвствовал.

— Ладно. Мы еще посмотрим... — добродушно усмехнулся Степаныч. — Давай-ка подумаем, что мы еще должны будем откорректировать в себе? И Степа-ныч вновь уселся перед ИУКДом и в задумчивости по-смотрел на ряды белых и красных кнопок.

Копачке стало ясно, что у хозяина появилось новое увлекательное занятие, и он, дабы не помешать раз-мышлениям Степаныча, тихо вышел на кухню и плот-но прикрыл за собой дверь.

ЛУЧШАЯ ПОЛОВИНА

Мы сидели с Петром Даниловичем Веселовым у него в кабинете. Был один из тех солнечных сияющих дней апреля, когда старуха природа полна безотчетной радости весеннего пробуждения.

Мне повезло, у профессора, человека обычно замкнутого, малоразговорчивого и не очень общительного было довольно легкомысленное настроение — один из крайне редких и нехарактерных для него рецидивов болтливости. Старик, благодушно улыбаясь, то и дело посматривал за окно на взъерошенных, весело чирикающих воробьев, и чувствовалось, был не прочь потолковать о жизни, о высоких материях, о науках и, заодно, поучить молодежь, то есть меня, как надо жить.

Начал он, как водится, издалека и с довольно странного вопроса:

— Скажите, Леня, у вас никогда не появлялось ощущения приговоренного к смертной казни?

Я поперхнулся глотком горячего чая и поспешил отставил стакан в сторону:

— Однако... К-хе, к-хе... Странный вопрос, Петр Данилович, я бы сказал: неожиданный. Впрочем, припоминаю, вы любите парадоксальные вопросы. Нет, по счастью, я не попадал ни в тюрьму, ни в камеру смертников. А что касается ощущений приговоренного, ну, что-то вообразить я, пожалуй, могу.

— Что-то могу... — улыбнулся профессор. — Молодой человек, у вас неплохие способности для ученого, есть воображение, есть силы, но, я вижу, вы повторяете все те ошибки, которые когда-то совершил и я. Да, да! Когда-то и старик Веселов был молод, любил развлечения, вел довольно безалаберный образ жизни, хотя уже тогда у меня начинали появляться свои мысли, свои идеи, и я, что называется, внушал надежды.

— Петр Данилович, вы-то эти надежды полностью оправдали. Создали целое направление в науке, разработали такую кучу теорий, что нам, смертным, просто страшно.

— Не льстите, Леня, я хорошо знал вашего отца, когда он был еще ассистентом у Храпунова. И мне хочется по-стариковски немножко помочь вам дружеским советом. Думаю, вам, Леня, полезно будет услышать одну историю...

— Конечно, Петр Данилович, я с удовольствием послушаю, рассказывайте, прошу.

Веселов покачал головой, внимательно поглядел на меня и вдруг стал серьезнее, даже как-то нахохлился и чем-то стал напоминать мне воробьев за окном.

— Я слушаю, Петр Данилович, — повторил я.

— Как уже упоминал, не всегда я бывал таким собранным и целеустремленным исследователем. Были и у меня отходы в сторону, отступления, шалости, пока однажды... году на тридцатом своего безмятежного житья-бытья, мне не прозвенел звонок. Тогда-то я вдруг осознал, что многое из задуманного могу и не успеть. Понимаете, мой друг?

— Вы серьезно заболели?

— Нет. Нет. Со здоровьем и диагнозами в те годы у меня все было благополучно. Звонок был самый натуральный, обычный электрический звонок, установленный в прихожей вот этой самой моей квартиры. Не помню, какие события ему предшествовали, кажется, ничего значительно перед этим не произошло. Просто я бездарно, на какие-то пустяки, загубил еще один вечер. И вот где-то около полуночи зазвенел звонок.

— Интригующее начало, — пробормотал я. — Вы, Петр Данилович, в юности не пробовали свои силы в детективном жанре?

— В юности я перепробовал свои силы во многих областях. Увы, это не всегда оказывалось полезным. Тогда я еще жил один, в тот вечер, о котором идет речь,

никого в гости не ожидал и сказать, что разозлился на бесцеремонного посетителя — это почти ничего не сказать. Я уже засыпал на диванчике за чтением совершенно скучной и почти бесполезной брошюры. А тут этот звонок, посетитель, гость... Звонили настойчиво, и я открыл дверь.

На пороге стоял незнакомый мужчина лет сорока пяти. Одет он был в темный плащ несколько старомодного покроя. В руках держал пухлый вишневый портфель и черную шляпу.

— Позвольте войти, — сказал незнакомец, слегка кланяясь мне и переступая порог.

— Да, конечно, — промямлил я, испытывая непонятную слабость в ногах и пропуская странного гостя в квартиру. — Вы, собственно, по какому делу? Из ЖЭКа? Кажется, уже поздновато? — Тут я обернулся и посмотрел на большие настенные часы, висящие в прихожей у входа в кабинет. Часы показывали без пяти минут полночь.

Незнакомец перехватил мой взгляд, брошенный на часы, и томно улыбнулся. Лицо у него оказалось довольно добродушное, невзрачное, ни усов, ни бороды ни других броских примет — самое обычное лицо порядком уставшего человека, нашего с вами современника. И улыбка была вполне обычная, благожелательная.

— Нет, я не из ЖЭКа, мы по-другому ведомству, — тихо произнес он, стремительно и довольно-таки бесцеремонно проходя в комнату и усаживаясь в мое излюбленное кресло.

— Я не понимаю! — оторопело признался я, едва спспевая за своим гостем.

— Вопросы потом! Не будем отвлекаться! Времени

почти нет! Перейдем и делу! — с этими словами незнакомец достал из портфеля неимоверной толщины амбарную книгу и зашелестел страницами. — Так! Так! — бормотал он. — Ага! Вот и вы! Петр Данилович Веселов я не ошибся? Рождения одна тысяча девятьсот... Учился... Окончил... Поступил... Защитился... Работает...

Я осторожно заглянул через плечо незнакомца и похолодел. Этот тип держал в своих руках и перелистывал подробнейшую летопись всей моей жизни. От самого рождения и... Интимнейшие детали и подробности. Поступки, эпизоды, случаи, о которых я сам давно забыл, о которых никто и никогда не должен был знать, кроме меня самого... Слегка пожелтевшие, разлинованные страницы, содержащие все выкрутасы моей биографии, с сухим треском переворачивались под пальцами незнакомца. Казалось, каждый прожитый мною день был расписан в его книге по часам и по минутам. Страницы пестрели цифрами, пометками, выкладками, какими-то расчетами, и, по мере того, как все ближе и ближе незнакомец подбирался к дате своего появления в моей квартире, все большее смятение охватывало меня. Я уже даже мысленно не спрашивал, что происходит? Что означает странный визит? Эти вопросы, как второстепенные, незначительные, отходили куда-то на второй план. Теперь меня уже мучило, а что там, за сегодняшней датой, ведь книгу незнакомец перелистал примерно до половины? А вот и сегодняшнее число... Что дальше? Я почему-то вдруг уверился, что этот мой странный визитер должен знать мою дальнейшую судьбу. И вот он переворачивает страницу с записями о прошедшем дне и...

— Собственно, пока это все! — тихо произнес не-

знакомец — на следующей странице никаких записей еще не было. — Сведем баланс! С этими словами незнакомец достал из внутреннего кармана плаща огромный черный карандаш и, размахнувшись им, точно кинжалом, провел через страницу жирную черту.

— Не понимаю... — прошептал я.

— Чего ж тут не понять? — хмыкнул незнакомец, извлекая из портфеля какую-то квитанцию и быстро заполняя цифрами. — Извольте получить уведомление. Распишитесь вот здесь в уголочке... Так... И на втором экземпляре...

— Позвольте! Что это такое?

Незнакомец добродушно улыбнулся:

— Как бы это вам покороче объяснить... Словом, бумажка с цифрами, которую я вам вручил, итог всего сделанного вами, Петр Данилович, за первую, условную, прошу обратить внимание — именно условную, половину вашей драгоценнейшей жизни.

Я озадаченно повертел желтый листок «уведомления» в руках и натянуто улыбнулся:

— Уведомление... А зачем? Что мне с этой бумагой делать? Какая трогательная забота — напомнить человеку, что ему удалось, а что — нет за минувшие годы. Гм. Интересно, как же называется ваша контора? Вы случайно, не из небесной канцелярии?

— Иронизируете вы напрасно, Петр Данилович. Впрочем, могу заверить, у нас строго научный подход. Никакой мистики, никаких ангелов и никакой чертовщины. Я служащий обычного статистического управления. Правда, есть одна тонкость... Впрочем. Если я сообщу вам, что прибыл из будущего или, скажем, из параллельного мира, ведь не поверите?

— Нет, не поверю. Современная наука отрицает...

— М-да! Прямо беда с вами, учеными, — ни во что уже, кроме своих наук, не верите. Раньше проще было работать, представишься как дьявол, заставишь клиента расписаться кровью и — все дела: необходимую информацию усваивали намертво. Но не будем об этом. Современная наука, к сожалению или к счастью, еще далеко не все знает о природе времени. Если это вам удобно, можете считать мой визит розыгрышем ваших легкомысленных друзей. А уведомление спрячьте и никому не показывайте.

— Это почему же?

— Итоги для вас не очень утешительны. Посмотрите на параграф восьмой: выполненное. И сравните с параграфом третьим: задуманное. Посмотрите на временные затраты, видите, почти семьдесят процентов своего активного времени вы истратили совершенно бесполезно и для себя, и для человечества, и для вашей науки.

Я повертел еще раз в руке «уведомление», внимательно вчитываясь в параграфы этого странного документа.

— Бесполезно... Это что же теперь у вас новая форма бытовых услуг? Первый раз слышу, чтобы за половину прожитой жизни выводили какой-то итог, ставили оценку, сводили баланс. Вы ко всем так ходите?

— Зачем же ко всем. На всех у нас пока сил не хватает. Нет, мы рассчитываем судьбы относительно узкого круга интересующих нас лиц. Считайте, что вам, Петр Данилович, повезло, вы становитесь участником небольшого научного эксперимента.

— Подопытный кролик? Хм... Эта роль меня как-то мало устраивает.

— Ну, зачем так грубо. Мы приходим далеко не ко

всем, как я уже говорил. В первую очередь нас интересуют судьбы тех людей, от которых человечество вправе ожидать кое-чего в будущем. Понимаете?

— Не совсем. Как, скажем, вашей фирме удается определить, может человечество ожидать чего-то значительного, допустим, от меня или надежды напрасны? И другой вопрос: чего, собственно, ожидать?

— Чего от вас можно ожидать в будущем, полагаю, вы и сами, Петр Данилович, пока не знаете. Что же касается первого вопроса, то существуют методики прогнозов, формулы, таблицы. И, сами знаете, если есть исходные данные системы, то есть и возможность прогнозировать ее поведение на будущее. Кстати, кое-какие успехи в этой области имеются.

— Хорошо, — согласился я. — Последний вопрос. Как вы определили, что прошла уже половина моей жизни. Кстати, на какой день приходится завершение этой первой половины жизни? Незнакомец улыбнулся:

— Если считать наш прогноз достаточно точным, то условная половина вашей жизни закончилась сегодня днем. Расчеты делались на новейшей модели ЭВМ нашей фирмы. Правда, есть одна тонкость. Вы, конечно, заметили, Петр Данилович, я несколько раз повторил, что закончилась первая условная половина вашей жизни. Обратили внимание?

— Обратил. И что же?

— Наша машина для вашего случая выдала два варианта предполагаемой судьбы. Если первый вариант совпадает с расчетным временем половины вашей жизни и обещает вам, Петр Данилович, еще почти тридцать лет счастливого существования, то второй вариант утверждает, что вполне возможно, что ровно через три Года и восемьдесят четыре дня вас не станет...

— Вы только для того и пришли, чтобы сообщить мне это роковое предсказание? — спросил я со злостью.

— Нет. Мы понимаем, что знание возможной даты смерти травмирует психику человека. Это своего рода врачебная тайна, но вам, Петр Данилович, надо все же знать обе даты!

— Почему? Почему вы решили, что я поверю в ваши гадания? Кто вас уполномочил портить мне сегодня настроение, портить мне жизнь? Кто?

— Успокойтесь. Успокойтесь. Поразмышляв немного после моего ухода, вы сами поймете, что знать кое-что о своем будущем полезно. Возможно, в этом случае вы, милейший Петр Данилович, более бережно, что ли, более разумно распорядитесь драгоценнейшим временем своей оставшейся половины жизни. Да, эта, оставшаяся, половина жизни может оказаться значительно короче той, прошедшей, первой половины, но ведь это не главное. Это не главное, Петр Данилович. Вспомните, мы приходим далеко не ко всем, а только к некоторым людям, от коих человечество вправе ожидать нечто значительное... Скажем, крупное открытие в области высшей математики или... Над чем вы сейчас работаете?

Незнакомец улыбнулся, неторопливо сложил свою амбарную книгу в портфель, застегнул его на обе пряжки, поклонился и направился к выходу из квартиры. Уже на пороге, перед тем как окончательно исчезнуть из моей жизни, он обернулся и тихо произнес:

— Главное, не унывайте, милейший Петр Данилович. Помните, что, как писал несколько столетий назад один мудрый француз, мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы ее использовали. Прощайте.

И он ушел, оставив меня одного с дурацким уведомлением об итогах моей деятельности за первую условную половину жизни и с мыслями о том, что, возможно, через три года с небольшим меня уже не будет в живых. Веселого, как видите, Леня, было маловато.

— Теперь понимаю, почему вы спросили о чувствах приговоренного к смерти. Да, если визит, о котором вы рассказали, был розыгрышем ваших знакомых, то шутка оказалась весьма неудачной.

— Неудачной? Это с какой стороны посмотреть. Впрочем, не думаю, что появление незнакомца с пророчествами — шутка. Все достаточно серьезно. Главное же, я поверил и его прогнозу и его уведомлению. Это здорово меня встряхнуло. Произошла, наверное, какая-то психологическая перестройка сознания. Время для меня вдруг обрело цвет и запах, стало зрячим, выпуклым, шероховатым. Я стал учиться использовать свое время. И знаете, Леня, за следующие четыре года мне удалось сделать больше, чем за всю, как выражался незнакомец, условную первую половину моей жизни. Да, в те годы были сделаны почти все мои основные открытия, созданы и разработаны известные вам теории... Словом, я спешил жить и работать, создавать и претворять в жизнь свои идеи. Приближалась роковая дата. Я был готов к худшему, но ничего страшного не случилось, за работой я даже не заметил, что опасный день проскочил. К этому моменту я уже научился управлять своим временем, своими научными поисками...

— Выходит, визит вашего предсказателя судьбы все же был розыгрышем?

— Я и сам с годами стал так думать — очень утешительная мысль, правда? Розыгрыш или психологи-

ческий эксперимент. Словом, шуточка. А вот кто со мной сыграл эту шутку, этого я так и не узнал. Впрочем, шутка оказалась для меня полезной... Наверное, благодаря этому случаю я прожил лучшую половину своей жизни.

— Да... Поучительная история. Веселов поморщился и покачал головой:

— Эх, молодежь! История-то еще не совсем закончилась, Леня. Согласно другому варианту прогноза завершение второй, условной, половины моей драгоценнейшей биографии намечается в следующий понедельник — одиннадцатого апреля. Меньше недели остается, а дел намечено у меня еще много. Впрочем, я должен успеть.

— Петр Данилович! Вы серьезно? Вы же сами признались, что считаете визит незнакомца шуткой, причем довольно глупой.

— Шутки шутками, а дела делами. Помните мой вопрос об ощущениях приговоренного? Впрочем, вы, Леонид, еще молоды, вам это, наверное, незнакомо. А между тем, все мы приговорены природой к смерти, только большинству, как правило, неизвестна точная дата приведения приговора в исполнение.

— Это старая истина.

— Конечно, однако давность закона, кажется, не делает его менее убедительным. А поэтому, Леня, не упускайте главное, пользуйтесь отсрочкой. Думайте, работайте над главным, ищите свое, значительное. Чем черт не шутит, вдруг и от вас человечество кое-чего ожидает более заметного, чем легкомысленно растратченная на пустяки жизнь.

Через неделю, одиннадцатого апреля, мне сообщили

о смерти профессора Веселова. Старика обнаружили уже поздно вечером на его рабочем месте, за письменным столом.

Петр Данилович таки успел завершить свою последнюю монографию «О структурах и механизмах времени» — не правда ли, весьма прозаическое наименование? Впрочем, как я уже упоминал, у стариакана были свои странности — и по части наименований тоже.

СИЛЬНОЕ ЧУВСТВО

Позади остался серый бетон космодрома, исчезли в сизой дымке громады звездолетов. Забылась сутолока и огни космопорта. Я не оглядывался. Сухие листья шуршали под ногами, постанывали под подошвами магнитных ботинок. Идти по твердой почве планеты после долгого перелета было тяжеловато, непривычно, меня слегка покачивало. Сжимая в руке свой чемоданчик, я поднялся по старым деревянным ступенькам на веранду маленького двухэтажного ресторочка, уселся за свободный столик у открытого окна и осмотрелся: робота-официанта куда-то унесло, кроме меня, на веранде за столиками сидело несколько парочек и в дальнем углу сутулый, сильно заросший парень сосредоточенно ковырял вилкой в блюдце, что стояло перед ним.

Я задвинул чемоданчик под стол, расстегнул куртку и с наслаждением развалился в кресле, вспоминая тяготы перелета и с любопытством поглядывая по сторонам.

Осень, пожалуй, на Цебе самое странное время

года. Вся планета словно впадает в оцепенение, полу-
дремоту. И люди, и животные становятся сонными и
какими-то одурманенными. Говорят, что даже птицы,
улетающие в это время из высоких широт ближе к эк-
ватору планеты, засыпают в полете. Засыпает и расти-
тельность. Деревья меняют цвет листвы: из зеленого,
темно-синего и розовых тонов она становится желтой,
буровой, пурпурной и даже черной, а затем опадает. Ве-
тра нет, кажется, и само небо спит. Синий воздух над
головой чуть переливается в лучах маленького голу-
бого солнца и убаюкивает. Я знаю, еще неделя-другая
— и все это спокойствие кончится — настанет время
дождей и ураганов...

— Хо! Спицын! — возглас под самым ухом отвлек
мое внимание от созерцания окрестных пейзажей. —
Откуда ты в этой дыре?

Я поднял глаза — рядом с моим столиком, друже-
любно поглядывая на меня, стоял небритый, лохматый
парень, еще за несколько минут до этого проводивший
раскопки в своем блюдце с винегретом. Физиономия
парня была мне смутно знакома.

— Мы с вами, кажется, где-то встречались? — спро-
сил я, пытаясь припомнить, где я мог видеть эту порос-
шую густым рыжим волосом физиономию.

— Спицын! — радостно повторил парень, опускаясь
в соседнее кресло. — Сколько же лет прошло? Восемь
или уже десять? Университет Ганимеда... Стажировка
на Плутоне... Курсы звездолетчиков...

Я вздрогнул. Где-то в глубинах памяти забрезжил
слабый огонек. Всплыл в сознании образ веселого ры-
жего парня и появилось имя:

— Крюгер! Вильгельм Крюгер... — тихо произнес
я.

— Правильно, — согласился мой собеседник, — вы все еще вечно подшучивали над моей фамилией, вот, мол, знаменитость — в его честь уже названы звезды.

— Последний раз я видел тебя на банкете, сразу после окончания университета. Из всего нашего курса ты выглядел, помнится, самым трезвым и очень здраво рассуждал о своей дальнейшей научной работе. Ты сильно изменился.

— Да. С годами привычки меняются, и теперь меня уже не назовешь трезвенником. — Вильгельм плеснул в стаканы, стоявшие на столике, коньяку из бутылки, неизвестно откуда возникшей в его руках, и вопросительно посмотрел на меня. — За встречу? — Глаза его жадно блеснули. Передо мной сидел осунувшийся, сильно постаревший человек с болезненными чертами лица и каким-то затравленным, измученным взглядом ввалившихся глаз.

«Вот так встреча, — подумал я, — что с нами годы делают? Почти старик... А был! И все эти превращения произошли с Вильгельмом за какие-то восемь лет».

— За встречу двух старых товарищней, конечно, надо выпить, — сказал я, поднимая стакан, — но у меня мало времени — через два часа я должен быть на звездолете и должен быть в форме.

— Понимаю, — хмыкнул Вильгельм, нисколько не обижаясь и даже, кажется, не замечая, что я ставлю свой стакан на место. — Ты, я вижу, удивлен. Задаешь себе наверное, вопрос, почему я здесь и как умудрился дойти до такого плачевного состояния? Верно?

— Любопытно, конечно, — согласился я, — но за эти восемь или десять лет я встречался со многими парнями с нашего курса, и, знаешь, обычно в четырех случаях из десяти приходилось выслушивать разные

сетования на неудачную жизнь, так что, стариk, из меня трудно будет слезу вышибить. Во всех наших неудачах, как правило, мы сами виноваты. В университете ты был здоровым цветущим верзилой, одним из самых талантливых студентов, тебя тогда прочили чуть ли не в академики... И где теперь все это?

Вильгельм зажмурился и с наслаждением всосал в себя содержимое стакана. Лицо его покраснело, в глазах появился пьяный блеск.

— Все прошло, — сказал он. — Ты прав, все прошло. Я рохля, безвольный человек. Я все прошляпил, все. Из меня мог получиться неплохой исследователь, я и сейчас еще выдаю идеи, но это уже не то. — Вильгельм налил себе еще четверть стакана и без всякой видимой связи с предыдущим добавил: — Ах, какая она была красавица!

— Какая еще красавица? О чём ты?

— Да, все это из-за нее.

— Из-за кого?

— Из-за Марии. Ты должен ее помнить, она училась на историческом. Такая стройная красивая блондинка с огромными голубыми глазами.

— А... — сказал я, мучительно пытаясь сообразить, кого он имеет в виду. — Мария... Маша... Машенька... Блондинка... Голубые глаза? Как же, как же, припоминаю.

— Она была самой красивой девушкой на курсе.

Я утвердительно кивнул. «Надо же, не могу вспомнить самую красивую девушку курса. Позор. Вот они, годы-то. М-да... «

— После распределения я остался у Рихарда в Институте биологии высших позвоночных. Мы изучали биотоки мозга. Тогда этим многие занимались. Модное

было направление. Я занимался тем же, что и все: снимал спектры излучений, записывал импульсы, ставил опыты на мышах, проверял, можно ли управлять биотоками мозга посредством передачи мысленных команд... Словом, телепатию все искал, но, как и у всех, у меня ничего не получалось... А в свободное время ухаживал за Марией, она тоже попала на нашу научную базу только работала от другого института. Все шло гладко месяца три или четыре, пока я не сообразил, что она меня всерьез не воспринимает и считает просто хорошим рыжим парнем, другом — и только. Дошло это до меня поздновато, когда я уже зацепился крепко и надолго. Она мне тогда сразу сказала, чтобы я никаких иллюзий не питал. Догадываешься?

— Догадываюсь, — согласился я.

— Да, где-то на Земле у нее был парень. Она ездила к нему на каникулы, проводила с ним свой летний отпуск. Мне, конечно, было обидно, но я все же был рад за нее. Она говорила, что к Новому году, в крайнем случае к весне, ее любимый, его звали Юсти, устроит свои дела и прилетит за ней. Они поженятся... Как говорит-ся, их ожидало счастливое будущее и я оказался совершенно лишним, а потому с головой ушел в работу, в опыты со своими мышами. И надо отметить, у меня появились некоторые успехи. Я изготовил небольшой аппаратец, наподобие фотографического, способный фиксировать сразу весь спектр излучений мозга. Наведешь на мышку, две секунды экспозиция, и картина готова... И вот здесь-то я сделал открытие. Оказалось, что если записанные биоволны снова излучать через передающее устройство, то мышь будет испытывать снова те же эмоции, что и в момент записи. Причем каждая мышка воспринимает только свои биоволны,

записи излучений других мышей воспринимаются хуже или совсем не воспринимаются.

— Любопытно... — поддакнул я Вильгельму, иска-
са поглядывая на часы и понимая, что мой собеседник,
кажется, увлекся подробностями своей работы.

— Забавно, верно, — продолжал Крюгер, не заме-
чая моей озабоченности. — Здесь возможны некото-
рые аналогии с радио. Впрочем, тебе, наверное, это
малоинтересно? Я отвлекся. Как я уже говорил, у Ма-
рии шло все хорошо. Весной на базе появился долго-
жданный Юсти, они поженились. Я был на свадьбе, и
на правах старого друга Марии несколько раз навещал
их. Прошло еще какое-то время — и вдруг... Однаж-
ды прибегает ко мне Мария в слезах, что-то бормочет,
плачут.

— Виль, — говорит, — приди к нам, поговори с
мужем! Уговори его! Умоляю! Он, кажется, уходит от
меня! Он меня не любит!

— Чудесно, — отвечаю я ей. — Оставайся со мной!
Пусть твой индюк убирается на все четыре стороны!
Я-то тебя, дорогая, люблю по-прежнему!

Она опять в слезы. Совершенно душераздирающая
сцена в духе старика Шекспира. Словом, я, конечно,
пошел к ним и еще унижался перед этим Юсти, но, ко-
нечно, толку было мало. Я понимал, чтобы ни случи-
лось, она будет боготворить своего Юсти — женщины
в своих устремлениях очень упрямые. Однако и я про-
должал любить Марию. А кого любил Юсти — это был
вопрос без ответа. Вот так оно и шло. И то, что такая
ситуация будет длиться годами, было для меня невыно-
симо. Я лихорадочно искал способ изменить положе-
ние, каких глупостей я только не придумывал, и однаж-
ды меня осенило — мой аппарат. Что, если испытать

его на человеке? Их отношения были на грани разрыва. И я подумал, возможно, Юсти все же способен на сильное чувство. Вдруг я смогу в нем хотя бы таким неестественным путем пробудить глубокую страсть, расшевелить его душу...

— И ты решил заставить его всерьез полюбить? — спросил я, не в силах сдержать улыбку. — Великолепное средство воспитания, и чем же окончился твой эксперимент?

Вильгельм с тоской посмотрел на опустевшую бутылку, щелкнул по ней пальцем и сказал:

— Кончилось все печально, даже печальнее, чем я предполагал. Несколько недель я наблюдал за Юсти издалека. Не скажу, чтобы я был от него в восторге. Конечно, он имел передо мной преимущества: красивая внешность, обходительный, интересный собеседник, умеет танцевать, остроумен, словом, снаружи было все в порядке, но меня-то как раз его наружные манеры меньше всего интересовали. Я занимался раскопками его души. Долго рассказывать, сколько пленки было перепорчено, сколько вечеров и ночей я угробил на расшифровку его цереброграмм и биоволновых спектров, в конце концов кое-что прояснилось. Общее впечатление складывалось таким, что передо мною типичный самовлюбленный осел, избалованный женщинами и не способный ни на какие глубокие эмоции. Других людей он рассматривал только с утилитарной точки зрения — ожидал от них развлечений или каких-то выгод... Наверное, были в его характере и светлые черты, не без того, ведь любила она его за что-то. Думаю, у каждого подлеца есть и светлые оттенки в характере. И у Юсти, надо полагать, имелось нечто хорошее, доброе, вечное, но все это хорошее было настолько затерто, за-

тюкано, задавлено его эгоистическими побуждениями, что вытащить всю эту доброту на свет не представлялось возможным. И вот, вообрази себе, такого бегемота надо было заставить в первый раз влюбиться. Какова задачка?

— Хм! Сочувствую, — сказал я, рассматривая раскрасневшееся лицо Вильгельма. — И как же ты справился с ролью змия-искусителя? Кстати, не проще ли было влюбить в себя Марию? Ты не рассматривал такой вариант?

— Рассматривал, как же... Но одно дело экспериментировать над подлецом-соперником, а совсем другое — над любимой. И потом, она-то умела любить... Тут было бы труднее...

Несколько минут мы молчали. Вильгельм покрутил в руке пустой стакан и продолжил:

— Я собрал довольно мощную установку, способную излучать нужные мне биоволны. С Юсти пришлось-таки повозиться. Наверное, это редкое зрелище, когда у такого обормота начинает просыпаться совесть. Я наращивал потенциал поля постепенно, часто менял программы, Я будил его воображение, фантазию, заставлял думать о других людях, думать о Марии, представлять ее жизнь, себя на ее месте. Постепенно я поработил его волю, заставил его вернуться к ней, заставил его любить, но все оказалось не так, как я представлял себе по наивности и глупости. Первые месяцы они и в самом деле были счастливы. Она верила, что Юсти ее любит. И сама любила его. Юсти тоже верил, что любит — ведь все эти месяцы я не выключал свой аппарат. Все это время я синтезировал для них счастье, но уже потом я понял, что такое счастье не было настоящим. Видимо, и Юсти все же интуитивно сознавал, что

чувства, которые он испытывает, ему не свойственны, что это нечто чужеродное. Он ломался как личность, и в глубине его сознания зрел протест. Наверное, если бы я выключил аппарат хотя бы на один час, он бы за этот час успел возненавидеть Марию, и я этого боялся и никогда не выключал установку. Я даже стал собирать второй — дублирующий аппарат — для страховки.

— Не понимаю, на что ты рассчитывал? — спросил я Вильгельма. — Ведь долго это не могло продолжаться.

Крюгер хмыкнул:

— Не считай меня законченным дураком, в некоторых случаях я вполне гожусь на роль Мефистофеля. Мария-то не подвергалась действию поля. Я где-то в глубине души все же надеялся, что Юсти остынет со своей искусственной любовью, она успокоится... Я выключаю аппарат, Юсти исчезнет, и все станет на свои места, но для этого надо было уметь ждать. Возможно, так бы и вышло, но... Однажды мой аппарат выключился — перегорел тоненький волосок предохранителя. Меня дома не было, и о случившемся я узнал только на следующий день, когда было уже поздно. Утром мне в институт позвонила Мария. Голос у нее дрожал... Я поехал к ней. Оказалось, что вечером (когда исчезло, очевидно, поле, создаваемое моим агрегатом) с Юсти произошло что-то страшное, по ее словам: он перестал быть собой, наговорил ей кучу гадостей, сказал, что она испортила ему жизнь, искалечила душу и тому подобное. А потом он сложил чемоданы и уехал в космопорт. Естественно, она ничего не понимала, просила догнать, уговорить, вернуть. Что мне оставалось? Я заставил ее проглотить пару успокоительных таблеток и, чувствуя себя законченным

подлецом, помчался домой. Там я быстро устранил неисправность, переключил питание установки на аккумуляторы и, перетащив передатчик биоволн на заднее сиденье своего автомобиля, помчался в космопорт. Я надеялся, что Юсти еще не успел улизнуть с планеты... И одновременно я мечтал об этом. Я разрывался между этими двумя желаниями. Действовал в каком-то глухом отупении. И я успел. Остановив машину перед зданием космовокзала, прежде всего включил поле, перевел аппарат на дистанционное управление и побежал разыскивать Юсти. Мне вроде бы повезло — сразу наткнулся на него в зале ожидания.

— Что случилось, Юсти? — спросил я. — Какая муха тебя укусила? Маша плачет, ждет тебя! И здесь мое везение-невезение кончилось. По тому, как он посмотрел на меня, я понял, что обычные дозы излучения теперь на него не действуют. Он освободился и не желал вновь попадать в чувственное рабство.

Я уговаривал Юсти часа два, он только презрительно улыбался.

Затем объявили посадку, и он направился к выходу. Тогда я уже совсем рассвирепел. Мне казалось невозможным, что этот кретин, которого обожает, боготворит такая женщина, уходит, сбегает от ее любви... А я... Я, который готов для нее на все... Для меня... Словом, я вытащил из кармана пульт управления и стал поднимать напряженность биополя. Я смотрел, как он в толпе других пассажиров садится в автобус. Смотрел, как автобус везет его на стартовую площадку. Смотрел, как далеко — у самого горизонта — автобус останавливается перед звездолетом... Уже ничего не соображая, крутил и крутил ручку усилителя. Не знаю, что переживал Юсти в эти минуты, какую титаниче-

скую борьбу с воздействием поля вел его мозг? Развязка наступила уже в салоне корабля. Я еще ни о чем не догадывался, когда взревела сирена и на взлетное поле выехала машина «скорой помощи».

Конечно, я навел справки. Пытался выяснить у врачей, что случилось с Юсти. Мне ведь надо было потом что-то говорить Марии. Врачи, правда, сами ничего не понимали еще. Мне лишь остались адрес клиники, куда его увезут, а на мои вопросы отвечать отказались. Впрочем, их ответы мне и не были нужны. В случившемся я разбирался значительно лучше, чем кто-либо другой. Ни один человеческий мозг не мог выдержать такую напряженность биополя. Я одержал победу, добился своего, теперь он снова любил ее, только ее и никого больше. Мир исчез для Юсти, вселенной не стало. Осталась Мария и ослепляющая любовь к ней, и больше ничего, все остальные воспоминания, эмоции, знания были стерты, подавлены этим одним чудовищным чувством.

Сев за руль автомобиля, я выключил генератор поля, теперь он уже был не нужен. Я знал, Юсти и без подстегиваний биоволнами будет любить образ Марии весь остаток жизни, других чувств он уже не узнает. Вот и вся история.

— Вильгельм Крюгер на должности Мефистофеля. Гм! А что было дальше? — я посмотрел на часы — пора было возвращаться на корабль.

— Дальше? Его так и не вылечили. Она уехала, а я остался со своими мышами. Видно, с годами у меня стал портиться характер, и, чтобы не натворить еще больших бед, я уничтожил свои аппараты и удрал сюда на окраину галактики. Планета Цеб — очень тихое место. Осень здесь чудесная. Когда я смотрю на увядаю-

щие цветы, в душе наступает умиротворение. Для себя я называю это чувство опустошением души.

ЕВДОКИЯ

Из цикла: «Проблемы XXV века»

«Дальнейшее наше совместное существование не представляется мне возможным. Я улетаю, возможно, на другую планету, не ищи меня, прощай!

Уже не твоя Евдокия».

Федор тупо еще раз пробежал глазами записку и в задумчивости почесал в затылке пятерней. Все яснее вырисовывалась неприглядная перспектива унылого холостяцкого обитания.

— Нет, не понимаю, — пробормотал он, с тоской оглядывая квартиру, ставшую вдруг такой пустой и неуютной. — Просто не в силах понять, чего ей от меня еще было нужно? Я ли не семьянин? Домосед... Не пью, не курю, образ жизни веду самый благонамеренный. Каких только усовершенствований домашнего быта для нее не делал! Один кухонный комбайн «Мечта Лукулла» чего стоит! А мои роботы! Они же за нее все по хозяйству делали, пылинки сдували! И вот тебе... Черная неблагодарность! Не ищи! Ха! Ну, есть, конечно, и у меня маленькие слабости... Как говорится, и я человек... Допускаю, что бывал невнимательным... рассеянным... Моя работа, мои изобретения... Слишком мало времени уделял ей... Но нельзя же так сразу... Ухожу!

Федор поморщился и устало опустился в кресло перед своим рабочим столом:

— Эй! Эф-два! Немедленно ко мне!

На зов хозяина из мастерской появился несколько потрепанный пластикоцибернетический робот — по внешнему виду, походке и модуляциям голоса почти точная имитация самого Федора, его двойник, помощник и, как считал сам Федор, его вторая «железная натура».

— Эф-два по вашему приказанию прибыл!

— Понятно, что прибыл, — проворчал Федор. — Когда я тебя отучу от этой казарменной привычки до-кладывать о пустяках? Лучше расскажи, что здесь произошло в мое отсутствие? Жена, видимо, догадалась, что ты — это не я? Так?

— Не знаю, хозяин. Я делал все, как вы приказывали — сидел за столом и перепаивал контакты четвертого блока вычислителя. Вы же сами говорили, что к вечеру установка должна работать, даже если у меня перегорят все предохранители.

— Правильно, говорил. Надеюсь, ты собрал все намеченные на сегодня узлы?

— Собрал, конечно.

— Отлично! Будем испытывать! А почему Евдокия взбеленилась? Рассказывай, как было дело?

— Она пришла, как и предполагалось по программе, в семнадцать сорок пять. Увидев меня в мастерской, вздохнула и сказала: «Уже пришел из института, умница! И все работаешь, Федя?»

— Ага! — довольно потер ладони Федор. — Значит, иллюзия мужа была полной. Она ничего не заметила! Продолжай!

— Я на ее реплику, согласно программе, ответил: «Тружусь, кисонька, тружусь! Ты бы сообразила чего-нибудь пожевать, а то мне некогда...»

— Правильно, а что же она?

— Она ушла на кухню. Семь с половиной минут щелкала клавишами комбайна, затем вновь вернулась в мастерскую и стала жаловаться на свою жизнь. Она сказала, что я, то есть вы, хозяин, ее не любите и никогда не любили, что вам наплевать, чем она живет и какие у нее чувства в данный момент. Она сказала, что уже скоро год, как вы, хозяин, обещали сходить с ней в театр...

— Как год? Разве на прошлой неделе ты не выводил ее в оперу?

— Хозяин, вы же сами отменили свое распоряжение относительно театра и приказали мне помогать вам ремонтировать усилитель к портативному исполнителю тривиальных желаний. Я был вынужден подчиниться.

— Хм! Да, запамятовал. Что она еще говорила?

— Еще она сказала, что уже три года вы вместе с ней не были в кино, что вы обещали поехать с ней в отпуск к морю, но уже четвертый год все свои отпуска торчили в институте со своими железками. Еще она сказала, что ее мама была права, когда советовала ей выходить замуж за Типунова, он, по крайней мере, женой бы дорожил больше, чем своими установками... Еще она сообщила, что вы погубили ее молодость...

— Стоп! Дальше я знаю. Сколько времени продолжался этот монолог?

— Хозяин, Евдокия Александровна говорила с небольшими паузами почти час — пятьдесят восемь минут.

— Солидно. А что делал ты в это время?

— Согласно программе, работал над узлами установки. Когда же ваша супруга делала в своей речи небольшие перерывы, чтобы, очевидно, отдыхаться, я,

как вы учили, бросал в ее сторону ласковые взгляды и говорил: «Потерпи еще немножко, дорогая. Кисонька, вот соберем эту установку, проведем полевые испытания... А там, глядишь, обязательно будем посещать филармонию, театры, а следующим летом обязательно, всенепременно, поедем отдохнуть к морю. Уже немного осталось...»

— Что ж, вроде все правильно выполнил. И сколько же раз ты повторил эту реплику?

— Восемнадцать с половиной раз.

— Как? Почему с половиной?

— В девятнадцатый раз она не дала мне договорить до конца — влепила пощечину, разрыдалась, сообщив при этом, что я, то есть вы, хозяин, изверг, бегемот, бревно, бездушный идиот...

— Стоп! Короче! Опусти ненужные подробности, излагай суть!

— Всего, хозяин, она наградила вас семьюдесятью четырьмя эпитетами, двадцать восемь из них в моем словаре отсутствуют, и я хотел бы узнать, что они означают?

— О твоем образовании поговорим потом. С этим ясно. Что было дальше?

— Затем она хлопнула дверью, оставила в прихожей записку, которую вы держите в руках, и ушла из квартиры.

— М-да! — задумчиво протянул Федор. — Кто их поймет, этих женщин? Я ли ее не любил? Грустно... Установку-то хоть собрал?

— Так точно, хозяин, собрал! Будем включать?

— Обязательно! И две минуты спустя Федор и его кибер-помощник с наслаждением защелкали тумблерами и клавишами новой установки.

Уже поздно вечером, позевывая и с трудом отрывая отяжелевший взгляд от схем и чертежей, почувствовав вновь непривычную пустоту и тишину вокруг, Федор тоскливо посмотрел на своего искусственного двойника и задумался.

«Ушла... Бросила... Пнула... Гм... Должен же быть какой-то разумный выход? Вернуть! Попросить прощения? Нет, я гордый...»

С минуту поразмышляв о превратностях семейной жизни, Федор вновь склонился над своим рабочим столом и на чистом листе ватмана вывел одно единственное слово: «Евдокия».

— Да, именно так, — сказал он себе, — будет называться новая кибернетическая установка для создания полной иллюзии счастливой семейной жизни.

ГДЕ-ТО НА КРАЮ ГАЛАКТИКИ

Если вы бывали в нашей галактике, а именно в той ее части, где находится Земля, то вам, конечно, приходилось высаживаться в порту небольшой базовой планеты «Эйка» и вы, конечно, заглядывали в кафе «Метеорит», поскольку это кафе единственное, других на планете просто нет, а планета тоже единственная, других в том созвездии тоже нет.

К «Эйка» часто заворачивают корабли, улетающие с Земли и возвращающиеся на Землю из других районов галактики и из других галактик. Это, так сказать, последняя остановка перед Землей. На «Эйка» находится «база», второй по величине после марсианского центр

космических исследований земного сектора галактий. Отсюда снаряжают и отправляют экспедиции для исследований отдаленных звездных систем, и сюда эти экспедиции возвращаются. Вокруг планеты всегда крутится два-три исследовательских звездолета, а в кафе «Метеорит» всегда можно найти лучшие земные вина, услышать новости со всех краев вселенной и встретить друзей, с которыми вы не виделись, как минимум, целую вечность.

В этот раз в «Метеорите» встретились экипажи звездолетов «Проныра», командир — Федор Левушкин, и «Скиталец», командир — Джим Крепыш. Отмечали возвращение из отпусков планетолога Жана и штурмана Геннадия. Штурман рассказывал, как они с Жаном провели отпуск на Земле.

— Вы Андромедова помните? — говорил он, наполняя бокалы шампанским.

— Это тот длинный с усиками, что ли? — откликнулся Левушкин. — Он еще у Светова вторым пилотом работал?

— Точно! — отвечал Жан.

— Андромедов? — лениво переспросил Чарли. — Это тот тип, который все рвался Крабовидную Туманность исследовать?

— Так его там и ждали, — скептически заметил Михаил. — Судаков отказался включить его тему в план исследований.

— И правильно сделал, — заметил Степан, считающий себя специалистом по всяким туманностям. — Нечего Андромедову в этой туманности делать.

— Так вот, — продолжил Геннадий. — Мы его на Земле в порту встретили.

— Да? А он разве из отпуска еще не вернулся? —

спросил Джим. — У него вроде еще три месяца назад отпуск был? Неужели до сих пор на Земле торчит? Что это ему там понадобилось?

— Влюбился он, братцы, — грустно сказал Геннадий, отпивая глоток из бокала.

— Бедняга! — посочувствовал Левушкин. — И как же это его угораздило. Может, враки? Ведь вполне серьезный астронавт.

— Нет, сами видели. Вот Жан не даст соврать. Верно, Жан?

— Точно, — кивнул Жан. — Влюбился.

Из Мишкиного кресла послышалось несдержанное хихиканье.

— Ты чего ржешь, Михаил? — строго сказал Геннадий. — Нет бы посочувствовать человеку, ведь с каждым может случиться, а он: гы-гы. Бревно!

Последние снова Геннадия вызвали у Михаила новый приступ смеха.

— Нет, я так не привык, не могу рассказывать в такой обстановке, — сказал штурман. — Сами же просили выложить все новости. Федя, — обратился он к Левушкину, — двинь Мишутке по шее, а то у меня руки заняты. Пусть успокоится.

— Хорошо, хорошо, не буду, — прошептал Михаил сквозь смех.

— Мы, — продолжил Геннадий, — его на главной улице Космопорта видели, где-то дня за два перед возвращением. Сидели, можно сказать, на чемоданах, ждали свой рейсовый, Земля нам уже надоест успела, вот мы и скучали, слонялись по улицам целыми днями, нацепив на себя все эти сверхмодные костюмчики и шляпы, вид, конечно, у нас был скучноватый. Прогуливались мы, значит, неторопливо, и вдруг — смо-

тром: мимо нас две тети Андромедова волокут, а он слегка упирается, кричит: «Не хочу, не буду! О! Я знал, я чувствовал, что этим кончится! И чем я только думал?» Ну, и так далее. И все эти выкрики он пересыпает горестными вздохами. Мы естественно, подходим, спрашиваем: «Петя! Сколько лет? Куда это тебя транспортируют?» И оказалось, что транспортируют его во Дворец бракосочетаний... Есть на Земле, оказывается, такие учреждения. Такое дело. Он, конечно, поплакался нам. Все же товарищи.

«Видно, — говорит, — парни, не суждено мне новые планеты открывать, на Земле теперь останусь».

Мы с Жаном посочувствовали, похлопали его по плечу, а делать уже нечего. И пришлось проводить его образно выражаясь, в последний путь — он нас в качестве свидетелей с собой прихватил. С невестой его познакомились. Красивая женщина, лингвист, но характер свирепый, ни о каких других созвездиях и планетах слышать не хочет.

«Нет, — говорит, — никуда я с Земли не полечу. И Петю не отпущу. Полетал — и хватит. Найдет себе другую специальность. Периферия — это не для нас... Что я на вашем Марсе, — говорит, — не видела? Пыли я там не нюхала?»

А в системе Альфы Центавра, видите ли, по ее мнению, ни одной порядочной гостиницы не найдешь, — Геннадий тяжело вздохнул. — Вы, братцы, конечно, понимаете, какие мы во время разговора с ней чувства испытывали?

— А как она отзывалась о Большой Медведице — волосы дыбом встанут, — добавил Жан. — Как ругала систему питания в созвездии Водолея!

— И представьте себе, — сказал Геннадий, — в про-

должение всего этого разговора она сидела у Андромедова на коленях, почесывала его за ухом, а он жмурился от удовольствия и молчал. Она всю нашу родную галактику, можно сказать, грязью облила, а он и не пикнул. Что вы на это скажете?

— Предатель! — в один голос произнесли Степан с Алексеем.

— Ренегат! — вставил Михаил, любивший замысловатые словечки.

— Да, может, еще одумается, — сказал оптимист Левушкин. — Поживут, поругаются, а через годик-другой, глядишь, снова потянет Петю к звездам.

— Нет, зря вы так, ребята, — сказал Джим. — Не надо его осуждать. Любовь — это, знаете ли, чувство! Со мной вот тоже случай был. Вы про планету Роз слышали?

Присутствующие переглянулись и насторожились.

Джим был самым опытным и самым старшим из собравшихся. Его уважали как ветерана космоса, ценили, но рассказы его почему-то часто внушали недоверие. Не то чтобы кто-либо сомневался в правдивости Джима, просто его манера изложения несколько раздражала молодежь, часто о самых невероятных событиях он говорил как о чем-то скучном, давно уже всем известном и осточертевшем своей будничностью и тривиальностью. Поэтому Левушкин с некоторой опаской поддержал разговор, не зная, куда эта новая история может завести старика.

— Вообще-то, — сказал Левушкин смущенно, — ходили какие-то слухи несколько лет назад, но в чем там было дело, уже не помню. Цветы росли какие-то, что ли?

Джим довольно хмыкнул.

— Все правильно, — сказал он, — цветы. Мы с Бобиком вдвоем эту планету открыли, а если говорить более точно, переоткрыли. Бобика, надеюсь, все знают? — спросил Джим, указывая пальцем на огромного черного ньюфаундленда, лежавшего у его ног.

Собака, услышав свое имя, подняла голову и посмотрела на хозяина, Джим кончиком пальца погладил Бобику голову, и пес успокоился. Слушатели замерли.

— Почему вдвоем? — спросил нетерпеливый Михаил. — Обычно исследовать планеты отправляют группу людей.

— Все верно, — сказал Джим. — Я тогда летал на двухместном звездолете-малютке класса «Поиск». Была как раз середина года — время отпусков, людей не хватало, а план надо было выполнять. Мой напарник в то время приболел, а я слонялся без дела, ждал, когда его выпишут из госпиталя. Вот тогда-то Судаков и припер меня к стене. Что у нас за руководитель — вы знаете: своего всегда добьется, душу из тебя вынет, а добьется. Вот он и насел на меня.

«Ты, — говорит, — опытный, у нас здесь несколько звездочек числится, а слетать к ним некому, так вот не плохо было бы тебе прошвырнуться, кости поразмять, нечего без дела на базе сидеть. Ты и один, без штурмана, справишься.»

Я, конечно, отбрыкивался как мог, но в конце концов согласился. «А, — думаю, — где наша не пропадала». Одному даже интереснее. Взял с собой Бобика, погрузился и попер. И ничего — справился: одну звездную систему одолел, другую. Уже в самом конце маршрута подлетаю к одной хиленькой звездочке, она немножко в стороне от основной группы была. Смотрю, а там к делать-то у нее нечего. Всего одна планета. Правда,

планета интересная, земного типа, с кислородом в атмосфере, с мягким климатом и с растительностью.

Сделал я несколько витков вокруг планетки, все выбирал подходящее место для посадки. И вдруг замечаю ближе к экватору этакое овальное пестрое пятно. Заинтересовало оно меня. У планеты этой во всех других местах был ровный растительный покров, и это пятнышко никак не вписывалось в общую картину. Было такое ощущение, словно у планеты на физиономии росла бородавка радиусом в несколько сотен километров. В общем, недолго думая, посадил я свой звездолетик в самом центре этого пятна. Выпустил роботов, скафандр надевать не стал, поскольку воздух, если верить приборам, был великолепный, и ничего враждебного не обнаруживалось. Я просто вкатил себе и Бобику по порции вакцины от разных вирусов, и вылезли мы наружу.

Осмотрелся: кругом заросли каких-то цветов, подозрительно похожих на розы, и ароматы вокруг такие, что Бобик мой в минуту одурел и давай круги вокруг корабля выписывать и все эти цветочкинюхать. Я тоже принюхался — пахнут розой, но я не большой спец в области запахов и цветоводства, поэтому хоть и удивился, вдруг, думаю, действительно розы, решил не спешить с выводами. На базе, думаю, разберутся, что к чему. Условия схожие с земными, почему бы и не развиться одинаковым почти видам растений. Правда, схожесть схожестью, но не до такой же степени, и неясно, почему только розы растут, а не кактусы и не капуста. Словом, немного меня эти цветы встревожили, но раздумывать было некогда, надо было собирать данные. И я занялся сбором образцов и сведений по планете.

Собрал пробы грунта, образцы растений, букашек.

На горизонте заметил какие-то скалы, образцы горных пород этого района решил взять. Вытащил из звездолета вездеходик, уселся в него — и к скалам. За четверть часа добрался, остановил вездеход и полез камушки собирать. Образцы собираю не торопясь и вдруг слышу, Бобик что-то облавивает впереди. Подхожу я к нему и не могу понять, что его взволновало: стоит перед отвесной гранитной стеной, морду задрал и заливается. Я ему крикнул, чтобы замолчал. Не слушается, тогда я тоже задираю голову, и тут у меня чуть с сердцем не стало плохо. Смотрю: метрах в пяти надо мною во всю стену плазменным резаком надпись: «Коля плюс Вера, две черточки...» Надеюсь, вы не забыли, что стоит во второй части этого уравнения? Да... Я так и сел. Бобик, правда, не на саму надпись тявкал, а на какую-то птицу, которая на знаке равенства гнездо свила, но дела это не меняло. Все было ясно — меня опередили. И, если судить по количеству разросшихся цветов, мой предшественник опередил меня лет на двести.

«Тоже мне, — думаю, — садовод-любитель, розы, видите ли, выращивать здесь надумал. И еще это уравнение. Мальчишество...»

Вообще-то, я против таких росписей на памятниках архитектуры, на всяких там причудах природы в разных уголках Земли. На Земле ведь каждый столб подобной чепухой исписывают, и с этим надо бороться, поскольку глупо это, а здесь, на далекой планете, на скалах, утопающих в розах, это было откровением, символом, чудом, если хотите.

И вот сидели мы с Бобиком и смотрели на эту надпись. И стало мне грустно.

«Надо же, — думаю, — какой-то неведомый Коля притащился в такую даль, на другой край галактики,

чтобы оставить здесь такой наивный и вместе с тем величественный памятник своей любви: посадил кусты роз и расписался на камне».

Знаете, парни, я до сих пор восхищаюсь этим Колей — такое простое и гениальное решение... Но грустно мне стало не по этой причине, я завидовал ему, его любили, он имел право на такую надпись. Я сидел и завидовал всем дуракам Земли, оставившим подобные автографы на скамейках, пирамидах и стенах колизеев, на деревьях и просто в подъездах домов.

Я знаю — вы станете презирать меня и назовете пла-гиатором, но мне тогда тоже захотелось оставить такую надпись на тех скалах, но у меня не было никакой Веры... С женой я еще года за два до этого расстался, и у меня не было морального права на такие наскальные нежности, поэтому я сидел и грустил.

В конце концов, Бобику надоело мое поведение, он поднялся и лизнул меня в лицо, и тут меня осенило:

«Свинья ты, Джим, — явственно мелькнуло в голове, — это тебя-то никто не любит? А Бобик? Вот где зарыта вечная любовь!»

И знаете, братцы, что я сделал? Я приласкал Бобика, а потом обошел скалу и с другой стороны плазменным излучателем трехметровыми буквами вывел: «Джим плюс Бобик, две черточки, любовь и дружба», а в скобках добавил: «вечная». — Джим улыбнулся и, потянув Бобика за ухо, заставил его встать передними лапами к себе на колени.

— Он у меня молодец! — сказал Джим, лаская Бобика. — Сколько лет мы вместе, сколько планет с ним исколесили, сколько звезд сверкало за бортом. Мы с ним бродяги. Он у меня настоящий космический пес. Вот вы, наверное, думаете, хвост у него для моды об-

рубили, для пижонства? Ошибаетесь. Ничего похожего это ему метеоритом шальным оторвало. — Джим, по-глаживая собаку левой рукой, взял в правую руку бокал с вином и как бы в раздумье повторил:

— Любовь — это, знаете ли, чувство. Не будем никого осуждать. — И добавил: — Да, а со старухой своей я после того случая помирился, но надписи на скалах она от меня еще не получила. Впрочем, поживем — посмотрим.

ЗАБЛУДИЛИСЬ

— Приехали! Дальше машина не пойдет! К пассажирам просьба выйти и прогуляться. — Василий демонстративно отодвинул крышку панели управления и полез в хитросплетения проводов индикаторной отверткой.

— Это как понимать? — возмутился Семин, солидный, уже немолодой мужчина с округлым, вечно недовольным лицом, окаймленным длинными, темными волосами, аккуратно расчесанными на уже начинающей лысеть макушке. — Это что, издевательство? Это мы куда опять заехали?

Правый глаз Семина, когда его хозяин начинал волноваться, дергался и наливался кровью, при этом сам Семин напоминал быка, перед которым помахали красной тряпкой. Бенедикт Семин читал у нас в Институте Прикладной Истории лекции по остеологии, был очень высокого мнения о своей особе и, вероятно, поэтому остро и болезненно реагировал на все уколы фортуны. И на этот раз он буквально задыхался от негодования:

— Почему вы молчите? Я с кем разговариваю? Куда мы попали? Федор, вы-то чего безмолвствуете? Это ведь и вас касается!

— А что я могу сделать? — пожал я плечами. — В машине Василий хозяин. У него допытывайтесь.

— Василий Иванович, вы можете ответить на мой вопрос? — подчеркнуто холодно обратился к водителю Семин.

Василий почесал отверткой за ухом, подмигнул мне и, повернувшись всем корпусом к Семину, хмуро сказал:

— Вылезь! Надоел ты мне своим зудением. Сказано же, дальше не поедем! Поломку надо исправить, ясно?

— Ясно, — уже более миролюбиво ответил Семин, — однако, Василий Иванович, хотелось бы знать, куда мы попали?

— Эх, дорогуша, я тебе кто, дельфийский оракул, чтобы все знать? Видишь же, ни один датчик не работает? Что тут определишь? Глаза у самих есть. Изучайте обстановку, прикидывайте, сопоставляйте, вы же ученые, а не я!

Семин тяжело вздохнул.

Мы вылезли из кабины. Вокруг зеленой стеной стоял лес — не лес, а самые натуральные джунгли. Одуряющие пахали какие-то неизвестные науке цветы, растения. Теплый ветер доносил из зарослей тошнотворные запахи крупного, очевидно, не очень чистоплотного зверя. Я поежился и прихватил карабин с заднего сиденья.

— Вы полагаете, здесь могут быть хищники? — с беспокойством осведомился Семин.

— А вы думаете, этот лесок пуст? А запахи?

— М-да! — втянул носом воздух Семин и закашлялся. — К-хе! К-хе! Куда он нас все-таки затащил?

— Сами убедились — все три счетчика сломаны. Поживем — увидим. Главное, здесь можно дышать, тепло. И если судить по буйству растительности, мы в тропиках.

— А время? Время какое?

— Не все сразу. Погуляем, что ли?

Семин готов был уже согласиться, но тут такой мощный, дикий рев потряс атмосферу, что мы невольно втянули головы в плечи и попятались к машине.

— Что такое? — испуганно спросил Семин. — Ка-жется, львы?

— Разве? А мне так напомнило слона. По-моему, это какое-то хоботное. Наверное, мамонт. Занятно! Ни разу не видел живого мамонта. Прогуляемся до того холма, что виднеется справа. С вершины можно осмотреть местность. Пошли! — И, перекинув карабин через плечо, я направился по узкой звериной тропе в чащу. Семин поежился, оглянулся на Василия, копавшегося в механизмах машины, и неохотно последовал за мной.

До холма оказалось километра два. И все эти километры до вершины, и всю обратную дорогу Семин пла-кался мне на свою крайне неудачную жизнь, пыхтел и проклинал несправедливость судьбы.

— С диссертацией мне не повезло, — говорил он вздыхая, — тема попалась нудная, скучная. Начальство меня не понимает. Характеры у сотрудников отвратительные... И вообще... А взять этого Василия. Не понимаю, куда отдел кадров смотрел? Что за тип? Вот помяните мое слово, пока мы с вами разгуливаем, он починит машину и удерет без нас. Нахал! Грубиян! Ни-какого уважения к старшему по званию!

— Это вы, Бенедикт Степанович, зря, — заступился я за Василия. — Конечно, характер у него не сахарный,

но товарищей в беде он не бросит. И потом, Бенедикт, а кто из нас ангел? Вы, простите, сами его довели до грубости. Что вы его всю дорогу шпыняете — то вас трясет, то вы замерзаете, то вам жарко, то душно? И все ему под руку, а человек за рулем. Все-таки не бульдозером, машиной времени управляет!

— Плохо управляет! — упрямо заявил Семин. — Плавнее надо, плавнее, а он с места в карьер! А какая тряска при сменах общественно-экономических формаций! И потом знал же ведь он, что через ледниковый период поедем, что холодно будет, знал? Почему не предупредил? Я бы шубу взял, белье теплое. У меня и без этого простуды хронические! Безобразие!

— Во-первых, управляет машиной Василий хорошо. Водитель он классный! Таких поискать! Во-вторых, что у нас полетят все навигационные приборы, этого он, естественно, предвидеть не мог. И что нас в палеолит занесет — об этом ни он, ни я, ни вы до последнего момента не догадывались. В-третьих, я Васю знаю не один год, он сделает все возможное и даже невозможное, чтобы устраниТЬ поломку. Уверен, скоро он все отладит отрегулирует, вернемся домой в наш родной двадцать пятый век и вы спокойно займетесь своей многоуважаемой диссертацией.

Беседуя в таком духе, мы пробродили около двух часов. Побывали на вершине холма, но ничего утешительного с нее не узрели: вокруг до самого горизонта простирались джунгли. Несколько каменистых возвышенностей — вот все, что хоть как-то разнообразило пейзаж. У одной из скал я разглядел в бинокль гигантского бурого медведя и указал на зверя Семину:

— Посмотрите, Бенедикт, какой замечательный экземпляр!

Рассмотрев мишку при десятикратном увеличении, Семин охнул, заявил, что это какая-то очень редкая ископаемая разновидность пещерного медведя, после чего окончательно скис и заторопился назад к машине. Думаю, лишь после этих визуальных наблюдений представителей местной фауны он убедился, что мы в самом деле заехали в доисторические времена.

У машины нас ожидал сюрприз.

На полянке в трех метрах от аппарата, потрескивая сухими ветками, пылал большой костер. Над костром на некоем подобии вертела поджаривалась, брызгая горящим жиром, туши доисторического оленя. А у огня, богатырски развернув плечи, сидел на корточках Вася и заклеивал окровавленную левую щеку лейкопластырем. Рядом, тесно прижавшись к Васе, вылизывая банку с остатками сгущенки, мурлыкало от удовольствия загорелое, косматое существо.

Заметив нас, существо насторожилось, однако Вася успокаивающе похлопал его по плечу:

— Кушай, кушай, дорогая. Не обращай внимания, детка. — Нам же Вася радостно сообщил: — Ее зовут Му. Для друзей просто — Мурочка. Представляете, мужики, я познакомился с ней, можно сказать, в самый критический момент. Один мухомор, из местных, гнался за ней с дубиной. Вообразите только, девочка утверждает, что он собирался ее скушать! Правда, я у него отбил аппетит. Дубиной-то он здорово махал. — Вася осторожно дотронулсь до заклеенной щеки. — А вот о боксе, фехтовании, приемах вольной борьбы никакого представления! Село!

— Все это прекрасно, Василий, — сказал Семин, — но, хотелось бы знать, что с машиной?

— Чиним! — бодро ответил Вася, затем снял с себя кожаную куртку и набросил на голые плечи спутницы. Сделано это было вовремя. Уже начинало темнеть, появился легкий вечерний холодок, на Мурочке же, кроме набедренной повязки из полинялой тигриной шкуры и ожерелья из лошадиных зубов, не было ровным счетом ничего. И это обстоятельство уже начинало смущать Семина, который, оценив стройную фигуру Мурочки, стал стыдливо опускать глаза и отворачиваться.

— Мясо, по-моему, готово, — сказал я, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. — Тебе какой кусок отрезать? — обратился я к Семину.

В ответ Бенедикт промычал что-то совершенно незразумительное, закашлялся и полез в кабину искать свой носовой платок.

Василий же, не обращая внимания на терзания Семина, активно ухаживал за Мурочкой. Отрезал ей лучший, аппетитный кусочек. Когда же она довольно засурчала и прижалась к нему, нежно обнял ее за талию и доверительно сообщил нам:

— Васю любят. И этой фразой добил Бенедикта Степановича.

Семин подавился куском оленины, долго хрекал, сопел и бегал вокруг костра. Вечером же перед сном, когда Вася ушел провожать Мурочку куда-то в лес, Бенедикт окончательно рассвирепел и заявил мне:

— Вернемся в институт, не я буду, но поставлю вопрос о моральном разложении.

— А! Бросьте, Беня! — не выдержал я. — Не поможет. Васю не перевоспитаешь... Так же, впрочем, как и нас с вами... Вопросы ставить уже пробовали не единожды! Еще после знаменитой экспедиции Ахеменидова в тринадцатый век. Не помните? Шумная была история.

Василий тогда дорвался до гарема какого-то султана и несколько месяцев, пока экспедиция изучала эпоху и в услугах водителя машины не нуждалась, каждую ночь развлекал тамошних красавиц, совсем заброшенных стариком султаном за множеством государственных дел. Все бы и тогда прошло гладко, поскольку жалоб от населения не поступало, но Василий слишком живо и во всех подробностях, перед которыми слегка меркнут сказки Шахерезады, расписывал свои похождения в кругу друзей и, естественно, вызвал нездоровый ажиотаж среди других сотрудников. Помнится, после возвращения экспедиции сам Федот Ахеменидов, потрясая кулаками и бородой, доказывал ученому совету, что султаны энной династии более позднего времени имеют с Василием портретное и характерное сходство. Дескать, такие же усатые, нахальные и грубые. Причем Ахеменидов из этого сопоставления делал вывод, что Василий подпортил генеалогию и чистоту каких-то исторических линий. Ну, это, конечно, стариk перегнулся палочку. Василий оправдывался, кричал, что еще надо доказать: подпортил он линии или улучшил, и что оскорблений он не потерпит и от начальника экспедиции. И вообще, мол, о чем речь? У старичка султана, дескать, томилось в заточении около тысячи женщин. Куда ему столько? С монарха, мол, еще и причитается. Он, Вася, занимался воспитанием и образованием девушек, просветительской деятельностью. Кончилось тем, что вопрос о поведении Василия замяли. А к концу года Вася даже выхлопотал себе надбавку к премии и благодарность со странной для непосвященных формулировкой: «За подготовку эманципации женщин Древнего Востока».

Семин после моего рассказа поостыл. Около часа

ворочался на сиденье с боку на бок, шумно посапывая, наконец не выдержал:

— Вот где его черти носят? Вокруг джунгли, хищники, змеи ядовитые, каннибалы с дубинками разгуливают. Сожрут его, дурака, что делать будем? Машина сломана. Так и проторчим здесь остаток жизни...

— Ох, Бенедикт, тебя, похоже, только твоя персона волнует. За Василия не беспокойся — мужчина проверенный, сам кого хочешь съест. И потом, не мог же он оставить Мурочку ночью одну в джунглях — все-таки дама.

Утром Василий вернулся один, весь в пуху и разноцветных перьях, без куртки и без ножа.

— У нее тут недалеко гнездо на дереве. Уютное такое гнездышко! — лучезарно улыбаясь, сообщил он.
— Ножик и куртку я ей подарил. У них тут скоро похолодание, этот, как его, ледниковый период намечается. Девочке теплые вещи нужны. Чего носы повесили?
Сейчас займемся нашей колымагой. Держи паяльник!
— приказал он Семину. — Помогать будешь! А ты, Федор, костром займись. Подкинь дровишек! Огонек-то почти потух. Олена разогрей. Мурочка скоро прибежит голодная.

Машину чинили почти неделю. И всю эту неделю, день ото дня, Василий постепенно мрачнел, становился все угрюмее и раздражительнее. Хотя он и продолжал шутить, бодро орудовать инструментами и командовать, мы чувствовали — настроение у Васи портится. Теперь, когда из лесу появлялась Мурочка и ее сородичи, Вася не встречал их бодрыми криками. Если в первые три дня он организовал для первобытного народа

своеобразный ликбез: обучал стрельбе из лука, выделке шкур, умению добывать огонь при помощи кремня, то к концу недели Вася уже не отходил от машины. Развлекать же гостей, и даже саму Мурочку, приходилось уже Семину и мне.

На седьмой день нашей первобытной одиссеи Василий после ужина и прощания с Мурочкой собрал нас в машине.

— Значит, дела такие, — сообщил он. — Кое-что во внутренностях этого катафалка удалось исправить. Можем ехать...

— Наконец-то, — облегченно выдохнул Семин.

— Я не договорил, — сухо продолжил Василий. — Ехать можем, но в неизвестном направлении.

— Что ты этим хочешь сказать, Вася? — удивился я.

— Компас «прошлое — будущее» безнадежно испорчен. Я могу завести машину, могу задать скорость, но где мы окажемся в следующий раз — этого я предсказать не могу.

— Погоди! Ты что — даже не сумеешь определить в прошлое мы попадем или в будущее?

— Именно! — Василий меланхолично забарабанил пальцами по панели управления. — Даже не могу сказать, как далеко мы прыгнем в ту или другую сторону. С одинаковой вероятностью мы можем попасть и в мезозойскую эру, и к основанию города Рима, и в какой-нибудь сорок седьмой век далекого будущего.

— Ха! Так в чем проблема? Будем прыгать через века, раз, другой, третий, до тех пор, пока не попадем в нашу эпоху или более позднюю. А там отыщем исправный аппарат и вернемся на нем к себе, — сказал Семин. — Ведь, кажется, уже с двадцать третьего века во всех крупных городах Земли были открыты гаран-

тийные мастерские по ремонту машин времени. Верно, Федор?

— Пожалуй, — согласился я. — Что скажешь, Вася, похоже, Бенедикт прав?

— Прав-то, прав, но вы, друзья, забываете, что машина времени — это еще не вечный двигатель. У нас энергии осталось всего на четыре больших перехода.

— Другого же выхода нет, — сказал я. — Заводи!

— Почему нет? — Василий хмыкнул. — Желающие могут остаться с племенем нашей Мурочки.

— Вы мне эти разговорчики, Василий Иванович, оставьте! — встрепенулся Семин. — Это провокация! Дезертирство!

— Мое дело предупредить, — процедил сквозь зубы Вася, включая зажигание. Первобытный лес за окнами машины покачнулся, задрожал и растаял во тьме.

Василий выжимал из машины все возможное.

Семин опять стал нервничать, хватать то меня, то Василия за руку и шептать:

— Осторожнее, осторожнее на поворотах истории, плавнее, ради всего святого!

— Терпи, профессор, не выпадешь авось, — бормотал Вася, пристально наблюдая за стрелкой расхода энергии. — До исторических времен надо еще добраться! — К Василию, едва он оказался на своем рабочем месте у пульта, вернулась его обычная жизнерадость и уверенность в завтрашнем дне.

Через два часа по бортовому времени Василий погасил скорость и отключил двигатели. Тьма за окнами понемногу рассеивалась. Из серого тумана стали пропасть гигантской толщины стволы деревьев. Возникли совершенно дикие, чудовищные заросли. И в кабину машины времени стали доноситься приглушенные

лающие и квакающие звуки, различные взбулькивания, рев.

Семин поежился, завертел головой, затем покосился на Василия и убежденно провозгласил:

— Опять куда-то в доисторические времена заехали.

— Да, это вам не двадцать первый век, — не теряя бодрости в голосе подтвердил Вася. — Опять в прошлое провалились.

В это мгновение за окном среди буро-зеленых мохнатых зарослей зашевелилась голова гигантской змеи.

— На питона по размерам смахивает, — сказал я, — а то и покрупнее будет.

— Что, Васек, может, сбегаешь — познакомишься? — съехидничал Семин.

— Бенедикт, — одернул я его, — спокойнее, не нагнетай атмосферу!

Василий не удостоил Семина ответом, а вновь полез отверткой в панель управления.

После второго прыжка во времени мы очутились у подножия какого-то сильнодействующего вулкана. Сотрясалась почва, сыпались камни, пепел, по склонам горы сползали лавовые потоки, вокруг грохотало. Пейзажи были такие, что я в первые мгновения решил было, что нас занесло уже на другую планету или в такую древнюю эпоху Земли, о которой и подумать-то страшно.

Теперь уже было не до шуток и Василию, и нам.

И Семин, и я начинали всерьез сожалеть, что не остались с Мурочкой и ее племенем.

— Скорее, Вася! — не выдержал я. — Жми на педали, пока нас здесь камушками не засыпало! Разбираться с аппаратом потом будешь! Жми!

Василий, конечно, и сам оценил обстановку и долго уговаривать себя не заставил. Уже не пытаясь что-либо отладить в двигателях, запустил машину на полный ход.

Это было наше самое мучительное путешествие. Три долгих, бесконечных часа мы боялись смотреть друг на друга. У каждого в голове болталась одна мысль: «Если опять прыжок в прошлое, то уже не выбраться. Энергия кончается... Остается последняя попытка...»

Вокруг плескалось теплое, спокойное море. Сочное, голубое небо было ослепительно чисто. Солнце стояло сравнительно высоко. Лучи его быстро нагрели корпус машины, и в кабине повысилась температура.

Василий щелкнул анализатором и вывел на экран данные по составу атмосферы. Состав был обычный. И мы с Семиным сразу повеселили, на этот раз машина сделала весьма ощутимый прыжок в будущее.

— Судя по погоде и по высоте светила, мы где-то в южных широтах, — сказал Семин, извлекая из футляра бинокль. — Надо бы определиться!

— Надо бы, — устало согласился Василий. — Может, подскажете, как это сделать?

Василий включил приемопередатчик, покрутил ручку настройки. В эфире было пусто.

— Выходит, до времени изобретения радио мы еще не добрались, — с грустью прошептал я. — Вечером по звездам определим наши координаты точнее.

— Смотрите, дельфины! — прервал меня Семин, осматривая в бинокль горизонт. — Птицы летят. По-моему, на Северо-Западе есть какая-то земля.

Василий взял у Семина бинокль и, осмотрев море в указанном направлении, согласился:

— Да, чайки кружат в той стороне. Соображаешь профессор. Молодец! — похвалил он Семина и добавил: — Что ж, наш агрегат в воде плавает не хуже дельфина. Поехали!

Заработали пространственные двигатели. И машина времени, превратившись в обычный автомобиль-амфибию, быстро поплыла на Северо-Запад. Часа через три показалась суши, выглядела она не особенно привлекательно: рыжие, черные, темно-серые граниты, нагромождения камней и скал. Растительность на берегу довольно чахлая — ни одного деревца, все больше пожелтевшая от зноя трава и заросли темно-зеленых и бурых кустарников.

Василий выбрал поукромнее бухточку среди скал и причалил к узкой полоске желтого песка.

— Шикарный пляж! — излишне радостно, стремясь подбодрить спутников, заметил я. — Сейчас накупаемся, разведем костерчик, позагораем!

— Не спеши, Федор! — одернул меня Семин. — Еще неясно, где мы? В воде могут быть акулы, крокодилы, ядовитые змеи. Осторожность прежде всего! Здесь, на верняка, полно хищников!

Василий загнал машину в расщелину между скал.

— В тени-то лучше, — пояснил он, — корпус меньше нагревается. И от посторонних глаз все же хоть какое-то укрытие. Вы, мужики, хозяйничайте, рыбки половите, плавник для костра наберите, но огонь пока не разводить! А я пойду осмотрю окрестности.

— Само собой, старина, за нас не волнуйся — все будет в лучшем виде, — успокоительно ответил я. — Не забудь свой карабин, вдруг и в самом деле какая зверюга на тебя бросится.

Василий беспечно махнул рукой:

— По этим горам с ним таскаться! Пистолета достаточно и кинжала, — он поправил на поясе свой длинный охотничий нож, — клинок, правда, не такой острый, как у того ножа, что я вручил Мурочке, но ничего — на первый случай сгодится! Ждите меня здесь, от аппарата не отходить и сидеть тихо! Ясно?

— Ясно. Возвращайся быстрее.

Василий неопределенно пожал плечами и полез на скалы в заросли кустарников. Минут через пять мы уже потеряли его из виду. Я достал удочки, снасти и занялся рыбалкой. Семин поворчал немного о нарушениях субординации и, собрав большую кучу хвороста и щепок, ушел в тень к машине и задремал на песочке.

Время тянулось медленно. На спиннинг изредка попадались достаточно крупные, двух-, трехкилограммовые, серебристые рыбы с большими розовыми плавниками. В ихтиологии я разбирался плохо, но, по-моему, это были обычные, вполне современные рыбы, ничего исключительного — древнего в их облике не чувствовалось. И я сообщил об этом Семину. Он фыркнул, но, после пристального изучения улова, вынужден был согласиться, что ничего необычного в пойманых особых нет.

— Ладно, — махнул Семин рукой, — не будем гадать. Скоро ночь, а нашего разведчика что-то не видно. Как бы он не заблудился, надо развести костер, поджарить рыбку. Кстати, хищники огня боятся, а Василий на огонек легко найдет дорогу.

— На огонек не один Василий может найти дорогу! — возразил я. — Местность, возможно, населена людьми, а как они отнесутся и нашему появлению, сказать трудно. Если мы попали в какое-нибудь средневековье, нас с вами, Бенедикт, вполне могут отправить на

костер. Решат, что колдуны, слуги дьявола, и крышка!

— Хм! — вздохнул Семин. — Перспективы... Скорее бы Василий вернулся, не случилось ли с ним чего?

— Василий свое дело знает! Парнишка находчивый, из каких только переделок не выкарабкивался. Он все сделает, как надо.

— Что ты мне его нахваливаешь? — возмутился Семин. — Сделает, сделает... Ночь на носу! Он уже часов десять где-то шатается. За это время все вокруг можно осмотреть на три раза! Заметь, он ведь с собой еды не брал! Где он? Что с ним? Может, уже сгинул бесследно. Поди и к нам уже враги подползают, вот-вот набросятся! Что скажешь?

— Разводи костер, будем ужин готовить! Поживем — увидим! — поморщился я. — Василий не пропадет, просто что-то его задержало, думаю, к утру прибежит.

— Прибежит, как же, жди! — завел старую песню Семин. — Завез нас сюда на погибель и бросил... Кругом хищники, львы, тигры, каннибалы... На эти сетования я уже Семину ничего не ответил — пропала охота с ним беседовать. Василия я изучил достаточно, чтобы за него не волноваться, но кое-какие смутные опасения стали закрадываться и в мою душу. Нет, конечно, Василий, если и попал в какую-нибудь историю, выберется из нее с минимальными потерями, — размышлял я, — хищники, инквизиторы, римские легионеры, прочая кусающаяся фауна — этим с Васей не справиться, но... — Я с силой втянул носом вечерний воздух, — здесь могут водиться... Ну, конечно, как я сразу об этом не подумал!

Послышались шаги, треск веток и возгласы:

— Осторожнее! Сюда, держитесь за мою руку! Одно мгновение! Позвольте! Вот мы и у цели! Я узнал голос

Василия и через минуту увидел его самого, жизнерадостного и обворожительного...

— Ах, чтоб ему... — прошипел за моей спиной Семин. — Опять за свое!

Увы, Бенедикт был прав. Василий вернулся не один. Рядом с ним покорно, точно загипнотизированная, стояла стройная худенькая красавица с длинными, почти до пояса, пышными волосами, очень правильными чертами лица и пронзительными синими глазами, в которых застыл испуг и печаль. Красавице было от силы лет семнадцать. Одета она была в совершеннейшие лохмотья.

Я вопросительно посмотрел на Василия.

— Красивый закат, не правда ли? — кивнул он в сторону моря. — Думаю, надо развести костер и поджарить рыбку. Я вижу, вы, мужики, неплохо порыбачили. Мы смертельно голодные, с утра крошки во рту не было. Да, я вам не представил. Ее зовут Нея.

— И что все это значит? — хмуро спросил Семин.
— Где ты подцепил это чудо?

— История длинная, — отмахнулся Василий, — расскажу после.

И он захлопотал у костра. Нея какое-то время с опаской поглядывала на нас, затем взяла у меня нож и стала ловко разделывать рыбу.

Василий, наблюдая за ней, восхищенно причмокнул губами и прошептал:

— Молодец, девочка, работающая! — затем виновато посмотрел на меня и беспомощно развел руками. — Понимаешь, старик, тут недалеко, километрах в пяти от берега, какой-то городишко. Ну, храмы, портики, базары... Античные статуи... Прочие причиндалы. Похоже на греческий город.

— Древняя Греция? А какая именно область? Афины?

— Не знаю, Греция или не Греция, но что-то древнее, это точно. Так вот, ее я увидел на невольничьем рынке. Стоит, понимаешь, как собачонка, на привязи, а вокруг разные охламоны торгаются. Разглядывают ее, точно породистую лошадку. Вот я и... Понимаешь, прямо сердце кровью обливается...

— Что ты заладил свое: понимаешь, понимаешь? — одернул я Василия. — Ты что же, обормот, купил ее, что ли?

— В общем, да! — уныло признался Василий. — Обменял. У меня на пальце было кольцо с искусственным бриллиантом. В наше-то время, сами знаете, все эти бриллианты яйца выеденного не стоят, а у них тут — диковинка. В старину за такие камушки головы отрывали! Вот я на это самое кольцо и выкупил целую толпу невольников — человек тридцать.

Мы с Семиным испуганно переглянулись.

— И где же они, рабовладелец? — спросил Семин.

— Попрошу не оскорблять! — строго заметил Василий. — На шута они мне здесь — ни один с отверткой не умеет обращаться. Всех отпустил на волю. А у Неи в этих краях никого, она из какой-то другой области. Ни на шаг от меня не отходит. Не прогонять же! Да и куда она пойдет? — развел руками Василий. — Девочка трудолюбивая, ласковая. Сирота...

— Ох, Вася, голову бы тебе оторвать за такие фокусы! Ты же умный парень. Сам подумай, куда мы ее теперь денем? С собой не увезешь, а здесь оставлять — преступление. Она ведь человек — не козявка.

Василий задумчиво посмотрел на Нею, суетившуюся у костра, и вздохнул:

— Что-нибудь придумаю. А вы бы на моем месте что сделали? Прошли мимо? Надо ее куда-нибудь пристроить.

— Ты говоришь, у нее нет здесь родственников? — переспросил Семин. — А если выдать ее замуж за какого-нибудь местного парня? Подбросишь им, Василий, пару бриллиантов на обзаведение хозяйством. Они всю жизнь будут тебя вспоминать...

— Что? Ты это мне предлагаешь? — взорвался Василий. — Ах, ты...

Семина спасла хорошая реакция — кулак Василия просвистел в сантиметре от его подбородка.

— Погоди, Васенька, — крикнул я, хватая своего дружка за руку. — Спокойнее, спокойнее. Здесь дама! Напоминание о даме подействовало. Вася обмяк, перестал сопеть и устало опустился на камень у костра.

— Все! Заметано! — отрезал он. — Увезу ее с собой. Я сам на ней женюсь! Если, конечно, она согласится. Решено! — Василий швырнул в костер охапку щепок, поморщился от дыма и повторил: — Решено! Не век мне в холостяках ходить! Тридцать пять лет! Судьба! Это даже интересно — жена из Древней Греции! А? В институте сдохнут от зависти!

— Совсем сдурел детина, — прошептал Семин, подозрительно поглядывая на Василия. — Ты же прекрасно знаешь физику, законы сохранения материи во времени еще никто не отменял! Эта девушка весит килограммов пятьдесят, не меньше. Значит, нам в этом веке надо выбросить не меньше пятидесяти килограммов балласта! Ты об этом помнишь? Федор, хоть вы на него подействуйте! Машина ведь неисправна! Осталась последняя попытка! Куда нас занесет — дьяволу неизвестно! Возможно, опять попадем к птеродакти-

лям! Подвергать женщину опасности путешествия во времени! Он с ума сошел!

— Ерунда, — фыркнул Василий. — Я все уже обдумал! Здешний мир для нее опаснее в тысячу раз. Пусть свалимся в мезозой. С милой и в пещере рай! Я уже прикинул, что можно выбросить здесь в качестве балласта. У меня в багажнике килограмма два разных ювелирных украшений с бриллиантами, изумрудами, рубинами и прочей шелухой. Наш театральный реквизит — костюмы всех эпох и народов — еще пятнадцать килограммов. Ящик с инструментами — шесть килограммов. Наши ружья, три штуки, боезапас, аптечка, запасной генератор, коврики, обшивка с кресел, запасное колесо, кондиционер... Еще какие-нибудь пустяки. Наскребем! Все в море — и поехали! Жизнь человеческая дороже!

— Он рехнулся, — прошептал в отчаянье Семин. — Он оставит нас голыми и затащит куда-нибудь к древним ящерам. Федор, попробуйте его остановить. Ради своей красотки он разломает всю машину!

— Бенедикт, успокойтесь, — сказал я. — Вы человек рассудительный, должны понимать, что ошалевшему от любви Василию возражать опасно. Водитель он опытный, если говорит, что сумеет увезти всех, значит, надеется сбалансировать аппарат и вытащить нас в будущее. Надо доверять товарищам!

— Ну, нет, — в глазах Семина был уже откровенный страх. — Последняя попытка! Дважды мы проваливались в прошлое! Больше я с ним не поеду! Слышишь, Василий? Выбрасывать ничего не нужно. Я остаюсь в этом веке! Найди мне подходящий костюм и давай сюда свои побрякушки. Два килограмма драгоценных камней. Что ж, на первое время мне хватит! Вернетесь

за мной на исправном аппарате, если, конечно, сумеете попасть в институт.

И Семин решительно направился к аппарату, хлопнул дверцей и полез в багажник.

— Бенедикт, послушайте! Опомнитесь! Вы все обдумали? — спросил я.

— Обдумал? Конечно, обдумал, — сказал Семин. — Я необдуманных поступков, в отличие от некоторых, не совершаю. Василий Иванович, где у нас тюк с одеждой? Надеюсь, уступите мне один стальной нож и пару банок с тушенкой?

— О чём разговор? — пожал плечами Василий. — Бери, что хочешь! Но, честное слово, зачем тебе здесь оставаться? Для чего такая жертва? Признаться, не ожидал. Прости...

— Ладно. Не будем больше об этом, — величественно произнес Семин. — На исправном аппарате вы меня легко отыщете по радиомаяку, — Семин повесил себе на шею футляр с приемопередатчиком. — Запеленгуйте. Да и ваша спутница, я уверен, знает и город, и имя правителя, а следовательно, установить время и мои координаты большого труда не составит. Кстати, почему она у тебя такая молчаливая? Еще не привыкла? Или просто перепугана? Дня через два освоится... Тогда расскажет...

— Все же вы, Бенедикт, не очень приспособлены к местным условиям, — добавил я. — Не лучше ли держаться всем вместе?

— Нет! Я своих решений не меняю! Хватит с меня ваших Мурочек и птерозавров!

Мы с Василием переглянулись, помогли Семину надеть подходящий хитон.

— Под мышками не жмет? — участливо спросил Василий.

— Потерпим, — сморщился Семин, набивая дорожную сумму ювелирными ценностями. — Дорогу до города покажи и дай сюда электронный переводчик.

— Прямо на север, — сказал Вася. — До утра потерпи, скиталец. Ночью тебя в город стражи не пустят. И ограбить могут на дороге. Самоцветы и золотишко лучше где-нибудь здесь закопай, а с собой возьми самую малость. Сам знаешь, разбойнички...

— Хорошо, — хмуро согласился Семин, — подождем рассвета.

Ночь прошла скверно, если бедную Нею заботливый Василий еще как-то уложил в машине на сиденьях и укрыл меховой накидкой, то мы глаз не сомкнули — сидели у костра, смотрели на звезды, на огонь и уговаривали Семина не дурить и остаться. Василий расписывал ему антисанитарные условия городских улиц, предрекал скорую гибель от рук разбойников или палачей и рисовал картины будущего унылого существования Семина — одну страшнее другой. Правда, концовку своих уговоров Вася сильно подпортил одной неосторожной фразой. Он заявил, очевидно, от чистого сердца, что, если уж так случится, в мезозое или там, куда мы попадем на этот раз, нам будет очень не хватать его, Семина, дружеского участия...

Услышав о мезозое, Семин крякнул, сквасился и забормотал что-то о своей невезучести, о происках фортуны... Утром, с первыми лучами солнца, он ушел от нас.

Василий включил машину, и, видимо, удача повернулась к нам лицом — через четыре часа мы добрались до двадцатого столетия, там отремонтировали свой агрегат, запаслись энергией и вернулись в свое время.

Конечно, у Василия были крупные неприятности. И ему, и мне пришлось сочинять длинные объяснительные. Подробно докладывать на ученом совете института о случившемся. У Василия даже собирались отобрать права на управление машиной времени, но он уговорил администрацию института с этим повременить. И сам отправился за Семиным в Древнюю Грецию. Конечно, у Неи он предварительно выяснил и название города, в котором собирался поселиться Семин, и приблизительное время: имена царей и правителей, властвовавших в ближайших областях страны.

Семина он отыскал быстро, но из-за некоторой приблизительности определения даты нашего первого посещения страны Василий опоздал почти на три года. И эти три года бедняга Бенедикт вынужден был прожить среди древних греков. Впоследствии Семин признался нам, что уже не рассчитывал когда-либо вернуться в свое родное время. Полагал, что мы в очередной раз провалились в прошлое и уже никогда не вернемся за ним.

Надо отметить, что пребывание среди древних греков сильно повлияло на характер Семина и весь его облик. В институт он вернулся изрядно похудевшим и возмужавшим. Лицо его украсилось несколькими шрамами от рубящего предмета, в волосах прибавилось седины, на коже появился стойкий южный загар. Не осталось и следа от его обычной мелочности, занудливости, ворчливости. Семин стал намного спокойнее и как будто мудрее. В глазах у него появился некий постоянный оттенок трагизма.

На все наши расспросы о его жизни в Древней Греции и о происхождении шрамов Семин упорно отмахивался, но однажды разговорился и мы узнали в общих чертах его историю.

Семин поселился в одном занюханном городишке на острове Эгина. Выдавал себя за богатого купца, что его и погубило. Спокойно пожить на острове ему удалось не более трех месяцев. Местные власти, завидуя его богатству, обвинили его вскоре в безбожии, подрыве устоев, еретических высказываниях — как-то в запальчивости Семин заявил, что Земля — огромный шар, и на городской рыночной площади начал объяснять теорию Коперника. Это занудство обошлось ему дорого. Чтобы умилостивить местную знать, пришлось Семину пожертвовать храму бога Посейдона значительную часть своих сбережений. Однако слухи о его богатом даре лишь разожгли аппетиты и алчность его соседей. Вскоре его осудили, конфисковали всех домашних рабов и рабынь, все имущество, а самого приговорили к изгнанию. Семин решил уехать в Афины, но в пути судно захватили пираты. Бенедикт был продан, причем очень дешево, в рабство и два с лишним года вынужден был ухаживать за свиньями и чистить хлев и конюшню одному малосимпатичному, вечно пьяному, древнему греку. Хозяин регулярно избивал Семина, а по вечерам заставлял рассказывать себе различные истории о грядущих изобретениях человечества и о будущем могущество и величии человека над природой. Все рассказываляемое Семиным его очень веселило, грек считал, что сказки и небылицы Бенедиктоса — лучшее развлечение перед сном... Так было до самого появления Василия.

— А... — устало покачал головой Семин, — глупости во все времена хватало. Я, ребята, из всех этих путешествий на машине времени одно понял: очень полезно бывает иногда посмотреть и на себя, и на свое время откуда-нибудь со стороны — пусть и из древно-

сти. Многое тогда видится в другом освещении, смешными и ничтожными кажутся наши важные повседневные дела. Начинаешь понимать тогда, что вся твоя жизнь состоит из пустяков, мелочей, погони за какими-то сиюминутными ценностями. И сразу осознаешь, что твоя значимость для мира сильно завышена. А главное, начинаешь разбираться, чем, действительно, надо заниматься, что важно во все времена, а о чем и говорить не стоит... Эх, сколько времени, сил убил я на глупости, склоки, раздоры со своими же товарищами. Я и перед вами, друзья, виноват. Ведь, фактически, не вы меня оставили в прошлом, а я сам вас бросил в трудную минуту. Струсили... Хорошо, что вы сумели выбраться, но ведь могло быть и по-другому...

— Ну, чего уж вспоминать, — добродушно сказал Василий. — Конечно, Бенедикт, нехорошо получилось. Мы ведь сразу сообразили, ты тогда струхнул, испугался, что окончательно заблудимся где-нибудь в мезозое. С кем не бывает, важно, что все кончилось благополучно.

Вот, пожалуй, и вся история о том, как мы заблудились во времени. Так сказать, история наших временных заблуждений. М-да. Чуть не забыл. Василий вскоре женился на Нее. Она теперь уже стала крупнейшим специалистом по античности. Живут они в Крыму, из института Василий все же ушел. Мы с Семиным иногда навещаем их. Бенедикт все уговаривает Василия вернуться к путешествиям во времени. Он теперь убежден, что такие путешествия полезны молодежи в воспитательных целях. Дескать, когда юные оболтусы видят и на своей шкуре чувствуют весь путь, который прошла человеческая цивилизация от первых марты-

шек до полетов к звездам, то уже не так легкомысленно относятся к достижениям общества нашего времени. Возможно, он в чем-то и прав...

ДЫРКА В НЕБЕ

Что с погодой творится? Три недели подряд — затяжные дожди. Четвертого числа — град. Шестого, в июле, — хлопья снега!

В понедельник на лужайку рядом с домиком вдруг просыпался с небес странный осадок — дождь из крупнозернистых рыжих тараканов и молодых лягушат.

«О какой чистоте эксперимента после этого может идти речь? — размышлял Бонькин. — Половину сада дустом засыпать пришлось...»

Определенно, в небе над Боровиковкой образовалась дырка, через которую на голову Бонькина и фруктовые деревья вверенной ему станции сыпалась всякая гадость.

Сегодня денек выдался ясным, но самочувствие Бонькина от этого не улучшилось. Через каждые пять минут он тоскливо осматривал небосклон в ожидании какой-нибудь очередной каверзы синоптиков.

В небе было все тихо. Солнышко припекало вполне дружелюбно, и почти успокоенный Бонькин подумал даже, не сходить ли ему на речку после обеда, но вспомнил, что в саду еще много работы, и пошел в тенистые заросли опытного участка, где почти час препирался с роботами-садовниками, очищавшими участок от сорняков. Затем Бонькин долго возился с молодыми деревцами и уже собирался обедать, когда

что-то оглушительно хлопнуло и на лужайку перед домиком свалился крупный предмет.

Тишину разодрал пронзительный женский визг.

Бонькин присмотрелся и замер от удивления.

Среди густой зеленой травы и ромашек возникло плетеное кресло-качалка, а в нем, одетая в легкий халатик, миловидная дамочка лет тридцати. Большие темные глаза ее взирали на Бонькина с удивлением и ужасом, губы были обиженно сжаты.

— Негодяй! Мерзавец! Подлец! — выкрикнула женщина.

— Простите, — пролепетал Бонькин. — Я не понимаю?

— Ах, я не вам! — женщина посмотрела на Бонькина пристальным, оценивающим взглядом и разрыдалась. — Как он мог? Теперь понимаю, для чего проводились все эти опыты! Эксперименты на лягушках, на тараканах! Какая низость! Умоляю, скажите, где я?

Бонькин пожал плечами:

— Территория опытной ботанической станции. Село Боровиковка, Оглоблинский район Муросянской области.

— Ужас! — простонала незнакомка, выпадая из качалки в траву.

— Успокойтесь! — ласково сказал Бонькин, подхватывая женщину под руки. — Вытрите слезы. В этом домике вы сможете отдохнуть.

Они подошли к зданию станции, и хозяин гостеприимно распахнул двери.

— Один живете? — с любопытством спросила гостья.

— Да. Некоторым образом...

— Вы ученый — и много работаете?

— Биолог.

— Меня Элеонорой величают, а вас?

— О! Простите, я не представился, — засуетился Бонькин. — Петр Васильевич, кандидат.

Бонькин вдруг почувствовал себя старым, неуклюжим и сразу же пожалел о вырвавшемся кандидате. «Хвастун, жалкий хвастун, — подумал он. — Какое ей дело, кто я — кандидат наук или доктор? У нее какое-то горе, ей и смотреть на меня, наверное, противно».

— Что же вы стоите, Эля, садитесь, — пригласил Бонькин гостью к столу.

Элеонора огляделась:

— Петя! Вы не возражаете, если я буду вас так называть? — улыбнулась она.

Бонькин растаял:

— О! Конечно! Какие могут быть церемонии?

— Петя, ты много пишешь? Не спорь, у тебя весь стол бумагами завален.

— Да, — сознался Бонькин, — то есть нет! Это мой труд. Я мечтаю написать монографию «Выращивание цитрусовых в Сибири». Тема обширнейшая, актуальная, а времени... Так дальше шестнадцатой страницы и не продвинулся. Все некогда, некогда! Ну, что это мы все обо мне да обо мне? Я ведь так и не знаю, что у вас приключилось? Почему плакали? Как попали в наши края?

Элеонора шмыгнула носом и решительно вытерла глаза ладонью.

— Меня сюда муж забросил.

— Бросил! — как эхо повторил Бонькин.

— Посмел бы он меня бросить! — сверкнула глазами Элеонора. — Нет, именно забросил! Мерзавец! Сконструировал телепортационный ретранслятор, за-

манил меня в качалку и отправил из Москвы куда-то к черту на рога!

— Почему же к черту на рога? — обиделся Бонькин.
— Боровиковка — чудесное место. Сосны, кедры, тайга, воздух чистый и до Муросянска рукой подать, всего двести километров.

— Да, да, конечно, — неохотно согласилась Элеонора. — Только обидно, ах, как я его любила. Так бы, кажется, и задушила паразита... в объятиях! Опекала его, пылинки с лысины стряхивала! Эх, Наждаков! Наждаков! Мужа моего так звали, — пояснила гостья, заметив недоумевающий взгляд Бонькина.

— А! — разочарованно протянул Бонькин. — Вы не расстраивайтесь. Он, может, по ошибке вас сюда? Наверное, хотел сам испытать, а вы случайно... Сегодня закажем билеты на поезд, а завтра подброшу вас на нашем грузовичке до станции и, глядишь, дня через три в Москве будете.

— Нет! Я не вернусь! Унижаться! Даже если на коленях будет меня умолять, не вернусь. Уеду куда-нибудь, на Марс улечу, там, говорят, специалисты-мелиораторы требуются, а у меня диплом. Эти, как их, марсианские каналы вспять поворачивать буду!

— Специалисты везде требуются, — уныло согласился Бонькин.

— Да, но что же мы сидим? — встрепенулась Элеонора, по-хозяйски осматривая жилье Бонькина. — Ты, Петя, прибери бумаги на столе. Кстати, где твои домашние роботы?

— В саду трудятся.

— Нечего им в саду бездельничать! Зови их сюда, пусть помогут навести в доме порядок и приготовить обед! У тебя, наверное, и еды никакой нет?

— Отчего же? — хотел было возразить Бонькин, вспомнив о своем запасе рыбных консервов — минтай в томатном соусе — и о стопке котлет из синтетической говядины в холодильнике, но, не выдержав пристального взгляда Элеоноры, покорно кивнул и побежал в сад за роботами.

«В самом деле, — подумал он, — роботы совсем разболтались, надо бы с ними построже...»

Вскоре обед был готов, комнаты сияли, а четыре робота — весь кибернетический персонал станции, вытянувшись по стойке смирно, докладывали Элеоноре о выполненных заданиях. Бонькин только ахал, перед ним роботы никогда так не лебезили.

Впервые за пять лет лабораторию очистили от хлама и грязи, а с рабочего стола стерли пыль и убрали бумажные завалы. Все вокруг сверкало, блестело такой чистотой, что Бонькину стало неуютно, захотелось самому вымыться и надеть новые тапочки, чтобы не загрязнять своим присутствием окружающую среду.

Поздно вечером хозяин и гостья сидели на веранде, пили чай с лимонами и клубничным вареньем, смотрели на звезды и жаловались друг другу на неудачную жизнь.

— Зачем вам куда-то ехать? — говорил разомлевший Бонькин. — Оставайтесь! Я всю сознательную жизнь мечтал о встрече с такой женщиной, как вы! Я еще вполне молодой — всего тридцать пять... На руках носить буду...

Элеонора морщилась, смотрела тревожными глазами куда-то в открытое окно на черные силуэты кедров над лужайкой, на мраморный диск луны, вдыхала ароматы цитрусовых и молчала.

Прошло пять лет. Бонькин и Элеонора были счастливы — первые три недели после встречи.

Более трех недель, как утверждают древние мудрецы Востока, человек счастлив быть не может.

В правоте древнего изречения Бонькин убедился на собственном опыте... Он похудел, полысел, потерял значительную долю своего благодушия и сделался раздражительным.

Вечерами, когда Элеонора, она работала в Вычислительном Центре Боровиковки, хлопая дверью, вбегала в комнату, Бонькин вздрагивал.

— Что с тобой, Бонькин? Опять мух ловишь? — спрашивала она с порога. — Я же просила не разбрасывать бумаги по комнатам! А отчего полы не вымыты? Работы опять в саду весь день ползали? Бонькин, сколько раз я тебе говорила: выключай оросительные установки к моему приходу, ты же знаешь, плеск воды раздражает меня!

— Представляешь, — заявляла Элеонора через минуту, поправляя прическу перед зеркалом. — Кукушихина пришла сегодня в новом платье. Розовое с зеленым, длинное, впереди кружева. Ручная работа! Ей совершенно не идет. С ее фигурой — фи! Как на корове седло! Оказывается, Кукушихин привез ей два чемодана нарядов из Гипотамии... Слушай, а когда ты разделяешься со своей дурацкой монографией и будешь, как все нормальные люди, ездить в межпланетные командировки?

— Скоро! — мычал потревоженный Бонькин.

— Я бьюсь, как рыба — об лед! — вскипала Элеонора. — Создаю тебе все условия! Пылинки сдуваю! Тащу на себе дом, хозяйство, с роботами-тунеядцами ругаюсь! Никакой благодарности! Уtkнулся в свои бу-

маги и сидит, как пень! Двух минут жenе уделить не хочешь! Наждаков и тот был отзывчивее! Скажи что-нибудь! Чего молчишь? Иди сюда и помоги мне! Бонькин медленно и неохотно вставал из-за стола, помогал супруге раздеться и уходил на кухню, где вместе с работами гремел посудой, разогревал чай, суп, синтезировал котлеты. Потом они ужинали. Бонькин молчал, полагая, что все, о нем он хотел сказать жenе, за минувшие пять лет было сказано и добавить к сказанному нечего. Элеонора же оживленно обсуждала преимущества супруга Кукушихиной. Работы внимательно слушали.

После ужина Бонькин уходил в лабораторию, запирался на ключ и некоторое время печально рассматривал неоконченную двадцать восьмую страницу рукописи «Выращивание цитрусовых в Сибири», затем со вздохом откладывал свой многолетний труд в сторонку и доставал из стола паяльник.

Работа над моделью телепортационного ретранслятора продвигалась медленно, очень медленно. Возможно, Бонькину не хватало технических познаний, которые были у Наждакова. Утешало его одно: первые опыты с лягушками и тараканами проходили успешно...

НОВОЕ О ТУНГУССКОМ МЕТЕОРИТЕ

Интересную историю рассказал одному из наших корреспондентов местный житель Тунгусского края, коренной таежник — старый охотник, а ныне почетный пенсионер Иван Захарын.

В молодости Иван не раз служил проводником в экспедициях к месту падения Тунгусского метеорита, работал поваром, шофером, на досуге изучал астрономию. Иван Спиридович великолепно знает тайгу и таежные обычаи.

Ниже мы приводим дословную запись беседы с Иваном Спиридонычом. Беседа велась с глазу на глаз весенним вечером в помещении сельсовета и, по словам Ивана, не предназначалась для прессы. Впрочем, скромность старого таежника вполне понятна.

— Году этак в семидесятом, — сказал Иван Спиридоныч, — бродил я около тех самых мест, где метеорит упал. Иду, значит, по лесу и вдруг замечаю около самого озера, что, по мнению ученых, от падения метеорита произошло, двоих неизвестных странного, я бы сказал, экзотического вида. Формы на них надеты, должно быть, военные, но не наши формы, я таких не встречал. Смотрю, что-то они у самой воды делают, не то рулеткой, не то еще каким прибором что-то измеряют.

«Странное дело, — думаю, — неужели очередная экспедиция? Почему же мне ничего не известно?» Как-то даже обидно стало. А эти двое этак оживленно между собой переговариваются на неизвестном мне языке. И вот что удивительно, хоть я и далеко от них стою и язык чужой, а все как есть понимаю.

Один из них чего-то там измерил, притирчиво осмотрел озеро, присвистнул и говорит другому:

— Да, здесь без пол-литры не обошлось!

А другой прикинул что-то в уме и отвечает:

— Как минимум — ему потребовалось пять бутылок.

— Значит, так и запишем, — говорит первый, — столкновение в состоянии опьянения.

— Понасажают сопляков за пульт звездолета, — ворчливо говорит второй, — а потом выясняй, кто виноват...

— Так ты считаешь, меру вины каждой из сторон еще предстоит выяснить? — озабоченно спрашивает первый.

— Нет, — говорит второй. — Согласно параграфу тысяча пятьсот тридцатому правил движения материальных тел в пределах данной галактики, тело более крупных размеров — каковым, несомненно, является эта планета — обладает преимуществом в движении перед телом более мелким, не имеющим постоянной орбиты движения. Отсюда вытекает, что он обязан был пропустить планету вперед, а посему столкновение целиком на совести пострадавшего и ни о каком штрафе с планеты не может быть и речи.

И принялись они какие-то вычисления вслух делать. И тогда я совсем их понимать перестал. «О чём они? — думаю. — Какие еще правила движения? Из ГАИ они, что ли? Только что им тогда здесь делать, в тайге? Дорог вокруг почти нет, машин тоже, да и аварии не так уж часто происходят.»

А тут как раз эти неизвестные ко мне спинами повернулись, я и обомлел. Не зря они мне странными издалека-то показались. У одного три руки и четыре ноги торчат, а у другого — наоборот, четыре руки и три ноги.

Так вот, тот, у которого четыре ноги было, вздохнул горестно и говорит:

— И это называется столетка безопасности движения!

— Да, — отвечает трехногий, — здорово он нам показатели подпортил.

— Я так полагаю, — сказал четырехногий, — что наша миссия на этой планете закончена.

— Гм! — отвечает трехногий, почесывая в задумчивости нижней левой рукой за правым ухом. — Пожалуй пора сматываться.

После этого они выкатили из ближайших кустов чечевиц небольшую летающую тарелку и, рассуждая о том, что премию им, как пить дать, в этом квартале срезают на двадцать процентов, стали готовиться к отлету.

Не прошло и минуты, как они упаковали свои чемоданы, залезли в свою тарелку — лес вздрогнул, полыхнуло синим пламенем — и я остался один на берегу. Чувствовал я себя, признаться, после этой встречи очень долго не в своей тарелке.

Вот и вся история, — сказал Иван Спиридоныч в заключение. — Я хоть человек и грамотный, можно даже сказать, — образованный, но до сих пор не могу понять — кто это такие были! И о нем это они толковали! И вообще, вся эта история наводит на размышления, вы не находите?

ЧУДЕСНАЯ ПЛАНЕТА

— Чудесный мир! Мы открыли рай для людей! — воскликнул капитан поискового звездолета, попирая ботинками почву неизвестной планеты.

— Да! — подхватил первый помощник, забрасывая удочку прямо со смотровой площадки корабля в протекавшую рядом речушку. — Вы совершенно правы, мой капитан! Здесь все вокруг просто создано для счастья

человечества. Раздолье-то какое! Горы, степи, леса! А зверья сколько! А рыбы! Я за десять минут уже две дюжины надергал, и заметьте, каждая рыбина килограмма по три, по четыре будет, чудеса! А озера-то какие — просто загляденье!

— Что озера? — махнул рукой второй помощник, спускаясь по трапу вслед за капитаном. — Вы посмотрите, какие у этой планеты моря, океаны — вот это величие! Мы пока на орбите крутились — у меня даже дух захватывало! А воздух, воздух какой чистый — улетать отсюда не хочется!

— Э, нет! — вздохнул капитан. — Мы должны лететь дальше. Этот мир будут осваивать без нас!

Год спустя на планету прилетел звездолет со специалистами по освоению новых миров.

— Главное, учет! — сказал статистик и первым делом пересчитал и заприходовал все растения, горы, пустыни, реки, озера, степи, моря, океаны, континенты, острова, вулканы, как действующие, так и погасшие. Пересчитал камни и скалы на суше и под водой. Провел подробную инвентаризацию всех зверей, птиц, рептилий, рыб и насекомых. Составил описание всех бактерий, вирусов и просто сложных молекул и минералов, получивших распространение на осваиваемой планете. После этого они вдвоем с геологом прикинули запасы природного газа и нефти, залежей угля и с чувством хорошо исполненного долга удалились в кают-компанию звездолета, где их уже ожидал хорошо сервированный столик с местными деликатесами.

К обозрению богатств планеты приступил климатолог.

— Недурно! Недурно! — пробурчал он, втягивая

носом свежий воздух планеты. — Ароматы просто божественные! Однако, — добавил климатолог, немного подумав, — откуда-то холодком потянуло! Что это у нас на полюсах — лед, снег? Шапки полярные надо бы удалить!

— Это можно, — согласился инженер-оператор и отчекрыжил гравитационным резаком ледяные панцири четырехкилометровой толщины с Южного и Северного полюсов планеты.

Планета крякнула, но стерпела.

— Горы в центральных частях континентов великоваты! — вклинился в обсуждение специалист по ландшафту. — Надо бы их несколько принизить, этак километра на два.

— Это несложно! — опять согласился инженер-оператор, включая гравитационный молот.

— А с пустынями что делать будем? — спросил мелиоратор. — Я лично не намерен терпеть это безобразие! Предлагаю прорыть каналы и развести сады.

— Погодите! Погодите! — вмешался строитель-архитектор. — А о нуждах промышленного комплекса вы подумали? Где, по-вашему, мы будем брать дефицитные строительные материалы? Что же, мне песок из другой галактики сюда трансгрессировать прикажете? А об отходах будущего производства вы подумали? Пустыни — отличное место для свалки! Они нужны нам, как воздух.

— Да! — вздохнул мелиоратор. — Пустыни придется, пожалуй, оставить.

— Нет! — сказал строитель-архитектор. — Их надо расширить! Нам необходима ровная однородная поверхность под производственные площади! Что-то придется сократить — либо леса, либо степи!

— Лес — наше богатство! — встрепенулся биолог.

— Тогда — степи! Не все, конечно, — поправился строитель-архитектор, заметив, как побледнела группа ботаников. — Процентов двадцать можно оставить под заповедники.

Все облегченно вздохнули, но тут слова попросил агротехник.

— А о посевных площадях вы подумали? — грозно прогремел он. — Хлеба где растить будем для будущих жителей планеты? Леса тоже придется урезать раза в два. Кстати, древесина — отличный строительный материал!

— Это верно! — согласился строитель-архитектор.

— А с транспортом как быть? — спросил специалист по перевозкам. — Вы как хотите, а планете нужны хорошие дороги! Придется мне от ваших лесов еще процентов двадцать оттяпать, да и горы со степями, пожалуй, тоже частично ужать надо будет.

И планету обернули густой сеткой бетонных дорог.

— Все это хорошо! — сказал строитель-архитектор.

— А города где возводить будем? Ведь для людей трудимся, им жить!

Биологи и зоологи вновь вздрогнули и покрылись белыми пятнами.

— Леса со степями, очевидно, еще потеснить придется, — мрачно заметил строитель-архитектор. — И горы, наверное, разровнять кое-где стоит. Сдвинем их слегка в океан — и образуется дополнительная дефицитная суша.

При упоминании о дополнительной суше все специалисты одобрительно закивали головами, чувствовалось, что каждый из них на эту самую дополнительную сушу имеет виды.

— Ну, если горы ровнять, то вулканы уберем в первую очередь! — подлил масла в огонь инженер по технике безопасности. — Как ответственный за противопожарную безопасность на планете я категорически против существования всех действующих и спящих вулканов.

— Убрать их! Чего с ними церемониться! — поддержали идею инженера другие специалисты.

Одинокий голос энергетика, что-то пролепетавшего о возможности использования внутренней энергии планеты и о геотермальных источниках, потонул в гуле одобрения.

— Это можно! — благодушно сообщил инженер-оператор, после чего загасил вулканы и стер их с лица планеты.

Планета сразу стала круглей и, если так можно выразиться, покатистее.

— Если уж мы заговорили о безопасности, — продолжал развивать свою мысль инженер по ТБ, — стоит продумать вопрос о хищниках! Я вот во время последнего осмотра заметил на планете большое количество всякого вредного и ядовитого зверья. Животные эти явно опасны для будущих жителей планеты. Предлагаю искоренить!

— Правильно, — поддержал инженера агротехник.
— О посевах тоже подумать надо. С насекомыми-вредителями, вирусами и грызунами надо бороться! Где химик?

Химик, мирно дремавший в своем кресле, вздрогнул и проснулся.

Ему быстро объяснили суть проблемы, и в атмосфере планеты была впрыснута изрядная доза ядохимиков-тотов.

По лесам пустили батальоны роботов-снайперов на предмет отстрела вредного для человечества зверя. В суматохе, конечно, вместе с хищниками перебили и всех травоядных...

Время шло — планета меняла облик, обстраивалась. Реки меняли свое направление. На континентах создавались дополнительные искусственные моря и водохранилища, осушались болота и рождались новые, столь дорогие сердцу строителя-архитектора, пустыни.

Вскоре забили тревогу биологи, зоологи и ботаники. Решено было спасать остатки лесов и животного мира планеты. В спешном порядке учредили Общество Охраны Природы Планеты. В члены Общества вошли все специалисты по освоению. Всем им выдали красивые зеленые членские билеты и со всех собрали членские взносы. При Обществе Охраны немедленно открыли канцелярию. Из канцелярии по всем инстанциям посыпалась исходящие и восходящие бумаги с многочисленными запретами, резолюциями, постановлениями и одобрениями. Приказы и резолюции печатались, как правило, тиражом в пятьдесят шесть тысяч экземпляров — и на Планете возникла Бумажная Проблема. Для решения Бумажной Проблемы при канцелярии построили четыре целлюлозно-бумажных комбината — и остатки растительности планеты стали катастрофически быстро сокращаться.

Меры по охране природы пришлось усилить. Уцелевшие лесные массивы было приказано обнести мощными четырехметровыми заборами, а вдоль всех дорог вывесить таблички с надписями: «Берегите природу!», «Траву не топтать!», «Лес — наше богатство!», «Территория заповедника!». К сожалению, ввиду всеобщей спешки и неразберихи — специалисты по освоению

готовились к прилету приемной комиссии — материалом для заборов и табличек с запретами была ошибочно выбрана древесина, и лесов как таковых не стало.

Звездолет с приемной комиссией встречали с помпой. Гремел оркестр электронных инструментов. Над космодромом вывесили транспаранты с надписями: «Добро пожаловать на чудесную планету!»

— У нас все готово для встречи первых поселенцев! — отрапортовал строитель-архитектор председателю приемной комиссии. — На планете созданы все условия для счастливой жизни людей!

Председатель, высокий старишок с черными усами и грустными, задумчивыми глазами, оторопело огляделся. От горизонта до горизонта перед ошарашенными членами комиссии простиралась ровная бетонная поверхность планеты, кое-где огороженная свежекрашенными зелеными заборами. Из бетона, точно диковинное порождение кошмаров негуманоидной цивилизации, торчали сотни тысяч кирпичных труб, испускавших пушистые хвосты коричневого, ядовитого дыма.

— К-хе! К-хе! — закашлялся председатель и торопливо надел услужливо протянутый ему противогаз. — Вы, голубчики, всерьез полагаете, что люди смогут жить в этих условиях? — спросил он, отышавшись.

— Не знаю, как вам, а мне все это внушает определенные опасения, — добавил один из членов комиссии, обращая внимание председателя на мелькнувшую вдали среди клубов дыма радужно-маслянистую поверхность моря и обильно испачканную нефтью и мазутом речушку.

— Мы уже наладили выпуск противогазов, — по-

спешно заметил инженер по технике безопасности.

— Да, — поддержал его химик. — И очистные сооружения уже почти построены!

— Это хорошо! — философски заметил председатель комиссии, улыбнулся чему-то и сказал: — В таком случае по старой добной традиции первые ордера на проживание в условиях этой чудной планеты я позволю себе вручить вам, специалистам группы освоения! От души поздравляю вас также с успешным, досрочным завершением реконструкции означенной планеты.

— Как? Разве мы не вернемся на нашу родную Землю? — удивленно возмутился строитель-архитектор.

— Какую еще Землю? — переспросил председатель комиссии, но, заметив на себе ледяные взгляды специалистов, поперхнулся. — Э, — пробормотал он, — да вы просто не в курсе. Землю-то уже без вас модернизировали в сжатые сроки... Другая группа...

КУРИЦА РЯБА

Сказка для детей неопределенного возраста

В некоем царстве — некотором государстве жили-были дед со своей старухой, и была у них, среди прочих пернатых, курица по имени Ряба. Петух у них тоже был, но сказка не о нем.

Так вот однажды, в связи с каким-то событием: не то праздник ожидался, не то конец месяца, снесла эта самая курица Ряба яйцо, как вы догадываетесь, не простое, а золотое, девятьсот семьдесят пятой пробы.

Увидел это яйцо дед, удивился, глазам не поверил, дескать, как это в нашем родном, можно сказать, курятнике и такие самородки произрастают. Перепугался дед, думает, как бы чего не вышло, как бы нас со старухой за валютные операции не привлекли. И решил дед, от греха подальше, золотое яйцо ликвидировать, сделать так, что вроде бы ничего такого у них в курятнике и не было, и в отчетностях ни-ни, никаких упоминаний об этом. Если же слушок пойдет по инстанциям, то все отрицать, дескать, не у нас это, а за границей было, а про наш отечественный курятник — это все корреспонденты напутали...

Взяли дед с бабкой по молотку и давай то яйцо изничтожать! Били, били, колотили, колотили — и все без толку. Надоело это занятие старикам, в конце концов.

Вытер дед пот со лба и говорит:

— Да, бабка, силы мои уже не те, что прежде, да и яйцо, наверное, никакое не золотое. Надо думать, это какой-нибудь сверхпрочный вольфрамо-иридиевый сплав. Пойду отнесу я сию штуковину своему начальнику, он парень молодой, может, у него чего с яйцом и выйдет. Наше дело маленькое — пусть начальство разбирается, им за это оклады положены.

Так дед и поступил.

У начальника, правда, тоже ничего не вышло. Целый рабочий день он над яйцом измывался: и бил, и колотил, и в мясорубку засовывал, и через яйцерезку пропустить пытался. Сам извелся, изнервничался. Деду выговор влепил в сердцах и наметил двадцатипроцентное лишение премии за текущий квартал, а проклятому яйцу все ничего не делается. Под вечер отнес начальник яйцо золотое вместе с рапортом своему начальнику, тот, мол, и старше, и образованнее, и

по должности выше, словом, должен в яичном вопросе лучше разбираться.

Старший начальник, конечно, поначалу младшему начальнику разнос устроил, мол, почто по пустякам беспокоишь. А потом тоже яйцо бил, бил, но не разбил, а, поразмыслив, особо ценной бандеролью отоспал яйцо в столицу...

Сказка быстро сказывается, да, к сожалению, не быстро дела делаются. Короче говоря, после всяких передряг попало яйцо к первому министру.

Министр был уже в летах, на свои силы не надеялся, однако для очистки совести все же стукнул яйцо три раза Большой Государственной Печатью и отправился с ним на прием к самому царю.

Показал министр золотое яйцо государю и докладывает:

— Ваше Царское Величество! Яйцо, как изволите видеть, не простое, а золотое. Били мы его, били, колотили, колотили, давеча даже под паровой молот клали и ничего у нас не вышло, нужна ваша резолюция: как бить, то есть, как быть...

А надобно заметить, государь той сказочной страны отличался редкой (среди царей) мудростью. Свою профессию царь-батюшка любил, видел в ней свое призвание (в том смысле, что ни на что другое уже не годился) и, отсидев на троне без малого лет двадцать, в государственных делах привык разбираться быстро и основательно.

Выслушал государь своего первого министра и тяжело вздохнул:

— Значит, били?

— Били, царь-батюшка, били, вы же знаете наши методы, как же без этого?

— Колотили?

— Колотили, царь-батюшка, старались.

— Так?!

— Так...

— Дурак ты, братец, дурак. Даром, что первый министр. Уж не знаю, что мне теперь о вторых и думать? Вот они, кадры! Верни яйцо курице и извинись перед ней за причиненное беспокойство! И чтобы никаких мышек! Разобьешь — квартальной премии лишу и удержу из оклада как за целого петуха. А следующий раз за такое отношение к государственному имуществу привлеку к уголовной ответственности! Ясно?

— Так точно, Ваше Величество, ясно! — пролепетал первый министр, побледнев и вышел.

Государь же еще раз вздохнул:

— Это что же такое делается? — Взял кисточку и пошел замазывать трещины Государственного Бюджета.

На этом сказка кончается. Кто слушал, молодец!

Ах, вам интересно знать, что было с тем яйцом? Из него со временем в экспериментальном столичном инкубаторе вылупился Золотой Петушок. Про него сказку вы уже слышали. М-да... А вот курочка Ряба так и не дожила до столь радостного события... Бабка как узнала, что деда на двадцать процентов премии лишить собираются, так тем же вечером прибежала в курятник и Рябе голову открутила, дескать, чтобы другим курицам не повадно было нарушать установленные временем и природой обычай и традиции. Впрочем, суп куриный дед одобрил. А вот начальник евойный за голову схватился, когда им на район сверху, из столицы, план по золотым яйцам спустили. Ну да тут уж ничего не поделать.

лаешь, все уцелевшие курицы того сказочного района теперь грамотные и ни-ни, упаси боже, никаких золотых яичек. Нет, нет и нет! Все отрицают! И случай этот с Рябой тоже. Дескать, не у нас это, а за границей было, в Японии, кажется, а про наш отечественный курятник — это все корреспонденты напутали...

Да, мой маленький друг, нужно уважать чужой труд, даже если это всего лишь труд курицы.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

ПОВЕСТИ

Вакансия 5

Путешествие Тимофея Авоськина за пределы
Солнечной системы 79

РАССКАЗЫ

Скрытые резервы

Лучшая половина

Сильное чувство

Евдокия

Где-то на краю галактики

Заблудились

Дырка в небе

Новое о Тунгусском метеорите

Чудесная планета

Курица Ряба

Анатолий Борисович
Шалин

ВАКАНСИЯ

Фантастические повести и рассказы

Редактор Н. К. Герасимова
Художники А. А. Чернов, . Гребенников
Художественный редактор А. Н. Медведев
Корректор М. Е. Фрицлер

ИБ № 2396

Сдано в набор 01.02.88. Подписано в печать 14.07.88.
Формат 84x108/32. Бумага кн. журн. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 15,59. Тираж 15000 экз.
Заказ № 15. Цена 1 р. 20 к.

Новосибирское книжное издательство, 630132, Новосибирск,
Красноярская, 112. Полиграфкомбинат, 630007, Новосибирск,
Красный проспект, 22.